

На
боевом
посту

БП

8'91

398

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Закавказье: ... а пули лепят и летят

В. Липтов. Пустые полки внешней политики

А. Безуглов. Тайна яхты «Злезия»

на боевом посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

8'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АФАНАСЬЕВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

В. П. ВОРОЖЦОВ,

Ю. В. ДУРНЕВ,

Э. В. КАЛАЧЕВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

В. Ф. КУЗЬМЕНКО,

Н. П. КУЗЬМИН,

В. В. МУРАТОВ,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н. Н. ПРОКОПЕНКО,

Ю. Л. РАЖЕВ

(зам. главного
редактора),

Л. Л. СМИРНОВ,

П. А. СТУДЕНИКИН,

В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

В. С. ФРОЛОВ,

В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБ-
ЛОЖКИ: фото Б. БУЛГА-
КОВА.

СТРЕЛЯТЬ

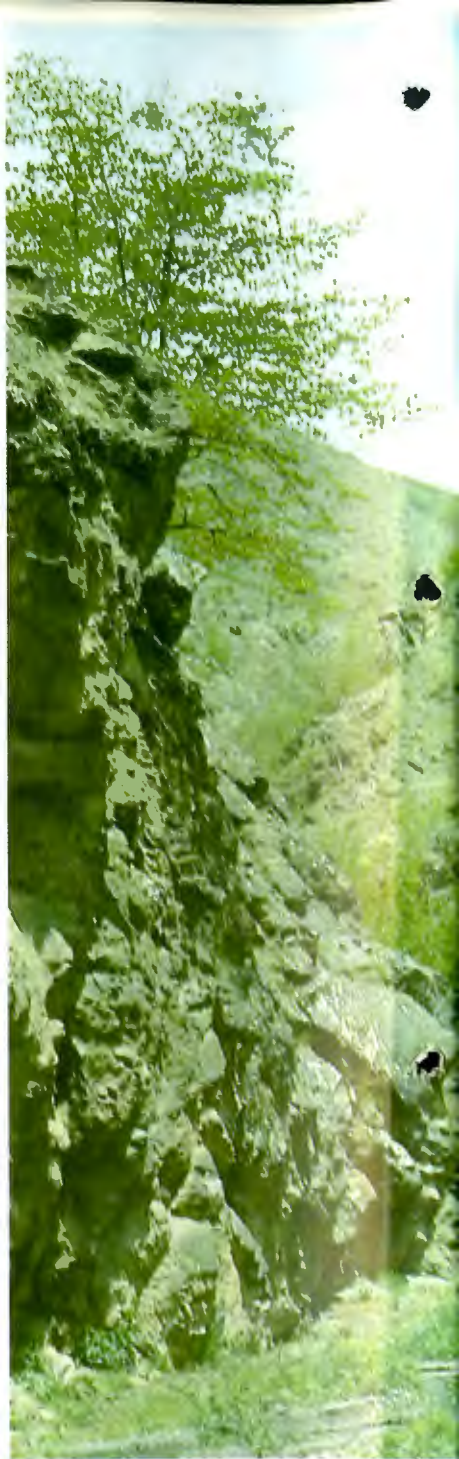

ИЛИ ЖАТЬ?

И босвыми машинами пехоты, и комбайнами "Нива" управляют люди. Какие машины выведут они на поля? Стрелять будут или жать? Не придется ли эти же вопросы задавать снова лет через десять - пятнадцать, когда вырастут мальчишки, самой популярной игрушкой для которых сегодня стал автомат? Для них — игрушечный, а для их отцов и старших братьев — настоящий. И если мальчишеские бои в худшем случае заканчиваются синяками, то у взрослых — дырой в лобовом стекле и разможженным черепом. Неужели это они завещают своим детям?

ФОТО Б.БУЛГАКОВА

Пропась между двумя скалами как пропась между двумя соседними народами, еще недавно жившими в дружбе, следов которой сегодня не найти и с собаками. Впрочем, у собак здесь дело куда более прозаичное — искать тайники с оружием, чтобы не раздавались ночью выстрелы, не попадали на госпитальные койки молодые парни с пулевыми ранениями. Мирным жителям ни

оружие, ни сама война не нужны. Старик армянин с возмущением показывает на возделанные участки земли на склонах гор и спрашивает, сможет ли он и его односельчане собрать осенью урожай. Чтобы ответить на этот вопрос утвердительно, приходится с многократно умноженной бдительностью искать и искать оружие и боеприпасы.

Когда работа кончена, не грех и отдохнуть. Солдатский отдых мимолетен, тем большую ценность приобретают минуты, в которые можно расслабиться на щедром кавказском солнышке, привалившись к боку верного друга. В любой момент может прозвучать команда "К машине!". И потянутся под колеса и гусеницы новые и новые километры горного серпантина. А хочется, чтобы он поскорее вывел солдата на равнинную российскую дорогу, а она целым и невредимым привела бы его к родному порогу. Пусть так и будет!

Фото Б. Булгакова

СОДЕРЖАНИЕ

В ОСОБОМ РАЙОНЕ	
БУЛГАКОВ Б. Из закавказского дневника	2
КАРПОВ Б. Убит в Светлое Воскресение	7
ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ	
КИСЛЫЙ Ю. Фанаты	32
ГУЛЯЕВ В. «Спасибо внутренним войскам!»	36
ХАЛЬЗОВ В. «...По-прежнему комиссары?»	39
ГЕРАЩЕНКО В. Парадоксы самостоятельности	43
Письма читателей	46
ПУТИЛОВ В. Две недели с «Коброй»	49
ЧЕРКАСОВ А. Солдат ударился в бега, или О дефиците мужского воспитания	52
ПРОЗА. ПОЭЗИЯ	
КИРИЛЛОВ Ю. Право на смелость (стихи)	10
ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (роман-размышление, окончание)	12
АРТЮХОВ Е. Пэверка (стихи)	54
АНТУФЬЕВ Е. Опасная зона (стихи)	67
БЕЗУГЛОВ А. Тайна яхты «Элегия» (приключенческий роман, продолжение)	69
ФАТЬЯНОВ А. След звезды (рассказ)	81
ПУБЛИЦИСТИКА	
ЛИТОВ В. Чем спасны пустые полки внешней политики	56
РЕШНИКОВ А. Идем туда — не знаем куда...	64
КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ	
ГОРОЖАНИНА Л. «Против стресса — точечный массаж»	88
Между нами, женщинами	91
Клуб знакомств «Возможна встреча»	92
СЕВОДНЯЕВ В. Воля хозяина — закон (о жизни собачьей: советы специалиста)	93
Кроссворд	94

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«...Что может сделать с рычащей, ошестившейся палками и металлическими прутьями многотысячной толпой сотня солдат?! С абсолютно голыми руками... Приказали лечь костями, но толпе дорогу преградить. Легли. Сняжка и ушибам счету не было. Потрепали нас изрядно, долго потом раны зализывали. И то рады были, что живы остались».

А. УШАР.
«Подранки».

Вышли из скрона в ночь, а уже утром натолкнулись на засаду. Группа проходила в то время опушкой леса, спрятаться от огня солдат было невозможно. Перун упал при первых же выстрелах. Боевики, увидев, что потеряли вожака, взяли резко влево, туда, где тежел сосняк.

А. ПОДНЕСЕНСКИЙ.
«Красные капли дождя» (повесть).

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications
handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for Na boevom postu.
For further details,
please contact us at:

EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
111250, Москва. Е-250.

Телефоны:
секретариата — 361-82-57.

Отделов:
войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-85-52, бухгалтерии — 361-85-80.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.06.91 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13,3. Тираж 112000 экз.

Подписано к печати 19.08.91 г.
Усл. печ. л. 8,4+вкл. ¹/₄ п. л.
Зак. № 1677 Цена 90 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

ИЗ ЗАКАВКАЗСКОГО ДНЕВНИКА

С каждой поездкой в места, именуемые горячими точками, накапливаются встречи, впечатления. События там несутся с такой скоростью, что тебя, подобно закаляемой стали, бросает то в жар, то в холод. Вчера ты замороженно ловил каждое слово человека, потрясшего тебя своей чистотой и обнаженностью нервов, а сегодня узнаешь, что его больше нет, что от него осталось только то, что повезут за тридцать земель в цинковом ящике. Восхищение высотой человеческого духа захлестывается горечью столкновения с дремучим национализмом, ничтожеством целей и варварством средств. Все это мучает и не дает покоя, требует выхода.

Знакомьтесь — Шамаев!

О НЕМ ГОВОРЯТ, что он не знает страха.
— Ерунда, — опровергает прапорщик Роман Шамаев, — что ж я, робот, что ли? Всякое бывает: идешь с голыми руками на бандюгу, наставившего на тебя обрез, и от страха кишки индевеют...

— А все равно идешь?

— Работа такая. Взятся за гуж — не говори, что не дюж.

Был случай, когда Роман один выступил против преступной группы, похитившей имущество роты, и победил в этой схватке.

Своей инициативностью и жаждой действия он нередко озадачивает командиров. Ему непременно надо быть на острие событий, там, где опаснее всего. При вынужденном бездействии Шамаев буквально заболевает. Единственным и безотказным лекарством для него в таких случаях бывает команда «Сбор!».

В вопросах воинской и человеческой чести Роман щепетилен до максимализма. Ему никогда и в голову не придет, что где-то можно «сачкануть» за счет другого. В столовой свою пайку отдать — это за просто, а в бою за чужую спину прятаться — это никак не про него. Даже теоретически допустить невозможно.

В мае этого года в Нагорном Карабахе, наблюдая за подготовкой подразделения к выходу на боевую операцию, я обратил внимание на такую деталь: в то время, как товарищи Шамаева укладывали в вещмешки хлеб и консервы, Рома свой мешок набивал гранатами и автоматными «рожками». Я тогда пошутил:

— Рома, это не те гранаты. А есть-то что будешь?

Шамаев в ответ только хмыкнул, а старший лейтенант Руслан Поушев прокомментировал:

— Он ведь обязательно окажется в таком месте, где граната будет нужнее хлеба.

А командир роты добавил:

— С голоду мы ему умереть не дадим, лишь бы пули эту отчаянную башку миновали.

Я втихаря трижды сплюнул через левое плечо, тоже пожелав, чтобы судьба хранила Романа. А она, видно, не всегда была к нему благосклонна. Утром, когда Роман умывался, я с завистью любовался его торсом, на котором мышцы выступают, как протектор на баллоне большегрузного самосвала, но на смуглой коже то тут, то там белеют рубцы и шрамы. Часть из них он получил еще будучи сотрудником уголовного розыска в схватках с поставщиками наркотиков, а другие — уже в спецназе.

Накануне выезда роты в Карабах Шамаев был серьезно болен, но зов боевой трубы как всегда моментально поставил его на ноги.

— Нога у него была черная, — вспоминает Поушев, — хромал со страшной силой, а туда же, в строй.

Спрашиваю Романа:

— Боялся, что без тебя улетишь?

— Нет, — качает он головой, — боялся, что я без них останусь. Мне без роты, без спецназа...

Роман махнул рукой, даже не решаясь переделит, что за жизнь была бы у него без товарищей, без риска, без постоянной необходимости кого-то спасать.

— Ну вот, кончится все это, — снова задаю вопрос Роману, — не останется больше горячих точек, куда податься, чем заниматься будешь?

— Нам семьдесят с лишним лет внушали, что воровство, насилие, бандитизм — пережитки прошлого, наследие самодержавия и так далее и тому подобное... А статистика-то показывает, что этой дряни меньше не стало, наоборот, прибавилось. Так что без работы я не останусь. И международные конфликты возникают не из-за клубники, как пытался утверждать один наш широко известный чиновник. За кулисами этих кровавых спектаклей хозяйничает мафия, окопавшаяся в самых высоких эшелонах власти. Так что и здесь скорого «хэппи энда» ждать не приходится.

Попробовав на вес вещмешок, Шамаев сунул в него еще пару гранат и, удовлетворенно кивнув, продолжил:

— Ну а если, паче чаяния, завтра армяне обнимутся с азербайджанцами, грузины — с осетинами, из автоматов делают мангалов и шампуров, я с величайшим удовольствием выпью с ними виноградного вина и закушу шашлыком, а потом уйду в море. Я ведь когда-то мореходом закончил.

На дорогах Карабаха

В ОДНОЙ ДЕТСКОЙ песенке поется, что если долго-долго прямо по дороге топтать, ехать и бежать, то можно в Африку прийти. По карабахским дорогам не то что в Африку — в соседнее село не всегда попадешь.

12 января этого года на одном из витков горного серпантина между Степанакертом и Шушой, где езды-то от силы пятнадцать минут, был обстрелян военный «уазик», в нем погиб полковник В. Григорьев и с ним еще двое военнослужащих.

Тремя днями раньше на лачинской дороге пули экстремистов изрешетили машину, оборвав жизни двух офицеров, сержанта внутренних войск и бакинской журналистки.

16 апреля среди бела дня на дороге Агдам—Мартуни из КАМАЗа автоматной очередью на встречном ходу было расстреляно такси. Водитель погиб на месте нападения, один из пассажиров умер по пути в больницу, еще двое получили ранения.

На этой же дороге 29 апреля ночью взлетел на воздух мост.

У села Диванлар Физулинского района армянские террористы совершили воору-

женное нападение на наряд внутренних войск, следовавший к месту службы совместно с сотрудниками РОВД. Погибли два милиционера и рядовой Айнур Имаев. Получил ранение командир отделения сержант И. Шельменков.

Контрольно-пропускные пункты, особенно в Аскеранском, Агдамском и Лачинском районах, обстреливаются чуть ли не каждую ночь.

В середине мая на дороге Шуша—Лачин за одну ночь армянские боевики заложили двенадцать фугасов, и лишь благодаря бдительности военнослужащих мины были обезврежены, не принеся ни жертв, ни ущерба.

Дорожное полотно сейчас в плачевном состоянии, и с каждым днем появляются все новые и новые выбоины, осыпи и завалы. Все чаще приходят сообщения о сорвавшейся в пропасть технике. Опять гиб-

нут и калечатся люди. Однако восстановлением дорог заниматься некому. На это отваживаются только военные специалисты, но и на них зачастую обрушивается свинцовый шквал из засад.

Помню, на КПП Шуши мы встречали длинную колонну, в которой то и дело попадались машины и с разбитыми стеклами, и с пулевыми пробоинами. А когда на контрольную площадку въехал рейсовый автобус из Баку с лобовым стеклом, похожим на панцирь черепахи, солдат-часовой воскликнул:

— Опять двадцать пять! Через день меняет стекло. Что ни поездка — камнем в лоб.

Немало грузов и людей здесь перевозится вертолетами. Но и к ним с земли, бывает, тянутся пунктиры трассеров.

Вот такие они — пути-дороги Карабаха.

ОМОН или зондеркоманда?

СОЛДАТСКАЯ служба рядового Виктора Куликова началась осенью 1990 года. Пошел он выполнять свой мужской долг защитника, оставив дома жену и сына. Военная судьба забросила его в Нагорный Карабах. А через полгода оказался парень на госпитальной койке с пулевым ранением в плечо.

Виктор нес службу в карауле, охраняя цистерну с горючим. Осматривая подступы к посту, он увидел двух незнакомцев, одетых в форму азербайджанского ОМОН, вооруженных автоматами. Часовой тут же вызвал начальника караула с резервной группой. Прибывшие на пост военнослужащие обошли прилегающую территорию, но незваные гости как сквозь землю провалились.

Через несколько минут после ухода начальника караула Виктор снова заметил подозрительную пару. Не успел он подать

условного сигнала, как его визави открыли по нему огонь. Удар в плечо пронизал болью все тело. Солдат отбежал в сторону от цистерны и открыл ответный огонь. Его поддержали часовые соседнего караула. Нападавшие боя не приняли и скрылись в горах.

Хирург, делавший Виктору операцию, сказал, что пуля поразила мягкие ткани, не задев жизненно важных центров, так что лечение раненого пройдет без осложнений.

Возмущает подлость действий непрошенных визитеров — исподтишка, двое против одного. Типично бандитский почерк. И пусть не обманывает читателей форма ОМОН, в которую были они одеты. Как утверждают сведущие люди, в отрядах милиции особого назначения в Азербайджане оказалось немало бывших боевиков, место которых не в рядах правозащитников, а на скамье подсудимых.

При выездах на операции по разоружению армянских экстремистов военнослужащие внутренних войск нередко сталкивались с омоновцами, обстреливавшими армянские деревни из автоматов, не утруждая себя поисками боевиков.

— Я такое только в кино про войну видел, — рассказывал об омоновцах старший лейтенант Р. Поушев, — валят с горы толпой и поливают деревню из автоматов от бедра, как зондеркоманда. А в деревне-то — одни старики и дети да азербайджанские милиционеры паспорта проверяют. Эти вояки и наше оцепление обстреляли, солдата в ногу ранили. А когда мы их остановили и попытались выяснить, с чего это ОМОН по войскам стреляет, их командир заявил: «Издали не видно, войска вы или не войска, у армянских боевиков тоже есть маскировочные комбинезоны». Короче говоря, они со страху палят во все, что шевелится. Потом, в жажде подвигов, омоновцы отправились в деревню, перестреляли там собак и подожгли дом, покинутый жильцами.

Подобная же стычка в другом районе закончилась тем, что взвод спецназа вынужден был разоружить отряд милиции непонятного назначения.

Семнадцатого мая в комендатуру особого района пришло тревожное сообщение из армянского села: женщине, проживающей в нем, предстояли сложные роды. Нужен был врач. На помощь пришли внутренние войска. Медгруппе выделили вертолет и охрану.

Когда прибыли на место, первыми, кого увидели, были омоновцы. Вели они себя откровенно по-хамски, мешая врачам из Степанакерта выполнять их долг. А фотокорреспонденту ТАСС, прилетевшему вместе с медиками, «стражи порядка» вообще не дали работать.

В тот же день в селе Каладераси солдат спецназа разоружил и задержал двух омоновцев, насильовавших армянскую девочку.

Так чем же отличаются нынешние «рыцари правопорядка» от вчерашних бандитов-боевиков? Может, и на них пора распространить Указ Президента о разоружении незаконных формирований? Как же может считаться законным отряд, если действия его — самая настоящая уголовщина?

Конечно, в милицейских отрядах особого назначения немало людей, честно относящихся к выполнению возложенных на них обязанностей и не заслуживающих упреков и обвинений вкупе с легализовавшимися бандитами. Тем более им следовало бы проявить большую принципиальность при формировании отрядов, на пушечный выстрел не подпускать ни к оружию, ни к милицейской форме тех, кто видит в ОМОН карательные команды, кто попирает законность, упиваясь властью над людьми, полученной силой оружия. Недаром говорится, что одна паршивая овца все стадо портит.

Мечты, мечты!..

ТЕОРИЯ утверждает, что армия — структура временная. Еще на курьезной скамье, посредством фантазии приближая время роспуска этого государственного института, мы представляли, как военные самолеты повезут гражданские грузы и пассажиров, в мощную тягловую силу на колхозных полях превратятся танки, лишённые грозного вооружения, а оружие будет переплавлено на сковородки...

И вот сегодня в Закавказье военные вертолеты возят женщин, стариков, детей, ящики с продуктами, медикаментами и прочими сугубо мирными грузами. Но как же не похоже нынешнее время на то, о котором мы мечтали! Винтокрылые машины, везущие крупу и консервы, не перестали быть военными, с них не снято вооружение. Горные дороги, и без того опасные, напичкиваются минами, простреливаются из автоматов и пулеметов. Ну а пассажиры — отнюдь не любознательные туристы, которых потянуло на экзотику, это беженцы, вынужденные бросить свои дома, оставить землю, на которой родились и выросли и которая вдруг сделалась для них чужой, отказаться от всего, что наживалось годами нелегким трудом, и с двумя-тремя чемоданами самого необходимого лететь, как в пропасть, неизвестно куда, неизвестно к кому.

Тем, кто заварил страшное зелье националистического психоза, нет дела до невинных жертв их политики. Мало того, эта политика изначально рассчитана на то, чтобы людские слезы и кровь сгущать в копейки и рубли. Так что не скоро нам доведется отливать сковородки из нынешних автоматов, хотя сегодня уже и сковородки — дефицит.

Майор Б. БУЛГАКОВ,
фото автора.

МЫ ВСЕ ПЕРЕД СОЛДАТАМИ В ДОЛГУ

Вот и к сообщениям из горячих точек мы, откровенно говоря, уже привыкли и довольно буднично воспринимаем информацию о том, что, скажем, в Закавказье вновь совершенно нападение боевиков на войсковой наряд, столько-то военнослужащих получили ранения. И далеко не каждый, к сожалению, способен за сухими, дозированными строками увидеть и ощутить страдания, боль солдатскую, содрогнуться, понять...

Эту боль и кровь, эти страдания, на которых под лицемерным предлогом «не сгущать краски» стараются не заострять внимание многие издания, с особой обостренностью воспринимаешь в военных госпиталях, лазаретах, полковых медицинских пунктах, встречаясь с их пациентами — коротко остриженными восемнадцатилетними — двадцатилетними мальчишками в стандартных больничных пижамах, но с вполне взрослыми диагнозами: проникающее огнестрельное ранение, сквозное, множественные осколочные...

Эти двое пациентов Центрального военного госпиталя внутренних войск — последние из тех более чем ста, что находились здесь на излечении со времени начала межнациональных конфликтов (в московский госпиталь попадали самые «тяжелые»). ...Магомеда Курбанова учат говорить всей палатой. Заново учат. Точно так же, как неделями раньше учили сначала сидеть, затем вставать на ноги, потом понемногу передвигаться. Парень смущенно тербит полы стандартной госпитальной пижамы и беспомощно улыбается, пытаясь по слогам повторить: «спа-си-бо». Что-то не очень получается. Пробитый осколком мозг с трудом восстанавливает свои функции.

После боя командир части показал приехавшим мужчинам рода Курбановых (только мужчинам, щадя мать и сестер Магомеда) его каску. В левой ее части — рваная дыра — отметина жестокой схватки.

Александр Хохлич из одной роты с Курбановым. Тот бой был для него первым и последним.

Солдат прищуривает левый глаз.

— Не больно, Саша! — спрашиваю.

— А чему болеть, — невесело усмехается он, — это ж стеклянный. Мой остался в Гяндже, вместе с осколком вытащили в госпитале, когда привезли нас туда после боя... Не отдали село. А как отступишь! Ушли б, боевики от него камня на камне не оставили бы. А глаз, что ж... — вздыхает и переводит разговор на другое.

Ни один из тех, кто был в этом бою, не дрогнул. Как не дрогнул, не отступил, не струсил ни один из тех тысяч воинов внутренних войск, что охраняют закон и порядок в горячих точках.

Если взять за аксиому, что преступность не имеет национальности, то следует, видимо, признать, что не имеет национальности и сила, противостоящая ей, тот монолит, о который разбиваются проски боевиков. Этот монолит — боевое братство внутренних войск, в котором сплочены представители всех наций и народностей нашей страны. Кумык из Дагестана Магомед Курбанов и украинец из-под Хмельницкого Александр Хохлич — маленькая частица этого монолита, преградившего путь насилию.

Ясно, однако, что войска не решат многочисленных проблем беспокойных регионов, да и не их это задача. Всем, наверное, понятно, что нормализовать межнациональную обстановку можно лишь политическими методами. Но пока гремят в горах и долинах выстрелы и взрывы, пока льется невинная кровь, воины внутренних войск в любую минуту готовы идти навстречу опасности.

Помните об этом и, встретив в очередной раз на газетной полосе сообщение об обострении обстановки в горячей точке, постарайтесь увидеть за ним наших солдат — обычных парней, вчерашних рабочих, школьников, колхозников, помяните их добрым словом. Они вправе рассчитывать на вашу признательность, милосердие, суть которого, думается, в понимании того, что они выполняют самую гуманную миссию — защищают главное из прав человека — право на жизнь. Защищают, согласно присяге, не щадя крови и самой жизни. Мы все перед ними в долгу.

УБИТ В СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

«**В** ОТ ТАК И ЖИВЕМ, товарищ лейтенант, — хозяин дома положил на стол узловатые темные от загара лет руки. — Все хуже и хуже живем. Работать некому — кто помоложе, те стараются в Кубатлы уехать, в Баку. Некоторые в России живут. У Гулама Назарова два сына — офицеры: Гасан в Советской Армии служит, а Захид в ваших войсках, внутренних, в Архангельске, как и ты — замполит роты.

Переживают за нас сильно — война ведь идет здесь. Что случилось с людьми, не пойму. Раньше наши дети в армянское село Шурнух в школу ходили, а теперь там гнездо боевиков. По дороге, что из Кафана в Горис, все ездили, теперь — граница. Сколько сел опустело — Мазра, Гадилли, Эйвазлы, Сейтас, Давудлу... Бегут люди от бандитов, а те и рады — жгут дома, обстреливают, скот угоняют. У нас вот недавно еще пять коров угнали. Чем детей кормить?»

Лейтенант Олег Бабак, начальник заставы, при этих словах едва не поперхнулся скудным угощением, которое от души выставил пожилой азербайджанец — лаваш, кислая простокваша, стрелки зеленого лука. Для них он большой человек, начальник — его солдаты помогают хранить жизнь в махоньком горном селе Юхары Джибикли. «Юхары» — означает «Верхние». Высота здесь — полторы тысячи метров. С одной стороны, вроде бы глушь несутная. А если с другой поглядеть — райский уголок. Что здесь людям надо? Воздух хрустальный, родники. Сады и огороды у каждого ухоженные. Пастбища горные отменные. Леса первозданные — и дрова тебе, и ягоды-орехи, и зверье водится...

Зверье... Идиллическая картинка вдруг

исчезла, словно красочный пейзажный слайд резко сменили кадром черно-белой фронтовой хроники — сожженные дома, искореженные взрывами и выстрелами машины, трупы. Двуногое зверье бродит теперь в этих краях, мешая людям жить в прекрасной земле.

«Мы не уйдем, отец», — лейтенант пожал старику руку, поблагодарил за угощение. Пошел вверх, к своей заставе, привычно всматриваясь в темнеющий слева горный хребет. Там проходит трасса между армянскими городами Горис и Кафан. Дорогой жизни прежде называли, а теперь...

О плохом думать не хотелось — ни к чему тоску и себе нагонять, и тем более пацанам своим. Из сумерек выбежал Серый — заставский пес, стал ластиться, прыгать вокруг. «Ну-ну, хорош баловать», — Олег потрепал собаку по лохматому загривку, — давай-ка на пост, карауль, отработывай паек!» Со стороны трассы послышался мерный гул — идет армянская колонна. Олег поспешил к заставе — надо глянуть, кто едет, что везет. Чертыхнувшись в который раз из-за отсутствия на заставе бинокля, лейтенант отсоединил прицел снайперки, стал наблюдать «линию фронта» сквозь перечеркнутый окуляр: впереди пошла бэздээмка, потом КАМАЗы, какие-то красные цистерны вроде бензовозов, грузовик с боевиками, колонну замыкал УАЗ. Вот за ним-то и нужен глаз да глаз. Нередко последняя машина останавливается, боевики дают несколько очередей в сторону села — дескать, знай наших — и быстренько сматываются. Сегодня обошлось без выстрелов. Может, самим надоело палить, может, начальник боевого охранения у армян попался разумный — не захотел провоциро-

вать на ответную стрельбу, тем паче, что в колонне, видимо, горячее. «Ну, и слава Богу», — подумал лейтенант, набросил на крутые плечи зимнюю куртку и сел на бруствере ближайшего к заставе поста.

На горы опускалась холодная ночь холодными звездами. Они были колючими на безжизненном черном пространстве, и взгляд, обращенный к ним, не возбуждал мысли о бесконечности Вселенной и бесконечности души. Наоборот, до ломоты в висках от бросившейся к ним крови захотелось ему оказаться дома, в тепле и уюте. Те же звезды, хоть и смотришь на них с равнинной полтавской земли, теплее и ближе, и не колют сердце, а наполняют его ровным светом и радостью жизни. А ночь-то сегодня пасхальная, вдруг вспомнил Олег. Там, далеко, стоя в хатах куличи, вокруг выложенные пестрыми крашенками. И завтра будет Светлое Воскресенье, и люди будут улыбчивы, добры всякому, приветливы и радостны жизнью своею, несмотря на все горести и напасти, и наполнятся верой и умиротворением.

А тут люди убивают людей. Почему? Неужели это у них в природе, в крови? Вот недавно мусульмане отмечали свой главный в году праздник — Новруз Байрам. Рассказывали, что в этот день самые лютые враги примиряются, забывают обиды, распри. А как раз двадцать первого марта в Ходжаллах обстреляли машину прокурора НКАО, наш медсанбат, караул на КПП. Или что — к иноверцам святые заповеди не относятся? Выходит так: обе стороны убеждают в миролюбии своей веры, а друг в дружку палят и днем и ночью. Завтра Пасха, поглядим, какими христианами покажут себя армяне, они ведь кичатся своей богоизбранностью, григорианскую церковь считают старше и мудрее православной. Бог с ними! Прекратили бы войну!

На днях в попавшемся на глаза численнике прочел он патетическую фразу кого-то из писателей: «Для всех воскрес Христос! Все мы, большие и малые, богатые и убогие, иудеи и эллины, все мы встанем и от полноты душевной обнимем друг друга!»

«Если бы!» — подумал тогда Олег.

В ОСКРЕСЕНЬЕ только поначалу выдалось светлым, солнечным... Километрах в полсотни от села местные жители обнаружили труп лесника Шахина Мамедова. Его двоюродный брат Гариб Назаров пропал без вести. Азербайджанцы, естественно, пришли к военным за помощью. Куда им еще идти, если в селе один-единственный участковый?

Информация о двух пропавших азербайджанцах пошла «по большому кругу», так как прямой связи с батальоном мешали все те же живописные горы. Как по «испорченному телефону» майору Бурдукову

доложили: «На 16-й пропали двое солдат». Хоть телефон и испорченный, но это была отнюдь не детская игра, комбат почувствовал что-то недоброе и выслал на заставу «таблетку» — санитарный УАЗ. Экипаж машины боевой составили капитан И. Шаповалов, полковник медслужбы В. Лукьянов, старшие сержанты А. Бочков и А. Логинов. За рулем «таблетки» был рядовой А. Лизогуб. Дорога до заставы Бабака — хуже не бывает. Настроение у всех — тоже. Изношенная машина хрипя карабкалась по глинистым зигзагам. Военные терзались мыслью: «Что случилось с ребятами?» Полтора часа показались вечностью.

Теперь некоторые высокие чины пеняют действующим лицам тех событий за непродуманность и поспешность решений. Дескать, если бы не поехали тогда за трупом убитого армянами лесника, то... Дескать, пусть бы сами азербайджанцы и вывозили его.

Этим рассудочным «военным» офицеры готовы выставить «если бы» и со своей стороны. Если бы на заставе был бэтээр... Если бы хоть по паре ручных гранат...

Да еще если бы принять в расчет вероломство бандитов, к которому за три года войны славяне никак не привыкнут. Да еще если бы забыли по обе стороны стреляющей границы слово «мстить», ржой разьевавшее души людские... Если бы...

Женщины с воплями карапали себе лица. Немногочисленные дети смотрели жалко и затравленно. Старики тыкали пальцами в сторону Армении и выкрикивали проклятия наперебой.

Надо было ехать к месту происшествия — это однозначно. «Таблетка» вновь поехала по горному серпантину и скоро остановилась возле группы людей. Участковый лейтенант милиции О. Гусейнов, невеста убитого, его сестра и еще двое местных жителей не решались спускаться с обрыва, ждали военных.

Тяжелое это дело — тащить вверх из стометрового обрыва мертвое тело. Несколько пулевых ранений не оставляли сомнений в том, что лесник был расстрелян едва ли не в упор. Тело стали укладывать на носилки, когда на дороге Горис—Кафан появилась белая «Нива»... Бандиты ударили враз из нескольких автоматов. Отчетливо видели красный крест в белом круге на борту машины — в него и попала одна из пуль. Автоматная пилюлина калибра 5,45 мм рвет металл. Человеческую плоть — тем более. Достать подготовленных военных боевики не смогли, зато первыми же очередями ранили восемнадцатилетнюю девушку, которая и без того была в трансе при виде мертвого своего жениха. Ранения были тяжелые — в живот, в ногу, в руку. Пули в ногу и руку получил Агаверди Назаров. Лейтенанту милиции О. Гусейнову разворотило бедро. Так что не смог он выполнить команды лейтенанта Бабака: «Уводи своих, мы прикроем!»

Поняв, что с ранеными азербайджанцами быстро уйти не удастся, лейтенант Бабаков принял решение держать оборону до прибытия подкрепления с боеприпасами. С ним оставались надежные парни, два старших сержанта, два Алексея — Логинов и Бочков. И так, их оставалось только трое против...

В трех крытых грузовиках — это были «Уралы» или «ЗИЛы» — подъехало человек шестьдесят-семьдесят. Стало ясно как белый день, что надо уходить: пока вернется машина с подмогой, все может быть кончено. Но отойти тоже оказалось не просто — огонь был настолько плотный, что нельзя было поднять головы. Логинов успел отползти метров на шестьдесят и пропал из виду. Тут к армянам подъехал еще и БТР, забухал крупнокалиберный пулемет. От трассеров загорелась трава. Бабаков и Бочков перекидывались в периоды относительного затишья редкими короткими фразами.

«Леха, надо уходить! Нас обойдут — конец! Закрой мне спину!»

Бочков выполз на колено. Бабаков полз к нему. К армянам был теперь ближе Бочков. Но ему мешало солнце — прямо в глаза. Когда набегало облако, он стрелял. Иногда — на звук.

Отошли еще метров на сто, и вдруг Бочков слышит: «Все, Леха, нас обошли! Закрой спину — будем здесь держаться!» Сползли с дороги на обочину. Замполит закрывал Бочкову спину со стороны склона, а тот лейтенанту — со стороны наступающих основных сил боевиков. Другими словами — вдвоем заняли круговую оборону.

Уходить можно было только по дороге. А она простреливалась.

«Леха, надо попробовать выйти на склон, а там через дорогу, а то конец».

Там всего-то было метра три.

Как раз по этому склону, где должен был находиться Логинов, заработал крупнокалиберный с их БТРа.

«Нет, остаемся здесь, туда тоже нельзя».

Бочков вдруг услышал чисто русский голос, без малейшего акцента: «Солдаты, бросайте оружие и уе.....те, даем пять минут!» Явно русский воевал на стороне армян — матерщина классическая, акцента никакого.

Потом голос с акцентом: «Солдаты, уходите, оставьте оружие и азербайджанцев!»

Бочков уже взаправду думал, что старшины Логинова уже нет — туда лупили очень сильно из крупнокалиберного, там сильно горела трава.

По ним с лейтенантом стреляли как будто резе. И сами они стали экономить патроны, пристегнули по последнему магазину. Бочков слышал, как боевики переговаривались в цепи, пробираясь по склону. Снайперы грамотно указывали своим автоматчикам цели — трассеры свистели с каких-то сантиметров от Бабакова и Бочкова.

«Уходи!» — приказал замполит Бочкову.

Тот не выполнил приказа. Еще минут десять вели огонь.

«Уходи, они идут!»

Бочков лежал на спине, лицом к склону, метрах в полтора ниже полотна дороги. Бабаков поднялся так, что Бочков увидел его голову, плечи, до лопаток примерно. Последнее, что услышал: «Стойте! Не стреляйте! Я остался один!»

Потом ему за спину стал забегать армянин с карабином — это Бочков четко видел. Кому-то что-то кричал, тех видно не было. Потом армянин увидел раненых азербайджанцев, побежал к ним. Бочков и милиционер одновременно дали по очереди — срезали. Сразу же плотный огонь в сторону азербайджанцев.

Тут пришла помощь с заставы: полковник В. Лукьянов перевязывал, вытаскивал из-под огня, раненых сержант Э. Митковский и рядовой Е. Небеский поддерживали Бочкова, ефрейтор А. Дубина и рядовой А. Дурасов — Логинова, сержант А. Медведев и Э. Кулагин подносили боеприпасы.

«**ГИБЛОЕ МЕСТО**», — скажет потом лейтенант Василий Атамась об окрестностях села Юхары Джибикли. Долгий час и еще двадцать пять минут двигался БТР к месту боя. А от батальона до заставы всего-то 22 километра. Знал Атамась, что ждет его друг, одноклассник по училищу. Знал, но механика-водитель не подгонял. Тот, сержант А. Сафронов, — молодчага. По этой дороге БТРу вообще-то не пройти, просто невысласимая это авантюра. А он прошел. Наконец БТР выскочил на поле боя, повода стволами и триплексами. «Где Олег?» — единственный вопрос волновал сейчас Атамася, боевиков он не боялся. Лейтенант Бабаков лежал без бронезилета, без автомата. Не сумев одолеть в честном бою, его убили, когда остался без патронов и крикнул в расчете на благоразумие бандитов: «Стойте! Не стреляйте! Я остался один!»

Расправиться с азербайджанцами военные не позволили. Все зло было вымещено на лейтенанте с чудовищной жестокостью — пулей в спину, в упор...

Едва открылись люки, по броне застучали пули. Но Василий Атамась не мог оставить друга на поле боя, он приказал обработать склон из всего имеющегося оружия. В своих потерях на поле боя армянские боевики не признались...

Олега Бабака похоронили в родном селе Виктория. На могиле геройски погибшего воина всегда цветы. Приносят их люди добрые — однополчане, которые навещают родных, школьники, молодожены в дни свадеб.

Свою свадьбу он сыграть не успел. В Светлое Воскресение убили его нелюди.

Подполковник **Б. КАРПОВ**.
Кубатлы—Москва.

Полковник Юрий КИРИЛЛОВ

Юрий Кириллов родился в 1940 году в Ивановской области. После школы окончил энергетический техникум, работал слесарем, литсотрудником городской газеты. Срочную службу проходил в Московском военном округе, а после окончания Львовского военно-политического училища работал в редакциях военных газет на Дальнем Востоке, в Прикарпатье, Южной группе войск.

Полковник Юрий Кириллов — член Союза писателей СССР, автор нескольких поэтических сборников, среди которых — «Высота», «На отцовском рубеже», «Весна атакует посты», «Юность в погонах», «Признание в любви». Служит во Львове.

ПРАВО НА СМЕЛОСТЬ

НА ПЕРЕЛОМЕ

Когда кувалдой — по святыням
И по идеям — бороной,
То в жилах кровь невольно стынет:
Что происходит со страной?
В ней, замутненной отрицаньем,
Уже не труженик герой,
А тот, кто занят созерцаньем
И громче всех кричит: «Долой!..»
Ни маяков, ни идеалов,
Куда ни глянешь — тупики.
К себе лишь тянем одеяло
Законам жизни вопреки.
Немодно вкалывать до пота,—
Стоим с протянутой рукой
И ждем: придет всесильный кто-то,
Чтоб накормить и дать покой.
Живем в грязи, обмане, лести,
И оторопь нас не берет!
...Но без достоинства и чести
Всегда был обречен народ.

ПЕСНЯ

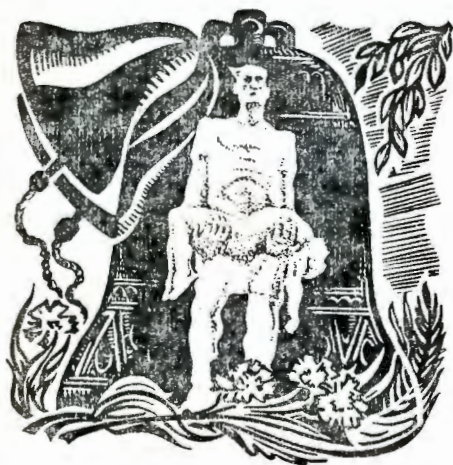
ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА

Захотелось печеной картошки,
Как лечебного редкого средства.
А всего-то — играет гармошка
Песню послевоенного детства.

И мотив ее простенький вроде,
И в словах — никаких откровений.
Но живет эта песня в народе
Вопреки модным ветрам забвений.

В ней — печали и радости детства,
В ней — вся жизнь,
вся судьба понемножку...
Как лечебного редкого средства,
Захотелось печеной картошки.

ХАТЫНЬ

В годы Великой Отечественной войны погиб каждый четвертый житель Белоруссии.

Наш автобус пришел поутру,
Только нас не встречали, не ждали.
Бился синий огонь на ветру,
Только трубы бездымно молчали.
Здесь давно не топили печей
И вода неизбывна в колодцах.
Здесь весной не встречают грачей,
Здесь никто уже не засмеется.
Все калитки открыты у хат,
Но над срубамн стон колокольный—
В нем предсмертные крики ребят,
Вздых родителей скорбно-невольный.
...Разгуделся огонь на ветру.
Черный мрамор, как будто обуглен.
Три ствола в нем на вечном смотре,
Три ствола...
А четвертый — погублен.
Словно в крепком солдатском строю
Нет четвертого,
Нет и восьмого!..
Потому в белорусском краю
И скудеет напевная мова.
Миллионам из пепла не встать,
Не родятся их дети и внуки...
Арифметика жутко проста:
В каждой цифре — народные муки.
...Бился Вечный огонь на ветру.
Хоть июньское солнце и грело,
Было холодно нам поутру,
Даже небо от горя седело...

БЕСПАМЯТСТВО

Еще в лесах бойцов находим кости,
Еще белеют кости на полях...
И побратимам горько на погосте,
Что время разделило даже прах.
А с постаментов кинуться готовы,
Коль у живых на совесть дефицит,
Матросовы, панфиловы, чуйковы, —
Что им, героям, бронза и гранит,
Когда друзей-солдат не схоронили?
Их скорбный стон летит с военных лет...

Неужто мы так предков
невзлюбили —
Тех самых,
Что для нас дорожке нет?!

ПРАВО НА СМЕЛОСТЬ

Я в гору шел.
Дыхание сбивалось,
И пулеметно колотился пульс.
Чем меньше до вершины
оставалось,
Тем чаще думал:
«Все... Не поднимусь...»
Не оглянуться —
крутизна обрывов!
Не встать —
сильней кружится голова!..
Я в страхе шел,
но был таким счастливым:
На смелость
завоевывал права!

Владимир ЧЕРНЫШЕВ

* * *

В лугах вечерних запахи мяты
Разносит ветер низовой.
Там, где рождаются закаты,
Их первым встретит часовой.
Там жизнь, как поле, разделяет
Колючей проволоки ряд.
Глазами девушки стреляют
На вороненый автомат.
Здесь, за «нейтралкой»,
жизнь иная —
Позиций гулкий окоем.
И каждый звук напоминает
О назначении твоём.

14. «НИ ШАГУ НАЗАД!»

БЫЛ В СТАЛИНГРАДЕ такой скромный рабочий по фамилии Гончаров, а имени и отчества его я не знаю. Когда стали записывать добровольцев в истребительный батальон народного ополчения, этому Гончарову в записи отказали:

— Иди, иди! — сказали. — Тут и без тебя добровольцев хватает, а у тебя жена и четверо детей... мал мала меньше.

Вернулся Гончаров в свой домишко на окраине города, в садике его давно перезрели вишни, пришло время расцветать георгинам. Жена его гладила белье еще бабушкиным утюгом, доставшимся ей в приданое.

— Не берут меня, — сказал Гончаров.

— Почему? — спросила жена и плюнула на утюг, чтобы по шипению его точно определить — не надо ли в него жарких угольков подбросить?

— Да вот из-за этих... — показал работяга на своих детишек, гомонивших на кухне. — Четверо у нас. Вот и пожалели! Бедный Климент Ефремович! Вот уж, наверное, икалось ему в это время: наши войска оставили Ворошиловград (бывший Луганск), а теперь немцы угрожали и Ворошиловску (бывшему Алчевску). Надарили своих имен городам и весям, а теперь эти имена казались жалкими этикетками, наспех приклеенными — ради украшения. Невольно вспоминается Екатерина Великая: когда узнала, что турки потопили корабль, носивший ее же имя, она указала — впредь давать кораблям только нейтральные названия, дабы личные имена, особенно исторические, ни капитуляциями, ни поражениями никогда не были опозорены...

Сталин своего приятеля не обижал, ибо они оба из числа «героев Царицына»; не забывал Сталин и царицынскую оборону, которую подхалимы-историки возвели в степень величайшего сражения века, сколько о ней было книг и фильмов!

— А что? — говорил Сталин. — Помню, тогда нам здорово помогли бронепоезда. Хорошо бы и Сталинград защищать бронепоездами, чтобы они ездил по окружной ветке железной дороги и стреляли из пушек, ограждая город с западных рубежей...

Никто, конечно, не возражал, но что-то я не слышал, чтобы бронепоезда сыграли решающую роль в битве у Сталинграда. Жесткая директива № 45, сочиненная Гитлером, еще не была известна в Кремле, но, даже не ведая ее содержания, Иосиф Виссарионович интуитивно предчувствовал, что Сталинграду не миновать жестокой и легендарной судьбы — под стать царицынской.

Из-под Калача-на-Дону возвратился Александр Михайлович Василевский, и Сталин как бы невзначай спросил его:

— А что там товарищ Гордов? Как справляется? Тут нам в ЦК звонил товарищ Чуянов, жаловался товарищу Маленкову, что с товарищем Гордовым трудно работать.

Гордов «царицынской» славы не имел, но, казалось, мало чем отличался от маршала Тимошенко, как бывает и копию трудно отличить от оригинала, и Василевский отвечал уклончиво:

— Гордов справляется не хуже маршала Тимошенко, но еще не всегда может найти общий язык с подчиненными и потому не стесняется — даже при женщинах — заменять его матерным.

Сталин долго ковырялся спичкою в своей трубке, воспетой сонмом поэтов и отраженной в живописном соцреализме.

— К сожалению, — вдруг сказал он, — генерал Еременко еще на костылях, он врачей своих за нос водит, фокусы всякие показывает, будто и без них обойтись может, чтобы его на фронт отпустили...

После постыдной сдачи Ростова (вторичной за время вой-

ны), после того, как немцы взяли Новочеркасск, славную столицу донского казачества, и перед ними, наглевшими от успехов, уже явственно замаячили нефтяные вышки Северного Кавказа, а боевые действия угрожали даже тем незабвенным краям, где издревле кочевал пушкинский «друг степей калмык», — после всех этих трагических неудач... не поискать ли виноватых? Падение Ростова явилось для Сталина как бы отправной точкой, от которой и вычерчивалась сложная схема его умозаключений. Ростов не просто оставили—это было, пожалуй, стихийное бегство массы людей, облаченных в воинскую форму, и вся эта орава (иначе не скажешь) драпала на Кавказ, а в Ессентуках заградотрядам пришлось даже отбивать «атаки» на винные склады, на элеватор и консервный завод...

Понятно ли тебе, читатель, почему именно в эти дни появился знаменитый приказ Сталина под № 227, который в престо-

**Валентин
пикуль**

«БАРЬЕРОССИЯ»
роман-
размышление

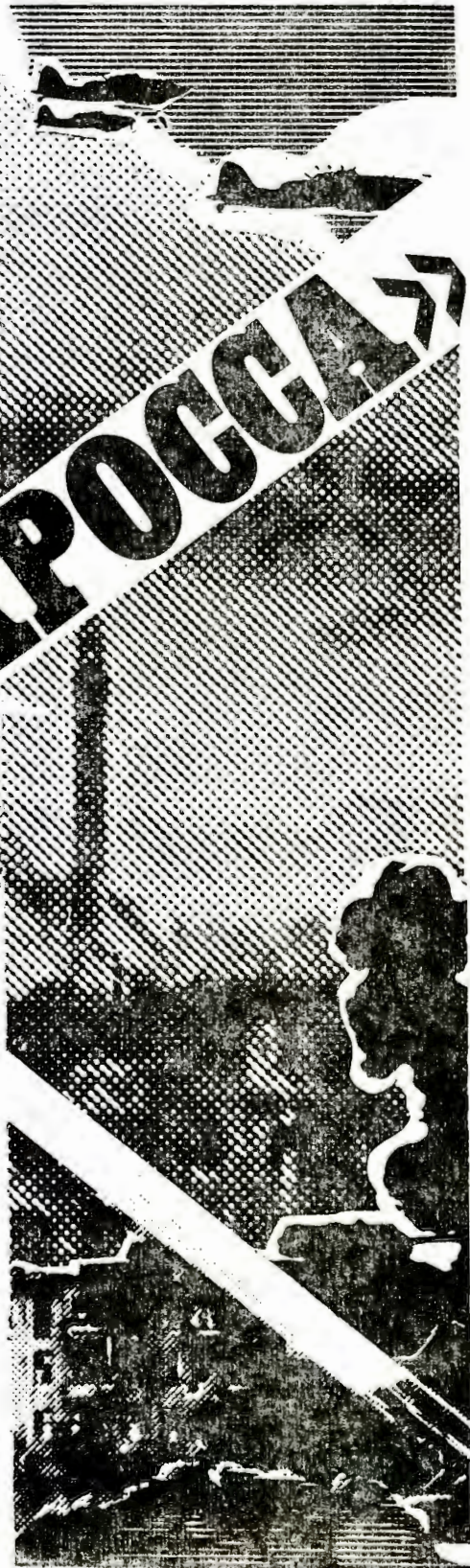
роде называли конкретнее «Ни шагу назад!»?

Сколько у нас писали об этом приказе, погребенном потом в тайниках сверхсекретных архивов, сколько было сказано слов о его насущной необходимости и его почти лютейшей жестокости, ибо теперь отступивший на шаг назад подлежал немедленной расправе.

Приказ гласил: «...надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать... Паникеры и трусы должны истребляться на месте... Ни шагу назад без приказа высшего командования!»

Нового я ничего не сказал — всем давно это известно.

Но повторю свое личное мнение: я считаю приказ № 227 самой яркой и выразительной страницей из всех страниц, когда-либо вышедших из-под пера Сталина, ибо в этом документе, датированном 28 июля, он эмоционально поднялся до высот настоящего гражданского пафоса. Все-

так, положила руку на сердце, стоит признать (как это признали очень многие), что такой приказ (я согласен) был тогда нужен!

Но... и тут у меня есть свои — авторские — «но»!

Призывая людей стоять на месте под страхом расстрела — неизбежной расправы, чтобы наши бойцы и командиры не смели помыслить об отходе, приказ № 227, по сути, лишал нашу армию главного преимущества в тактике — маневра, сковывая армию роковой неподвижностью, и боец, боясь покинуть свою траншею, как бы заранее был обречен — или смерть, или... плен?

«Ни шагу назад!» — гласил приказ. Но в этом случае разрушалась сама логика испытанной веками тактики и стратегии, а старинное искусство побеждать заменялось примитивной формулой: стой там, где стоишь. Не спорю, что на фронте бывают именно такие моменты, когда отступить нельзя, когда надо отстреливаться до последнего патрона, но эти моменты — никак не система, а лишь исключение из правил военного искусства. Теперь же искусство воинского маневра с отходом назад Сталин заменил командным требованием «Ни шагу назад!»

Думаю так, может, я, автор, в чем-то и ошибаюсь...

Иногда, чтобы победить, надобно прежде отступить. Сталинградский фронт был давно уже весь в прорехах, и там говорили:

— Где ты видишь линию обороны? Смотри сам, если глаза имеешь. Десять и даже больше километров фронта удерживают лишь три наших батальона. Чувства локтя давно уж нет и в помине. Сидим, словно смертники! А разрыв между частями — два-три километра, тут аукаться не станешь, и через наш фронт не только фриц, а целая свадьба проедет — и даже не заметишь!

Верно. Бойцы меж собой иногда устривали переключку:

— Ну, как ты, Сеня? Живой?

— Держусь, — слышалось издали. — А ты, Петя?

— Я тоже. Копашусь. Три гранаты осталось.

— Махра кончилась. Вот беда! Перебрось.

— Лови кисет. Потом вернешь... кидаю...

Стояли насмерть и без этого приказа № 227.

Но бывало и так, что боец поникал в одиночестве. И тогда страшен был его одинокий зов, обращенный в пустоту неба:

— Эй, братцы! Есть ли кто тут живой?..

А в ответ ему — мертвое молчание. Только пиликал над ним свою песню степной жаворонок, да звенели большие зеленые мухи, перелетавшие меж трупов, по лицам которых они и ползали. И тогда солдату казалось, что он последний солдат России...

Со стороны излучины Дона надвигалась армия Паулуса, а с юга катилась на Сталинград танковая армия Германа Гота. Бы-

ла уже полночь 1 августа, когда в московском госпитале раздался звонок кремлевского телефона. Еременко дохромал до аппарата.

— Александр Иванович? Ваш рапорт рассмотрен товарищем Сталиным, и за вами сейчас приедет машина... ириготовьтесь.

Александр Иванович Еременко отложил костыли, взял в руки палку. Но и палку он оставил в приемной Верховного, чтобы выглядеть молодцом... «Сталин подошел ко мне, поздоровался и, пристально посмотрев мне в лицо, спросил:

— Значит, считаете, что поправились?..»

Василевский после войны писал: «Ставка и Генеральный штаб с каждым днем все более и более убеждались в том, что командование этим (Сталинградским) фронтом явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск, вынужденных к тому же вести ожесточенные бои на двух разобщенных направлениях...»

Сталин готовил новую рокировку среди командующих.

Как раз тогда шумела пьеса А. Е. Корнейчука «Фронт», в которой автор (наверное, с одобрения Сталина) нанес справедливый удар по тем генералам, что жили прежними заслугами, воюя по старинке. В главном персонаже пьесы Корнейчук вывел туповатого и самонадеянного упряма Горлова, который даже хвастался, что академий не кончал, радиосвязь — от нее одна лишь морока, а он побьет врага «внутри» и геройством рядового солдата. Впервые столь открыто ставился вопрос о непригодности военачальников, не желавших видеть глубоких перемен в искусстве ведения моторизованной войны, и недаром же такие вот «Горловы» слали проклятья автору, требуя от властей запрещения вредной — по их понятиям — пьесы...

Гордов тоже был достаточно возмущен:

— Где Горлов, там и я — Гордов... это как понимать?

— Да совпадение, — утешал его Хрушев.

— За такие совпадения морду бить надо...

Вскоре они выехали на передовую, заодно навестили 64-ю армию, которой командовал «Росилий Иванович», как называли солдаты Чуйкова, почему-то пренебрегая его фамилией. Вид у Хрущева, прямо скажем, был довольно-таки кислый, очевидно, под стать своему командующему, он не очень-то верил в то, что оборона Сталинграда надежна. Да и чем, спрашивается, они, Гордов и Хрушев, могли помочь фронту? Они и обстановки-то на фронте не ведали... На передовой же появились не в самый героический момент — армия Чуйкова откатывалась за Дон, кто плыл в калсонах саженками или брассом, держа на голове котомку со шмотками, иные цеплялись за автомобильные покрышки или за пустые бочки, держались за бревна.

Зато в штабе 64-й армии дорожки песочком посыпаны, будто тут гулять собра-

408

лись, сам же туповат — даже в условиях фронта — умудрялся выглядеть элегантно. С вызывающим шиком он, как джентльмен, опирался на трость. Но что особенно поразило Хрущева, так это его белые перчатки.

— Армия-то драпает... когда воевать научитесь?

— Учимся, — скромно отозвался Василий Иванович.

— Мало вас били, — упрекнул его Хрущев.

— Меня — да! — мало! — не возражал Чуйков, и Гордову стало явно не по себе, когда он со знанием дела стал нахваливать гибкую тактику противника. — Казалось бы, — доложил он, — оборона вдоль реки и должна бы повторять конфигурацию береговой черты. Однако немцы умышленно оторвались от береговых контуров. Даже отступили от реки, нарочно создав «ничейное» пространство, чтобы мы в нем завязли...

— Его армия драпает, а он, такой-сякой, врага же и расхваливает...

Тут Гордова и понесло: мать в перемать и в такую вас всех; выдал полный набор «душеспасительных» слов, а Никита Сергеевич тоже не скрывал, что Чуйков ему неприятен:

— И не стыдно ли фасонить перчатками? В такой исторический момент, когда вся страна напрягла свои силы на разгром зарвавшегося...

— Да у меня экзема... еще с Китая.

— Ладно — экзема. А дубинка-то в руках для чего?

— Не дубина, а... стек! Мне так удобнее.

Тут Гордов и Хрущев в один голос:

— У него армия бежит, а он... Судить таких надо!

Ух, до чего же неприятен показался им этот Чуйков!

Возвращаясь в Сталинград, Гордов и Хрущев никак не могли успокоиться, дружно ругая «Василия Ивановича»:

— Нельзя таким пижонам доверять армию...

— Нельзя, нельзя, — соглашался Хрущев. — Ведь это на что похоже? Стек себе, перчатки, еще цилиндр не успел завести.

— Гнать его в три шеи, — решил Гордов, — чтобы такие пижоны мой Сталинградский фронт не позорили.

— Верно! В резерв его... пока не поумнеет!

Во время разговора со Сталиным Хрущев доложил, что Чуйкова они сняли — как неспособного! Не станешь же рассказывать о перчатках да трости, лучше сказать — неспособный.

— И правильно сделали, — слышался из Москвы ответ Сталина. — Чуйков такой пьяница, что весь там фронт пропьет...

Василий Иванович пьяншей не был. Но теперь, поди ж ты, доказывай «вождю народов», что ты трезвый, если «вождь» уже решил, что ты пьяный. Долго ли у нас на человека ярлык наклеить? А потом сам он не отлипнет и не отдерешь его...

4 августа Чуйков, отозванный в резерв фронта, возглавил оперативную группу Сталинградского фронта. Спросил:

— А где она, эта группа?

— Нет группы, — отвечал Гордов. — Собирать надо...

Чуйков не растерялся. Собирал в городе вышедших из окружения, отбившихся от своих частей, брал тех, кто из госпиталя выписался, если дезертира поймает — он и дезертира в строй ставил, внушал ему, чтобы дураком тот не был:

— Хорошо, что на меня напал. Другой бы, знаешь, куда тебя отвел? Не вчера война началась и не завтра закончится. Чем бегать-то, так лучше у меня послужи... Героем с войны вернешься, от баб отбою не станет, все девки перед тобой в штабеля сложатся...

Его оперативная группа скоро отличилась на фронте героизмом бойцов, и опять по фронту шла добрая молва:

— Вот Василь Иваныч... вот душа-человек!

А кто теперь знает генерала Гордова? — Никто.

А кто знает сейчас маршала Чуйкова? — Все.

Но тогда еще не пришло время славы Чуйкова — еще царили бездарные временщики типа гордовских-горловых.

Сталин начинал новую рокировку фронтов и командующих.

— Значит, поправилсь? — заботливо переспросил он.

— Так точно, — по-солдатски отвечал Еременко.

— Будем считать, что товарищ Еременко вернулся в строй... Сразу приступим к делу. Сейчас, — сказал Верховный, — обстановка под Сталинградом настолько осложнилась, что мы решили Сталинградский фронт разделить на два фронта, и один из них намерены поручить вам.

Василевский, развернув карты, четко доложил о линии раздела Сталинградского фронта, причем эта линия рассекала на две части и сам город. Еременко сразу насторожился, и было отчего: город един, оборона его одна, а задачи фронтов вроде бы самостоятельны. Один фронт оставался с прежним Сталинградским наименованием — во главе с Гордовым, а Еременко предстояло командовать Юго-Восточным, огораживая Сталинград с южных направлений... Чуть ли какая-то!

— Вы желаете что-то добавить? — спросил Сталин, сразу приметив, что Еременко чувствует себя не в своей тарелке.

Андрей Иванович встал и сказал, что оборону города нельзя делить между двумя фронтами, лаче того, линия раздела, идущая по реке Царица, тянется вплоть до Калача, а стык между фронтами всегда останется уязвим в обороне:

— Если Сталинград один, то и одного фронта достаточно для его обороны — не зачем делить его, как буханку хлеба...

Сталин, бывший до сей минуты душа-человек, добезно интересовавшийся у Еременко, как срослись у него хости, вдруг разом переменялся, стал раздражительным, ибо он не терпел, если кто-то осмеливается думать иначе, нежели решил он, «великий Сталин». Погуляв по кабинету, он задержался возле Василевского и, давая урок Еременко, сказал:

— Оставить все так, как мы наметили...

Рано утром 4 августа Андрей Иванович вылетел в Сталинград, который он разглядел с высоты еще издалека — над городом нависала шапка дыма от сгоравших на Волге судов «Волготанкера» с их нефтяными трюмами. Хрущев выслал за Еременко свою машину, и прямо с аэродрома Еременко доставили на квартиру в центре города, в которой проживал и Гордов, сразу увидевший в Еременко не соратника своего, а скорее соперника. Раздвоение единого фронта уже сказывалось, да оно и понятно, ибо в народе давно примечено, что два паука в одной банке никогда не живутся.

Никита Сергеевич вел себя как радушный хозяин, пригласил Еременко к самовару, но выглядел сам измотанным, усталым. Не лучшее впечатление сложилось и от Гордова, который после недавнего посещения передовой не был уверен в том, что армия Гота и Паулюса можно остановить. («Некоторая растерянность», — вспоминал Еременко, — и нервозность в его поведении насторожили меня. Его дальнейшее поведение удивило меня еще больше»). Гордов даже не спросил, как наладить стыковку двух фронтов в одном городе, и замкнулся в своей комнате.

— Поговорим, — тихо сказал Хрущев за чаем и вкратце поведал Еременко о том, что творится на фронте. — Не все у нас в порядке с командованием, — сказал Никита Сергеевич, — сам понимаешь, что я имею в виду этого... Гордова.

Хрущев, как и многие тогда в Сталинграде, не любил командующего и не доверял его способностям, о чем он и предупредил Еременко (но в своих мемуарах Хрущев отозвался о Гордове положительно, может быть, по той простой причине, что Гордов после войны был расстрелян за одну неосторожную фразу, произнесенную им по пьянке, — мол, «рыба у нас всегда с головы гниет», в чем Сталин и усмотрел намек на свою голову). Тогда же, за чашкой чая, Хрущев говорил о Гордове инос:

— Ты ему про Ивана, а он тебе про Кузьму. Совсем не умеет общаться с людьми. Кроме матюгов, слова путного не услышишь. Знаниями тоже не обладает... Сталинград нуждается в других людях. Вот Чуйков, поначалу я видеть его не мог, а сейчас вижу, что это настоящий командир: таким, как он, довериться можно. Но товарищу Сталину кто-то там сболтнул, что, мол, Чуйков пьяница...

Итак, Сталинградский фронт товарищ Сталин мудрейше и гениальнее, как всегда,

разделил на две половины, а мудрая теория о двух пауках в одной банке сразу же дала практические результаты. Между Еременко (Юго-Восточный фронт) и Гордовым (фронт Сталинградский) возникла обоюдная неприязнь, тем более что командный пункт у них был один — в подземных штольнях, открытых на дне оврага, вдоль которого жалкая Царица спешила отдать свои мутные воды царственной Волге. Гордов всюду критиковал Еременко, но и Андрей Иванович за словом в карман не лазал. Таким образом, хотел того или не хотел товарищ Сталин, но в Сталинграде образовался третий фронт — между командующими фронтами, и если им часто не хватало боеприпасов для фронта, то слов они припасли немало. Да и причин для вражды было достаточно: задачи у них одинаковые, зато штабы у них, снабжения фронтов и планы — все разное, что приводило к беспорядочности, о чем товарищ Сталин не подумал, а Василевский, понимая, что совершается глупость, не был настолько смел, чтобы возражать «отцу народов». (Впрочем, если мы вспомним Шапошникову, то он тоже не всегда отстаивал свое мнение, отличное от сталинского.) Так и воевали: с юга напирал Гот с танками, с запада прет армия Паулюса; двери кабинета Еременко напротив дверей кабинета Гордова, а командный нужник у них один на двоих, хотя и Никите Сергеевичу забегать туда не возбранялось. Вот это война!

...Совинформбюро пока что помалкивало, но, между нами говоря, наши войска кое-где уже отходили из большой излучины Дона — еще с 22 июля, а на другой день Паулюс выходил к речным переправам.

Нет, я не забыл о слесаре Гончарове — помню.

Однажды он пришел на завод, молча и многозначительно выставил перед рабочими... утюг. Обыкновенный домашний утюг, которым совсем недавно жена его бельишко гладила.

— Вот! — сказал Гончаров. — Было у меня все, как у людей. А вчерась ото все, что было, только утюг остался.

Не понял его, и тогда Гончаров заплакал:

— Прямое попадание! Ни жены, ни четверых детишек... ничего больше! Один утюг уцелел. Дайте винтовку. Пишите меня добровольцем. В батальон истребительный. Я их, гадов этих, что всю жизнь мою искалечили, не пожалю... и за себя теперь не ручаюсь. Не дадите оружия — руками душить стану!

Дали ему винтовку, и пошел Гончаров в цех СТЗ, а винтовку теперь прислонял к станку, чтобы оружие всегда было у него под рукою. Вы только подумайте: у этого человека отняли все разом, всю его жизнь, все будущее, и остался в руинах дома один лишь чугунный утюг... Озвереть можно!

Вот он и озверел, а потому 23 августа

409

1942 года Гончаров выключит станок и возьмет в руки винтовку.

О таких вот рабочих Паулюс никогда не думал...

15. ПРОТИВНИКИ

«Каждые семь секунд в России погибает один немецкий солдат!» Не совсем-то нравственно, на мой взгляд, подсчитывать, сколько убивают врагов в секунду, и при этом умалчивать, сколько русских за семь секунд убивают немцы.

Теперь обе группы армий «А» и «Б», разделенные меж собой полумертвым пространством, из которого бежали жители, но в которое оккупанты еще не вошли, — эти «А» и «Б» страшными сороконожками двигались самостоятельно: Лист и Клейст нажимали на Кавказ, а Паулюс из большой излучины Дона выбирался к берегам Волги. Начинался август, и мне, чтобы ошутнее было накал тогдашних боев, все-таки придется сказать, что в группах «А» и «Б» убыль за этот месяц составила 132 800 человек, а пополнение было совсем ничтожное — лишь 36 000 солдат.

Но потери мало заботили Гитлера, и, уверенный в том, что второго фронта еще долго не будет, он перекачивал свои дивизии из Франции и Германии на Восточный фронт, который подобно чудовищному Молоху губил миллионы жизней. Вечером 5 августа в столовом бараке «Вервольфа» под Винницей фюрер удачно прикончил комара на своем затылке:

— Моя стратегия оправдалась полностью. Русские поставлены на колени, и я понимаю причины, по которым Сталин не желает покидать город, носивший его имя. Наверное, назови я в Германии какой-либо городишко Гитлербургом, мне бы, наверное, тоже было жаль отдавать его этому Чингисхану...

1 августа танковая армия Германа Гота, прокатывая свои ролики вдоль железной дороги к Сталинграду, взяла станцию Ремонтная, через день она была уже в городе Котельниково, а теперь выходила к реке Аксай. Паулюс был доволен, что силы русских теперь раздвоены — против него и против Гота, когда квартирмейстер фон Кутновски доложил ему о нехватке «похоронных команд», не успевающих зарывать трупы:

— Хотя мы не отказываем им в голландском «Шокакола», они курят только сигареты «Аттика», каждый имеет в день по банке португальских сардин и фруктовых консервов.

Порыв ветра сдул со стола Паулюса штабные бумаги — синие, белые, красные и зеленые (по степени их секретности).

— Закройте окно, черт вас всех побери! — нервно крикнул Паулюс. — Накажите священникам, — велел он, — чтобы впредь в церемониях с индивидуальными захоронениями. Кажется, уже пришло время братских могил... как у русских.

— Думаю, — поддержал его Артур Шмидт, — что католиков и лютеран можно сваливать в общую яму, а на том свете все будут равны перед всевышним...

«Молниеносная девица» приняла свежую информацию: танки Клейста вступили в Сальск, одна колонна двинулась на Краснодар, другую Клейст развернул на Ставрополь (7 августа танки Клейста возьмут Армавир а еще через два дня окажутся в Майкопе). Вильгельм Адам перебрал в пальцах хитроумные ключи от секретного сейфа с документами 6-й армии:

— Интересно, успеют ли русские взорвать нефтепромыслы?..

Вопрос таил общую тревогу. Начиная с июля, вермахт испытывал острую нехватку горючего, отчего продвижение замедлилось. Рихтгофену не отказывали в бензине, но в 6-й армии застыли тягачи «Фамо» и мощные «Фр. Круппы», простаивали семитонные «Хономаки» и грузовики «Адлеры», теперь пушки таскали по степи могучие першероны, на крупах которых были выжжены особые тавра вермахта... Паулюс сказал Виттерсгейму:

— Вы гоняете свои ролики даже за водою к реке, тогда как русские не забыли об услугах крестьянской телеги.

Виттерсгейм огрызнулся — его танки, не признавая дорог (которых и не было), катились по целине:

— Потому за одну неделю моторы сожрали всю месячную норму, а двигатели у нас всегда рискованно перегревались.

— Не будем спорить... Как там служит мосу Эрни?

— Ваш сын превосходный танкист, но слишком горяч!

— Вы следите за ним, Виттерсгейм, — просил Паулюс, чуть покраснев от стыда. — Поймите, я готов смирить страхи отцовских чувств, но моя жена... ее материнское сердце...

Вечером Паулюс, оставшись один, грустил:

Тихо скрипка играет,

А я молча танцую с тобой...

— Бедная Коко... бедная, — тосковал Паулюс.

И не знал самого страшного. Пройдет недолгий срок, его имя будет вычеркнуто из жизни, а в гестапо от Коко станут требовать, чтобы отказалась от мужа и чтобы даже переменяла фамилию, дабы в Германии все немцы забыли это презренное имя — Паулюс. Но Елена-Констанция, эта милейшая и умная Коко, откажется предать мужа, и потому до конца войны ее будут держать за колючей проволокой Равенсбрука. Она умрет в 1949 году, и они, всю жизнь так любившие друг друга, больше никогда не увидятся... Никогда. Никогда! Никогда!!!

В ставке Гитлера под Винницей, как отметил Франц Гальдер, «невнятная ругань по поводу чужих ошибок», — это и понятно, ибо фюрер, подобно Сталину, считал себя гением, а все ошибки сваливал на головы других, которые — вот идиоты! — гениями себя не считали. Гальдер понимал, что дни его сочтены, и он позвонил в Цоссен, чтобы заранее подогнали в Винницу его личный поезд «Европа», дабы докинуть театр военных действий, где фюрер неустрашимо побеждал комаров.

— Я вас не держу, — сказал Гитлер, — можете забрать с собой и своего ученика Паулюса, который недавно распинаясь передо мною, что скоро сделает мне символический дар — бутылку с натуральной волжской водой... Где она? Теперь не Паулюс, а Герман Гот войдет в Сталинград!

С нашей стороны пропаганда сработала неряшливо, и Москва прежде времени оповестила по радио мир, что «на берегах Волги высится нерушимая крепость — Сталинград», о неприступные стены которой гитлеровцы обломают последние зубы. Для Геббельса этой обмолвки было достаточно, и он отреагировал быстро:

— Послушай, Фриче, — сказал он privately, — на этом можно удачно сыграть. Ведь не мы, а сами русские объявили Сталинград крепостью, вроде Вердена, а потому ты нарочно проболтайся по радио: мол, наша задержка под Сталинградом тем и объясняется, что Сталинград — крепость, которую предстоит брать штурмом.

— Пардон, — отвечал Ганс Фриче своему шефу. — Но... кого обманем? Крепости создаются на границах государств, а иметь их в глубоком тылу... какой смысл? Если бы, наконец, Сталинград был крепостью, так местные партайгеноссе не гоняли бы своих баб с лопатами и тачками — рыть окопы...

Но все-таки в речи по радио Фриче развил эту тему, оправдывая медленное продвижение к Волге 6-й армии. В эти дни Паулюс испытывал почти ревнивое чувство к 4-й танковой армии:

— Будет нам стыдно, если Гот выкатит ролики к Сталгрэсу раньше, нежели моя пехота вломится в цеха СТЗ и разгонит прикладами рабочих... Вилли, где последние данные аэрофотосъемки?

Нет, не с начальником штаба Артуром Шмидтом, а со своим верным адъютантом Паулюс изучал планы города и подступов к нему со стороны большой излучины Дона, при этом Вильгельм Адам разбирался в таких вопросах лучше Артура Шмидта:

— Конфигурация Сталинграда, — говорил он, — такова, что нам невозможно окружить его, не форсировав прежде реку, а Волга здесь слишком широка, мостов же она не имеет. Мы можем лишь закрепить в улицах города, чтобы поставить Волгу под жесткий контроль. Сам же город никакой ценности не имеет!

Паулюс, надев очки, всматривался в тени и полутени на земле, снятые с высоты полета, спросил — что за черточки?

— Траншеи, — ответил Адам. — А вот и сам главный пояс оборонительных сооружений, который серьезным препятствием назвать нельзя. Русские напрасно старались, перевернув руками своих женщины горы земли лопатами, и даже вот эти рвы — видите? — совсем не задержат нашу армию.

Паулюс пришел к выводу: — Мои кости не дрожат при виде этих укреплений между Доном и Волгой, но зато трясутся манжеты, когда я подумую — что ожидает нас в самом городе?..

Грянул выстрел. Совсем недалеко от штабного автобуса.

— Вилли, узнайте, что там?..

Адам скоро вернулся и махнул рукой: — Глупейшая история, — сказал он. — Застрелился заслуженный гауптфельдфебель Курт Эмиг, который уже три раза отказывался ехать в отпуск, чтобы нахватать «э-ка» побольше, но пока он тут обвешивал себя железными крестами, жена в Грайфсвальде изменяла ему налево и направо. Вот он узнал об этом сегодня и... Наверное, решил отомстить.

— А много у него было «э-ка»?

— Уже три. И медаль «за от замороженное мясо».

— Вот глупец! — сказал Паулюс...

Приказ № 227 был утвержден Сталиным 28 июля, а через пять дней он уже попал в руки немцев, подверженный тщательному анализу. Кутченбах быстро приготовил перевод приказа:

— Главная мысль Сталина такова: без приказа не отступать.

При этом Паулюс случайно вспомнил победный 1941 год и Эриха Гепнера, разжалованного за отступление без приказа выше:

— Но у нас такие же приказы фюрер издал после Москвы, а Сталин повторяет их смысл, но уже под стенами Сталинграда, объявленного им крепостью. Ничего оригинального в сталинском приказе я не усматриваю.

— Простите, — вмешался Шмидт. — Сталин уже нервничает, а его приказ — явное свидетельство слабости его армии.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Паулюс...

16. В ГОРОДЕ

...Если выдавались спокойные ночи, сталинградцы из окон своих квартир видели далекое зарево — это полыхала степь, в огне сражений сгорали на корню массивы переспелой ржи и пшеницы. Надрывно, по

чти истошно переключались меж собой маневровые «кукушки» на станциях Качалино, Паишино, Котлубань,—сталинградский узел уже задыхался в страшном и тесном тупике, из которого, казалось, не выдернуть ни одного вагона и не найти места для вагона прибывшего. А вокруг города, ограждая его от наседающих армий Гота и Паулюса, протянулась на 800 километров извилистая и постоянно колеблющаяся линия фронта — в разрывах и проломах, уже рваная...

В эти дни Еременко вызвал к себе саперов, их в Сталинграде возглавлял инженер-генерал В. Ф. Шестаков.

— Без моста задохнемся... Вспомните, как наш замечательный советский классик Алексей Толстой в своем гениальном романе «Хлеб» описал скорое строительство моста через Дон нашим легендарным маршалом Ворошиловым.

— Так это в романах, — отвечали саперы, — легко было писать Толстому, а ты попробуй-ка сделай... У нас тут не Дон, а Волга-матушка, и мы тоже не товарищи Ворошиловы.

Строить наплавной мост решили возле Тракторного завода (СТЗ), и Шестаков сказал, что будут поторапливаться, ибо железная дорога от узловой станции Поворино уже доживает последние дни: не сегодня, так завтра немцы могут ее перерезать.

— Будем спешить, — скромно обещал генерал Шестаков...

Наводить мост решили от набережной, чтобы через острова Зайцевский и Спорный он вывел к Ахтубе, где густо дозревали вишневые сады. А дальше уже тянулись нелюдимые степи Заволжья, в пустынное небытие шагали ряды телеграфных столбов, звенящих струнами проводов, и на каждом столбе сидели хищные коршуны, зорко высматривая добычу.

Примерно за день до назначения В. И. Еременко в Сталинграде случилось нечто из области не научной, но административной фантастики, явление до сих пор необъяснимое.

В тупике железнодорожных путей, где скопились вагоны с различным сырьем для металлобазы Вторчермета, грузчики наткнулись на запломбированный вагон, который охранял солдат с винтовкой. Естественно, работники удивились:

— Чего у тебя там в вагоне? Медь, чу-гун?

— Железяки всякие.

— Так чего хлам охранять-то?

— Так велено.

— Ну, ваяяй отсель, — сказали грузчики. —

Да проспись. На тебе лица нет. А мы твой вагон под разгрузку ставим.

— Хрена с два, — отвечал стойкий часовой. — Мне приказано никого не подпускать, а ежель кто полезет — стрелять.

— Не дури! Вот и кватанция у нас на разгрузку.

— Отойди по-хорошему, — кричал сол-

дат, шелкая затвором винтовки. — Иначе, ей-ей, пальну — не возрадуешься.

— Псих ты, что ли? Совсем очумел?

— Говорю — отойди. Иначе всех пере-стреляю...

С базы Вторчермета звонили в обком, просили вмешаться, и Чуянов поднял на ноги НКВД, наказав Воронину разобраться с этим вагоном. Воронин, ныряя под составами, забившими станционные пути, долго ползал в неразберихе путей, наконец, вышел на грузчиков, которые в стороне покуривали.

— Эвон, — показали они ему, — вагон под пломбами. На базе ждут, чтобы пустить металлолом в переплавку, а энтот молосос обрадовался, что «винтарь» доверили, — не подпускает.

Воронин сунулся было на площадку вагона, чтобы одним махом обезоружить солдата, но тут же кувыркком полетел под насыпь от удара прикладом и окрика «Стоять! Стрелять буду!» Отошел подальше, отряхнул галифе, матюкнулся и стал думать — как бы ему разоружить бойца, чересчур усердного, чтобы он с винтовкой расстался. Как представитель могучей организации НКВД, Воронин, конечно, начал с лирики:

— Эй, товарищ боец, благодарю за верную службу!

— Служу Советскому Союзу, — последовал четкий ответ.

— А какой день ты не жрамши? — ласково спросил Воронин.

— Кажись, пятый. Забыл, когда ел.

— Небось и пос... хочешь? — ласково спросил Воронин.

— Прижимает. Да боевой пост не оставишь.

Воронин продумал свое поведение, издали спрашивая:

— Эй, хочешь, я тебя арестую?

— Зачем? — удивился часовой.

— А... просто так. Больно уж ты мне понравился. Я ведь тебе не хрен собачий, а НКВД... что хочу, то и делаю. Могу хоть здесь ордер на арест выписать и припаяю «врага народа».

— За что? — еще больше удивился боец.

— У нас не спрашивают — за что? Значит, так надо. Лучше бросай винтовку да пойдем со мною. Хватит трепаться. Я тебя в нужник сведу и даже кормить стану... Идет?

Все-таки уговорил. Боец сдал винтовку, свой пост, Воронин отправил его с запиской в комендатуру города, куда и сам позвонил, чтобы там его накормили и дали парню выпастись. Потом свистнул, подзывая бригаду грузчиков:

— Эй, ребята! Срывай пломбы...

Сорвали. Дверь теплушки с грохотом откатилась в сторону, Воронин глянул внутрь вагона и... обомлел.

— Никому ни слова, — предупредил грузчиков.

Сразу пришел в диспетчерскую, всех из

комнаты выгнал, чтобы не подслушали, позвонил Чуянову:

— Держись крепче на чем сидишь, — сказал он.

— Вагон взяли с утильсырьем?

— Взяли и открыли.

— А что в нем? — спросил Чуянов.

— Золото.

— В уме ли ты? Может, бронзу с золотом перепутал?

— Нет. Полный вагон золота... в слитках...

— Так откуда он взялся, этот вагон?

— Теперь не узнаешь. Никаких документов. Кажется, едет вагон давно, а откуда — неизвестно. Скорее всего, его для маскировки захихнули в эшелон с металлоломом... Как быть? Еще бы немного — и поставили под разгрузку. Уж, наверное, каждый грузчик по слитку бы в зубах домой унес... Как быть?

Чуянов позвонил в Москву, в Госбанк СССР:

— Скажите, пожалуйста, — нарочито умильно начал он, — у вас случайно никогда не пропал вагон с золотом?

— Как вы могли подумать! — отвечали из Москвы. — Мы здесь каждую народную копейку бережем, а вы... вагон с золотом?

— А все-таки, — продолжал Чуянов, — как вы относитесь к тому, что я подарю вашему банку вагон с золотом?

— Перестаньте хулиганить! — отвечали ему...

Вечером позвонил из Госбанка какой-то товарищ, судя по апломбу голоса, ответственный и авторитетный:

— Это у вас нашли наш вагон с золотом?

Чуянов не отказал себе в удовольствии поиздеваться:

— Пока что вагон не ваш, а простите, мой.

— А что вы с ним сделали?

— Пропиваем. Всем городом.

— Не до шуток! Как этот вагон к вам попал?

— Вот об этом, — обозлился Чуянов, — надо бы не меня, а вас спрашивать: почему вы этот вагон с золотишком чуть было на переплавку вместе с утильсырьем не пустили.

— Поставьте к вагону усиленную вооруженную охрану.

— Сейчас! Вот только берданку заряду и побегу охранять...

Дальше этим вагоном занимался Воронин, ставил усиленную охрану, выдергивал вагон из немислимого хаоса составов, а сам Чуянов еще долго не мог успокоиться.

— Лопухи! — возмущался. — Финансисты дырявые. Зато и везет же нашему Сталинграду: в прошлом году нашли на путях целый эшелон с пушками, а в этом — вагон с золотишком... во где бардак!

Душно было, жарко. Во дворе обкома стояла зенитка, и через открытое окно Чуянов слышал, как политрук части, собрав бойцов, проводил очередные политзанятия. Он начал так:

— Товарищи бойцы, сегодня у нас самая почетная программа занятий. Кто из вас берется перечислить все те должности, которые занимает наш великий вождь и учитель товарищ Сталин?.. Ну? Неужто никто не знает? Смелее, товарищи. Нельзя побеждать коварного врага, не зная назистов все посты, занимаемые великим полководцем и вождем всех народов...

Алексей Семенович высунулся в окно, крикнул:

— Эй, кончай! Разворачивай свою пушку... летят!

С женою он договорился так, что — еще до объявления воздушной тревоги, о которой узнавал раньше всех, — Чуянов звонил на Краснопитерскую и говорил два слова: «Катюша едет», что означало: пора его семье спускаться в подвал. Все реже он бывал дома, в своем же кабинете и спал на диване, чтобы в любой момент взять трубку правительственного или городского телефона. Среда ночи на диван к нему запрыгивала приبلудная овчарка Астра и благодарно лизала хозяина в нос.

— Да иди ты! — отмахнулся Чуянов. — Нашла время для нежностей... не мешай дрыхнуть.

Иногда гремели отдаленные взрывы, но Чуянов уже привык и спал как убитый — до звонка! Спал и даже не слышал, как в городском зоопарке всю ночь жалобно трубила, словно предвещая беду, некормленная слониха Нелли.

Верно говорили немецкие генералы, начинающая война: всегда известно, как в Россию забраться, но никогда не будешь знать, как из нее выбраться. Чем дальше войска вермахта погружались в наши великие пространства, тем обширнее становился фронт, растягиваясь, словно резина, а от центральных направлений то и дело ответвлялись лучи других направлений, и каждое требовало новых усилий, новой техники, все больших запасов горючего. Вот краткий пример: казалось бы, Герман Гот, начав прорыв к Сталинграду от станции Цимлянкой, имел лишь одно генеральное направление — на Сталинград, но сразу возникло опасение, что русские нанесут его армии удар с тыла — через калмыцкие степи, со стороны Астрахани, и Готу, чтобы обезопасить себя, пришлось часть своих сил бросить на захват Элисты, столицы Калмыкии, — так возникло еще одно направление, а Паулюс, когда он сидел в Цессене над планом «Барбаросса», конечно же, не мог предвидеть, что мощь вермахта будет раздрана на множество мелких задач, и, взяв Элисту, немцы потом не будут знать, как из этой Элисты унести ноги...

Известно, что после войны гитлеровские генералы, эту войну проигравшие, все свои беды свалили на своего несчастного «эфрейтора», который забрался в область большой стратегии, словно свинья в парфюмерную лавку. Писали они, мол, Гитлеру бы лучше заниматься своей партией, а не лезть в их дела, а вот они, дай им во-

лю, разделались бы с Россией еще летом сорок первого года... Немецким генералам от наших историков за это попало! Мол, сами воевать не умели, а теперь валят с больной головы на здоровую (этим самым невольно признавая стратегические таланты фюрера). Но, касаясь операций лета сорок второго года, я — автор — все-таки склонен думать, что немецкие генералы были правы, а Гитлер попросту зарвался, когда на юге страны раздвоил свой вермахт подобно растопыренной раковой клешне, слиясь одним ударом достичь сразу двух стратегических целей — выхода к нефтепромыслам на Кавказе и занятия Сталинграда на Волге. По-моему, прав и Курт Типпельскирх, писавший: «Не вызывает почти никакого сомнения, что Сталинград в начале августа можно было взять внезапным ударом с юга». Возможно, что и так... Возможно, говорю я! Но Гитлер бросил армию Листа на Кавказ, потом от этой армии оторвал армию Гота, а сам Гот ослабил себя, откатив часть своих роликов в направлении Элисты, чему, как вы догадываетесь, немало подивились наши калмыки, жившие в своем захолустье как у Христа за пазухой. «Таким образом, — завершает свой вывод Типпельскирх, — 6-я армия (Паулюса) и ослабленная 4-я танковая армия (Гота) должны были вести фронтальное наступление против непрерывно усилившейся обороны противника...»

«Эти собаки...» — говорили на допросах пленные румыны и итальянцы, хорваты и венгры; и наши особыты не могли взять в толк, о каких «собаках» идет речь. (Союзники Германии именно так отзывались о немцах.) Вот признание одного пленного:

— Эти собаки катили в грузовиках и бронетранспортерах, словно по трамвайному билету, а я протопал семьсот миль пешком. Хотите, разуюсь и покажу вам свои ноги... от перепредости они все в волдырях, из которых течет гной с сукровицей. Бог спас меня, и завтра не надо маршировать под солнцем, думая, где на хлебаться воды. В полку уцелело меньше половины солдат. Мы все удивлены — где русские берут столько людей и вооружения? Бьем, бьем, а они колотят нас каждый день беспощаднее. Сейчас мы все озабочены одним — как бы найти протекцию на родине, чтобы нас отозвали с фронта. В плен сдаваться многие еще боятся, поступая проще: берут буханку хлеба и через эту буханку стреляют в свою руку иль ногу. Но это тоже опасно. Ведь о раненых заботятся только у этих собак, а у наших врачей каждая таблетка аспирина на счету...

Мы, читатель, спокойно читаем старые сводки Совинформбюро, а ведь тогда, летом сорок второго, наши матери и бабушки, читая их, плакали. Даже та скудная и кривобокая информация, что поступала с фронтов, таила роковую недоговоренность, которая казалась страшнее правды. Теперь немецкие самолеты забрасывали окопы за-

щитников Сталинграда листовками, текст которых едва ли отличался от тех, что сыпали на нас раньше.

В Сталинград придем

с бомбежкой,
А до Саратова — с гармошкой...

Сталин не очень-то охотно расставался с запасами стратегических резервов, что держал под Москвой для обороны столицы, но обстановка на юге все же убедила его, наконец, что судьба войны будет решена на берегах великой русской реки. Денно и ночью катили эшелоны. Но железные дороги работали безобразно, их графики были перегружены до предела. Бывало и так, что «голова» дивизии уже вела затяжные бои в излучине Дона, а «хвост» дивизии еще начинал погрузку на подмосковной станции Люберцы. Иногда эшелоны застревали далеко от Сталинграда, и бойцы топали на фронт «пешедралом» (поэтому некоторые подкрепления добрались до Сталинграда после 23 августа, когда многое было уже решено). А станции в степи под Сталинградом как назло не имели платформ, и разгрузка танков проводилась остроумно — по команде старшего:

— Заводи моторы, славяне! Делай, как я...

Танки, рыча моторами, одии за другим шли напрямик по товарным платформам, и в конце эшелона они, как лягушки, «спрыгивали» на землю, иногда «прямо с колес» принимая бой.

Немцы, как правило, воевать начинали с восьми утра, а по ночам дрыхли, развесив над линией фронта «лампады» — осветительные бомбы, которые, плавно снижаясь на парашютах, освещали позиции феерическим светом. Поля вчерашних битв напоминали «деревни» — так много оставалось на полях боя подбитых танков. Наши бойцы ночью «шуровали» в брошенных танках, где находили множество награбленных вещей, особенно женских, — для отправки в «фатерлянд». Приказ Сталина № 227, сразу ставший «секретным», немцы разбрасывали над нашими позициями в виде листовок. При этом текст приказа они ничем не исказили, сохранив в листовках весь его грозный смысл, только в конце его сделали примечание: вы, русские солдаты, сражаетесь прекрасно, и мы, немцы, в мужестве вам не отказываем, но мы удивлены бездарностью вашего командования. Политруки и особыты такие листовки отбирали...

Гитлер, как и Сталин, уверовав в какую-либо собственную версию, потом не сразу с ней расставался, он упрямо лез на Кавказ, считая его чуть ли не главной целью всей этой летней кампании, и лез не только затем, чтобы насосаться нашей нефти, словно клоп чужой крови, но и ради того, чтобы боевыми успехами вермахта оказать политическое давление на правителей Турции, дабы они не медлили с нападением на Грузию и Армению. Но турки, как и японцы, терпеливо выжидали, чем закончится поход на Сталинград, и постепенно Гитлер стал склоняться к мысли, что не сам Кав-

каз (предгорья Кавказа), а именно Сталинград станет решающим фактором всей войны.

Лютое было время! Помню его отдаленные всплески, которые, как прибой, накачивались на Соловки, где я — в звании юнга! — в ту самую пору выламывал оконные решетки в тюремных камерах Савватьево, чтобы постигать погом в этих камерах-аудиториях сложную науку рулевого-сигнальщика... Политруки не слишком-то баловали нас правдой, но даже нашего мальчишеского ума хватало на то, чтобы понять — под Сталинградом творится что-то грозное и решающее, никак не похожее на «героическую оборону Царицына», а мне Сталинград казался тогда особенно близким по той причине, что мой отец Савва Михайлович Пиккуль уже сражался там в рядах морской пехоты...

Вчера моя жена, Антонина Ильинична, долго и пристально вглядывалась в портрет Паулюса. И вдруг сказала ему:

— А ведь ты убил отца моего мужа! Это по твоей, может быть, вине погиб и мой папа, отчего и росла сиротой...

Вернись оттуда живым мой отец, может, я бы никогда и не взялся за написание этой книги...

2 августа Уинстон Черчилль вылетел из Лондона, и через два дня он был в Каире, замороженный вниманием к двум направлениям войны — лагерем Роммеля под Эль-Аламейном и скорым продвижением вермахта к Кавказу, что грозило Лондону утратой политического влияния в странах Востока. Это было время, когда немцы уже вступили в Армавир.

Удивительно! Пленный румын жаловался, что «эти собаки» гнали его пешком, и он маршировал 700 километров, а я вот читаю мемуары наших ветеранов, которые, выбираясь из клещей окружений, за одну неделю отмахивали на своих двоих по триста миль кряду — и на волдыри не жаловались, снова готовые сражаться. Отход наших войск из большой излучины Дона стоил нам потери многих баз снабжения, которые так и не вывезли — не хватало транспорта. Сколько там осталось добра в наших складах — и тогда не знали, да и сейчас узнавать нет смысла. 62-я армия тоже отошла из-под Калача, а четыре ее дивизии остались в окружении и, не вылезая из кровавых боев, все-таки вырвались из котла. А мы отступали... да, отступали! А каково быть в арьергарде? Пожалуй, страшнее, чем в авангарде; когда идет отступление, арьергард отходит последним, и все шишки достаются ему.

6-ю армию Паулюса отделяли от Сталинграда более полусотни километров, и он, кажется, ревностно относился к успехам Гота:

— Пожалуй, этот парень решил нас обогнать — что стоит для его роликов прокатиться двадцать-тридцать километров по гладкой степи, где почти не осталось русских войск, а вдоль насыпи железной до-

роги можно вкатиться прямо на вокзал Сталинграда...

Если читатель сыщет на карте реку Сал и проведет взором вдоль железной дороги на Сталинград, то станет ясен и маршрут 4-й танковой армии, следовавшей почти по рельсам. Наши войска, отжимаемые к северу, сдавали рубежи на реках — Сал, Аксай, и, наконец, остался последний водный рубеж на реке Мышкова возле станции Абганерово. Далее отступать, кажется, и нельзя, ибо от Мышковы до Сталинграда рукой подать; и Герман Гот не выдержал напряжения боев:

— Конечно, — сказал он в штабе, — мой коллега Паулюс будет смеяться, но мы только теряем время и танки в бесплодных атаках... Даже интересно: кто держит оборону перед нами?

— Генерал Чуйков... совершенно неизвестный.

— Будь он в моей армии, — сказал Гот, — я бы давно представил его к «Рыцарскому кресту» с дубовыми листьями...

Перед ним развернули карту, но от станции Абганерово он перевел взгляд в желтые степи, где между Волгой и железной дорогой скромным пятнышком обозначилось озеро Цаца (Чаган-Хулсун), а за этим озером лежал Красноармейск.

— Что в этом Красноармейске? — спросил Гот.

— Большая деревня, в которой русские держат ускоренные курсы танкистов. Но к этому городишку — видите? — примыкает и Бекетовка — южный район Сталинграда...

И танковая армия Гота развернулась от Абганерово прямо к берегам Волги, чтобы, миновав озеро Цаца, ударить в подздошину Сталинграда — со стороны Красноармейска, при этом Гот обходил наши рубежи с востока, и нам ничего не оставалось, как снова отходить к Сталинграду, чтобы избежать окружения, а река Мышкова стала для нас новым и, пожалуй, самым последним оборонительным рубежом... Степь стала здесь черной — вся трава выгорела. Немецкие танки сгорали в прозрачном голубоватом пламени, и бывалые солдаты говорили молодым:

— Вишь, гады какие! Ходят на бензине высокого качества, какого у нас и нету, а сами нефти нашей захотели...

Генерал Чуйков был теперь одет по-солдатски, гимнастерка побелела на солнце; он обходил своих бойцов, все по-людски понимая, и потому, наверное, его понимали тоже:

— Братец, если отступишь, то далеко не утикай, чтобы мне потом не искать тебя. Убегая, не вперед смотри, а оглядывайся, чтобы...

В те жаркие дни на защиту Сталинграда прибыли и разместились в Красноармейске добровольцы-матросы с кораблей Северного флота и Беломорской военной флотилии. Обыватели тишайшего Красноармейска теперь спать не могли — моряки повесили на улице корабельную рынду и каждые полчаса — динь-дон, динь-дон — отбивали на

ней «склянки», как положено на кораблях. — Нельзя ли потише? — говорили им. — Ведь мы каждые полчаса вздрагиваем от звона вашего.

— Нельзя! — отвечали матросы. — Мы только тогда и дрыхнем спокойно, когда звенят склянки, отбивая нам часы вахты.

Верные флотским привычкам, моряки первым делом справились, где тут галюн и где камбуз: «Нам, — говорили, — без галюна и камбуза житья нету...» Их переделали в солдатские гимнастерки, выдали им пилотки, но они не расставались с тельняшками, держа «про запас» бескозырки с именами покинутых кораблей. Вот они и попали к генералу Чуйкову, составив бригаду морской пехоты. Воевать же на сухопутье, прямо скажем, они не умели! Зато было много лихости и бравады, в условиях фронта губительной. Брала презрением к смерти, да тельняшками, да свистом, да «полундрой», отчего и погибло моряков гораздо больше, чем солдат...

Привезли они с собою на фронт невестку откуда взятую красавицу девку с замечательным голосом профессиональной певицы. Взяли ее на свое довольствие. Все любили ее, и никто не смел за нею ухаживать. Долго не понимали, что она при морях делает. Наконец, стало известно: если кто из моряков умирал от ран, она ему... пела. И как пела! Даже умирать было не страшно. Так — с песней — уходили моряки на тот свет.

Где эта улица, где этот дом,

Где эта барышня, что я влюблен?

Вот эта улица, вот этот дом,

Вот эта барышня, что я влюблен...

Голос поюшей красавицы был для них прощальным салютом.

17. ВТОРОГО ФРОНТА НЕ БУДЕТ

— Представь себе, — говорил Рузвельт сыну, — что мы, американцы, лишь запасные игроки, сидящие на скамье и наблюдающие за футбольным матчем. Когда наши форварды (русские, китайцы, англичане) выдохнутся, мы со свежими силами ринемся в игру, чтобы забить в ворота Гитлера решающий гол...

Сказано точно! Мало того, нацистская Германия — через франкистскую Испанию — регулярно закупала в Америке хлеб и маис, уголь и кокс, каучук и горючее. Англия была уже до того перегружена войсками и боевой техникой, что шутники даже высказывали опасения — как бы она не затонула от тяжести, а Черчилль говорил своим близким, что второго фронта не будет:

— Положем, пока германский вермахт не окажется в могиле, а Красная Армия — на операционном столе...

К Сталину и его приспешникам он не питал никаких симпатий, чего и не скрывал в своих мемуарах: «Мы всегда ненавидели их безнравственный режим, и если бы германский цеп не нанес им удара, они равнодушно наблюдали бы, как нас уничтожают, и с радостью разделили бы с Гитлером нашу империю на Востоке». Думаю, что Черчилль выпил лишку, когда 14 марта разразился оскорбительной для нас tirадой:

— Русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов — это его слова!

Уверен, что самый последний русский дурак никогда бы не стал сравнивать англичан с обезьянами. В политике Черчилль следовал древнему завету своих предков — герцогов Мальборо: делая войну, помни, что тебе нужно после войны. В транскрипции XX века этот девиз звучал благороднее: «Государство, которое растрчивает свои силы до полного истощения, делает несостоятельной свою собственную политику и ухудшает перспективы на будущее». Черчилль не собирался истощать ни самого себя, ни тем более свою метрополию. Он придерживался стратегии дальнего прицела. А потому все победы или поражения советского оружия воспринимал лишь в той степени, в какой они отражались на его политике.

Десять миллионов человек, одетых в военную форму, хорошо обеспеченных, занимали выжидательную позицию «с ружьем, прислоненным к ноге», а в глазах англичан генерал «Айк», как они называли Эйзенхауэра, выглядел странной фигурой. Пришелец из-за океана, в Англии он уже подчинил себе 336 генералов высшего ранга и даже позволял себе курить в присутствии капризного, как барышня, Монтгомери.

Наш посол И. М. Майский, хорошо изучивший Черчилля, считал, что премьер «был явно влюблен в Египет, в Аравию, в северный берег Африки... здесь было его сердце и его ум, а имена Тобрука или Эль-Аламейна говорили гораздо больше ему, чем имена Гавра или Лилля». Сталин, осведомленный о том, что англичане не собираются открывать второй фронт в Европе, писал Черчиллю: «Боясь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер...» Читая это послание, Черчилль был не совсем трезв, а слова Сталина воспринял болезненно:

— Уж не значит ли это, что вы собираетесь оставить Англию в одиночестве? — обратился он к Майскому с явной тревогой...

В ночь на 30 июля Майскому позвонили с просьбой — срочно приехать на Даунинг-стрит, где обычно работал Черчилль. Он принял посла в «костюме сирены», рядом с ним сидел Антони Иден в домашних шлепанцах. Майский вспоминал: «Оба выглядели утомленными, но возбужденными. Премьер был в одном из тех настроений, когда его остроумие начинает искриться добродушной иронией, и тогда он становится очень красноречивым».

— Вот, посмотрите, годится ли это куда-нибудь?..»

Он ознакомил Майского с посланием Сталину, выражая желание встретиться с ним — в Астрахани или на Кавказе. 1 августа Черчилль собирался вылететь в Каир, и в этот же день был получен ответ Сталина, который соглашался на встречу в Москве «для совместного рассмотрения неотложных вопросов войны против Гитлера, угроза со стороны которого в отношении Англии, США и СССР теперь достигла особой силы...» Решительные успехи вермахта на подступах к Волге и Кавказу вызвали в Англии нервную озабоченность (за сохранность империи):

— На Дону и Кубани русским не удержаться! Но что будет с нашими владениями на Ближнем и Среднем Востоке, если русские не устоят на Волге и на Кавказе?..

В дорогу до Москвы Черчилль брал небольшую свиту: начальника генштаба Алана Брука, маршала авиации Теддера, из Индии был вызван генерал Арчибалд Уэйвелл — тот самый, что когда-то сражался с Роммелем в Ливии и который хорошо владел русским языком. В Каире их ждал личный представитель Рузвельта — Авелан Гарриман, обещавший Черчиллю не давать его в обиду, если кремлевский «дядюшка Джо» слишком разъярится. «Дядюшкой Джо» (иногда с прибавлением эпитета «сердитый») союзники называли Сталина. Садясь в самолет, Черчилль сказал, что Сталин не обрадуется отсутствию второго фронта в Европе:

— Мы на пути в Каноссу! Ташить на себе это известие до Москвы — все равно что отвозить на Северный полюс глыбу льда.

Сейчас их политический престиж был вроде бы однозначен: за Сталиным крылась мрачная тень поражений под Керчью и Харьковом, сдача Севастополя и неудачи на юге страны, но Черчилль тоже «сидел в замке» по самые уши — его армия в Сингапуре, не в пример Севастополю, позорно капитулировала перед японцами, как и перед Роммелем в неприступном Тобруке. Так что партнеры по коалиции в военной игре имели как бы равные козыри.

Гейббельс, узнав о визите Черчилля в Москву, дал указание прессе не придавать этому визиту никакого значения:

— Информировать кратко, и этого пока достаточно...

В это время фельдмаршал Роммель жаловался Гитлеру на свою безмерную усталость и — по слухам — собирался подлечь в условиях горного санатория в Земмеринге, но в Каире еще учитывали его как сильного и талантливое противника. «Африканские качели» еще поскрипывали возле Эль-Аламейна. Роммель не имел сил и горячего, чтобы отодвинуть англичан к Нилу, а Окинлек не испытывал желания отшвырнуть Роммеля в пески Киренаики. Окинлека даже возмущало, если Роммель

атаковал его в воскресенье: «Безбожник! Сегодня же нерабочий день...»

Черчилль понимал, что Окинлек непригоден для борьбы с Роммелем, как раньше был непригоден и Уэйвелл, но трудно найти нового герцога Веллингтона. 4 августа, подлетая к Каиру, он сказал Бруку, что на Роммеля нужна длинная веревка:

— Если не удалось убить этого бандита, так можно прогнать Окинлека, заменив его... хотя бы этим чудачком «Монти»!

Во время остановки в Каире Черчилль признал Окинлека к наступлению на Роммеля, но Окинлек воспротивился:

— Раньше сентября ничего не получится. Солдаты еще не акклиматизировались в условиях пустыни. А за Роммеля не стоит волноваться: он уже погибает от инфекционной желтухи...

Черчилль просил его навязывать немцам постоянные стычки — не ради побед, а чтобы заставить Роммеля тратить остатки горючего, надо регулярно бомбить позиции у Эль-Аламейна.

— Все позиции мы уже разбомбили. Что еще бомбить?

— Так бомбите... землю, — указывал Черчилль.

Черчилль убедился, что в Африке нужен человек, способный поставить капкан на «лисицу пустыни», и все больше склонялся к мысли, что для сокрушения армии Роммеля необходим Монтгомери («Монти»), который таскал в бумажнике портрет Роммеля, считая его талантливым полководцем.

— Под дудку нашего «Монти», — говорил Черчилль, — Роммель станет плясать до тех пор, пока мясо не отвалится от костей.

Черчилль пробыл в Каире до 10 августа: от Нила самолет премьеры развернулся на Палестину; после отдыха в Тегеране летели над Каспием, внизу тянулись унылые калмыцкие степи. «В самолете теперь находились два русских офицера, — писал Черчилль, — и Советское правительство взяло на себя ответственность за наш перелет». Пилоты забирали вправо от Волги, дабы не нарваться на германские истребители. Во время полета Черчилль (говоря его же словами) «размышлял о своей миссии в это уग्रюмое и зловещее большевистское государство, которое я когда-то настойчиво стремился удушить при его зарождении...» Генерал Уэйвелл обратил внимание, что слева по курсу остается Сталинград, где грохочет небывалая битва. Но премьер, кажется, более тревожил Кавказ, за горами которого вермахт мог открыть ворота не только в нефтеносный Иран, но даже... даже в Индию! Уэйвелл проявил поэтический дар, сложив песню, в которой рефреном звучали слова: «Второго фронта не будет», и генералы исполнили ее хором. Подлетая к Москве, Черчилль выразил желание перекусить:

— Еще неизвестно, чем накормит нас добрый «дядюшка Джо»!

Вот и, Москва! Отгремели гимны трех союзных стран, почетный караул вскинул винтовки, оружие салютует высокому гостю. Черчилль — факт известный! — чересчур пристально всматривался в лица наших солдат, застывших в шеренгах: казалось, он сомневался — смогут ли эти ребята в касках выстоять перед страшным напором железного вермахта? Растопырив пальцы, Черчилль изображал букву «V» (виктория), но русские хотели бы разгадать в этом жесте иной смысл — цифру «2» (второй фронт).

В машине Молотова, встречавшего Черчилля, высокий гость обнаружил, что ее боковые стекла имели толщину не менее двух дюймов. «Это превосходит все известные мне рекорды», — большевистские заправила очень боялись покушений. Сама же Москва выглядела настороженной, даже мрачноватой, а в среде москвичей часто сравнивали героическую оборону Сталинграда с поспешной капитуляцией Тобрука. Молотов отvez гостя на правительственную дачу № 7 (в Кунцево), где «буфеты были заполнены всякими деликатесами и напитками, какие только может предоставить верховная власть... кроме того, было много других блюд и вин из Франции и Германии». Черчилль сказал Молотову:

— Я готов встретиться со Сталиным этим же вечером...

Не так-то легко было свалить «глыбу льда» к ногам союзника. Премьер сначала рассыпал похвалы в адрес Красной Армии; но «дядюшка Джо» не поддержал этой восторженной темы:

— Вы моих солдат не захваливайте! Они слишком много земли отдали врагам. Они только учатся воевать и со временем станут хорошими воинами... Пока же, — сказал Сталин, — наши дела на фронте идут плохо. Иногда я даже не понимаю, откуда Гитлер мог собрать столько войск и техники. Надо полагать, что он выкачал все что мог из Европы. Там, в Европе, он держит свои потрепанные дивизии неполного состава, а хорошие боевые дивизии полного комплекта направляет в Россию...

Далее Сталин сказал, что Красная Армия начала весну с наступательных операций, и это было оправдано — при условии, что союзники помогут ей высадкой во Франции, но союзники второго фронта не открыли, и наступление, не поддержанное с Запада, обернулось для Красной Армии трагическими осложнениями:

— Нам не удастся остановить немцев, — признал Сталин...

Ссылаясь на нехватку десантных судов и прочность немецкой обороны в Ла-Манше, премьер сказал, что вопрос о высадке в Нормандии может быть разрешен только в 1943 году, и просил Гарримана подтвердить это. Американец ответил, что его мнение совпадает с мнением премьера. Сталин, помрачнев, упрекнул союзников в нарушении прежних обещаний:

— У нас иначе смотрят на войну. Кто боится рисковать, тот войны и не выиграет,

— сказал он. — Для того, чтобы обучить войска, их надо сунуть под огонь и как следует обстрелять. А до этого никто вам не скажет, чего они стоят...

Затем он спокойно заметил, что настаивать на высадке не будет. Черчилль, уязвленный этим пренебрежением, стал оправдывать свою политику подготовкой к операции «Торч» («Факел»):

— Высадившись в районах Касабланки и Бизерты, мы получим великолепный плацдарм для нанесения бомбовых ударов по Италии. Параллельным нажимом от Марокко и со стороны Египта сразу поставит армию Роммеля в безвыходное положение.

— Да, — ответил Сталин, — я читал ваше послание, в котором вы писали, что прежде всего вам хочется разбить Роммеля... Я не отрицаю стратегических выгод от операции «Торч»: это нанесет удар с тыла по Роммелю, с которым вы давно хотите расправиться, это отразится и на Италии с ее режимом Муссолини, и даже... даже на Испании Франко...

«Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев», — отметил Черчилль, никаких симпатий к Сталину не питавший.

К вопросу о бомбардировках городов в Германии Сталин тоже отнесся доброжелательно, считая, что они ударят по моральному состоянию немцев. Сталин всегда привык работать с картами, но Черчилль предпочел глобус, вращая который он доказывал преимущества операции «Торч» перед десантами во Франции. Наконец, он увлекся настолько, что специально для Сталина нарисовал ему страшного крокодила:

— Морда его оскалена во Франции, а всеядное брюхо распространено в южной Европе. Последующей высадкой в Италии через Африку мы вспарываем ему брюхо. Не все ли Москве равно, отчего крокодил подохнет? То ли от удара по башке, то ли потому, что у него вывалятся наружу все кишки...

В разговоре о поставках военного снаряжения, от которого Сталин никогда не отказывался, он сказал Черчиллю, что сейчас грузовики для Красной Армии важнее танков, которых он сам выпускает с конвейера до двух тысяч в месяц. (Но, по материалам о войне, я, автор, не вижу, чтобы мы тогда обладали достаточным количеством танков — их как раз было очень мало!)

Встреча продолжалась четыре часа. Только в машине Черчилль и Гарриман вздохнули свободнее. Черчилль сказал:

— Кажется, первый раунд остался за нами.

Гарриман охотно с ним согласился:

— Да. Выкидывать полотенце не пришлось.

— Это была, — признал Черчилль, — самая важная конференция из всех конференций; какие я провел за всю мою жизнь.

Он откинулся на спинку сиденья с видом усталого, но довольного человека. В самом деле, все складывалось хорошо. Под конец беседы Сталин вежливо интересовался деталями операции «Торч».

А где-то далеко полыхала земля Сталинграда...

На следующий день им пришлось разочароваться. Гарриман в полночь был занят «коктейлем» для гостей, когда Черчилль вызвал его по телефону прямо из Кремля:

— Я уже здесь. Выезжайте немедленно.

— А что еще могло случиться?

— Наше полотенце болтается на канатах...

Сталин вручил им меморандум, в котором разоблачалась криводушная политика союзников. «Легко понять, — говорилось в меморандуме, — что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности... осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования». Сталин дополнил меморандум словами:

— Мы видим, что вы оцениваете русский фронт, как второстепенный, почему и шлете свои дивизии в дальние места, тогда как наше правительство справедливо считает советско-германский фронт пока единственным фронтом, где перемалываются в больших размерах главные силы нашего общего противника.

Вернувшись из Кремля, Черчилль держал Гарримана у себя до половины четвертого утра, рассуждая о «загадочном» характере «дядюшки Джо». Снова они вчитывались в меморандум: «Мне и моим коллегам, — писал Сталин, — кажется, что 1942 г. представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил».

— Можно доказать и обратное, — ворчал Черчилль...

Не лучше складывались и консультации, что велись военными специалистами. С нашей стороны присутствовали К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и Н. Н. Воронов. Вот на них-то Алан Брук и обрушил «ниагару» слов, доказывая, что русские люди «сухопутные», им никогда не понять всего ужаса, когда солдат отрывается от своего берега, чтобы ступить на берег чужой...

— Против двадцати четырех немецких дивизий, — сказал Брук, — мы способны высадить в Нормандии лишь шесть наших дивизий. Но даже эти шесть дивизий мы не сможем обеспечить как надо...

Маршал авиации Теддер развернул обширную программу стратегических бомбардировок Германии и ее сателлитов. Но больше всего англичан интересовало положение на Кавказе.

— Как командующий войсками в Индии, — настаивал Уэйвелл, — я должен

знать полную картину возможностей вашего сопротивления... Каковы ваши силы у Моздока? Каковы резервы?

Ворошилов уклонился от этого вопроса, сославшись на отсутствие полномочий касательно этой темы. Но, забравшись на вершины Кавказа, англичане с них уже и не слезали.

(Нам тогда еще не было известно, что Черчилль заранее оформил секретный «план Велвет» о вторжении союзных войск на Кавказ со стороны Ирана, и сейчас его генералы хлопотали, чтобы занять Кавказ раньше, нежели туда придут немцы.)

— Мы с удовольствием, — заверял Брук, — выделим авиационные силы для прикрытия Баку и Батуми с воздуха. Но советская сторона в этом случае обязана предоставить нам свои аэродромы. Наконец, мы согласны нести даже гарнизонную службу в городах вашего Кавказа...

Во время перерыва Шапошников сказал Воронову:

— Не странно ли, голубчик, что возник одновременный интерес к Кавказу: с севера нажимают танки Кейста, а с юга хотели бы забраться туда Уэйвелл с Теддером...

Н. Н. Воронов писал: «Нас возмущало неверие английских генералов в силы нашего народа. Нужно было им доказать, что есть еще у нас порохов в пороховницах». Союзников вывезли на подмосковный полигон, где им продемонстрировали работу гвардейских минометов, после залпа которых трава на этом месте не росла. Результаты были потрясающие.

Брук сказал:

— Мы бы тоже хотели иметь такое оружие...

Но в каверзном вопросе «сперва Европа?» или «сперва Африка?» англичане все-таки оставались верны Африке.

— Не о втором фронте они думают, — рассуждал Воронов, — а о третьем. Если же учесть, что Роммель уже держит третий фронт, то Черчилль откровенно добивается открытия фронта четвертого. Конечно, при такой «периферийной» стратегии Гитлер может долго еще отсасывать дивизии из Европы, не опасаясь, что Англия огреет его дубиной прямо по затылку...

15 августа газета «Правда» поместила злую карикатуру на немецкие укрепления вдоль побережья Ла-Манша, сделанные из картона. Намек был понятен всем. Однако ни Сталин, ни советское правительство не хотели обострять отношений с союзниками. Тем более Черчилль желал видеть в печати бодрое коммюнике:

— Чтобы лишний раз побесить Гитлера и Геббельса!

Но Сталин не соглашался с его радужной окраской:

— В коммюнике надо сказать то, что можно исполнить...

Главное было сказано: «Оба правительства полны решимости продолжать эту справедливую войну за свободу со всей их мощью и энергией вплоть до полного раз-

грома гитлеризма...» По случаю окончания переговоров в Екатерининском зале Кремля был устроен банкет для почетных гостей. Лондонский «костюм сирены» в условиях кремлевского зала выглядел простым комбинезоном танкиста (именно так и назвали его наши генералы, явившиеся на банкет по форме и при всех регалиях). Черчилль вставил в рот длиннейшую сигару, с удовольствием обозревая убранство стола. Выпив лишнее, премьер стал говорить, что он всегда был врагом русской революции:

— Простили вы это мне или нет? — спрашивал он.

— Господь бог вас простит, — ответил ему Сталин...

И. М. Майский писал в мемуарах, что этот банкет не мог исправить натянутости в переговорах: «Расставание грозило произойти на ноте острой дисгармонии, если бы в самый последний момент Сталин не вспомнил о любви британского премьера к беседам в частном порядке». Вечером 15 августа Черчилль навесил Сталина в Кремле, чтобы проститься с ним, между ними возникла беседа, Черчилль спрашивал — могут ли немцы захватить бакинские нефтепромыслы, чтобы развить свой успех и далее — в страны Востока?

— Мы их остановим, — отвечал Сталин. — Правда, ходят слухи, будто в Турции собраны двадцать три дивизии для нападения на нас. Но мы и с ними расправимся...

Черчилль сказал, что Турция, пожалуй, останется в стороне от «большой драки», боясь ссориться с Англией. Настала минута прощания, и Сталин в некотором замешательстве предложил:

— А почему бы нам не выпить по рюмочке?

Минуя множество коридоров и комнат, они через площадь Кремля, совсем безлюдного, прошли в квартиру Сталина, где рыжая девица (дочь Светлана), расцеловав отца, стала накрывать стол, а ее папочка с большим усердием открывал бутылки.

— Не позвать ли и Молотова? — предложил он. — Думаю, он тоже от рюмочки не откажется...

За этой «рюмочкой» они и просидели с восьми вечера до глубокой ночи. Провожая гостя, Сталин просил его передать Рузвельту в дар от русского народа икру, балыки и белорыбицу... иу и, конечно же, армянский коньяк. Черчилль передал заокеанскому союзнику только закуску, а все спиртное уничтожил сам, желая похмелиться после сталинской «рюмочки». О переговорах в Москве он известил Рузвельта в таких выражениях: «Теперь им (русским) известно самое худшее, и, выразив свой протест (в меморандуме), они теперь настроены совершенно дружелюбно, и это несмотря на то, что сейчас они переживают тревожное и тяжелое время».

...Итак, второго фронта не будет, зато для армии Роммеля готовилась западня под Эль-Аламейном. Английский историк

Реджинальд Томпсон писал, что решение Гитлера «во что бы то ни стало взять Сталинград спасло англичан от возможной катастрофы в Северной Африке...»

Дуайт Эйзенхауэр выражался еще откровеннее:

— Сопровождение русских обеспечивает нам свободу выбора места, времени и количества сил для наступления. Но будем честны: влияние наших войск в любом из углов Африки, будь то в Марокко или в Киренаике, никак не отразится на делах русского фронта, а если такое влияние и скажется, то результат его будет весьма ничтожен...

Может, потому в Англии и недолюбливали генерала «Айка»?

18. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Черчилль еще только собирался в Каносу, когда Гитлер предупредил Муссолини, что все разговоры о втором фронте в Европе не стоят и пфеннига: «Считаю второй фронт нелепой затеей, — писал фюрер дуче. — Однако, поскольку решения в «демократических» странах принимаются большинством, а следовательно, диктуются невежеством, необходимо всегда считаться с возможностью того, что безумцы одержат верх и попытаются открыть второй фронт...»

Сталинград был уже недалек, немецкие разведчики иногда выходили к его пригородам и, вернувшись обратно, охотно делились своими миражными впечатлениями:

— Со стороны степи, словно со стороны океана, Сталинград чем-то напоминает Нью-Йорк... на горизонте видны очень высокие здания, не хватает, кажется, только статуи Свободы, возвещающей нас о прибытии в страну демократов!

Начиная с августа, 6-ю армию навещали лекторы по национал-социалистическому воспитанию, внушавшие солдатам:

— Если мы проиграем эту войну, в Германию вы уже никогда не вернетесь. Русские загонят вас в Сибирь, где от вас даже могил не останется. Если же кому и повезет, то, вернувшись на родину, он Германии не узнает. Сталин и его союзники, занюханые еврейми, превратят нашу страну в конгломерат отдельных княжеств, как это было до Бисмарка, и вместо граждан великой Германии вы все окажетесь бесправными рабами в клетках бывшего Шлезвига, Баварии, Мекленбурга и прочих... Германию раздерут на куски — это уж точно!

Близость цели войны — Сталинграда — воодушевляла солдат Паулюса, их манили мягкие кровати в квартирах города, где, по слухам, было полно фруктов, винограда и рыбы, они мечтали ежедневно купаться

в Волге, вспоминая свои недавние «буль-буль» в тех реках, что встречались им на пути и для русских служили последними рубежами их обороны:

— Не забыть, как я блаженствовал вечерами в реке Дон, но уже забыл, как называется эта станция.

— А я, парни, в паршивой речонке Сал утопил все белье со своими вшами. Вода в этой речушке теплая и противная.

— Хуже всего Аксай — вода в нем мутная и стоячая, как в болоте. Черт побери, скоро ли выберемся к Волге?..

За годы войны многие немцы шалая-валяя освоили обиходный русский язык и, бывало, орали в сторону наших окопов:

— Эй, Иван, давай перекурим! Скоро «буль-буль»...

...Как бы продолжая прерванный диалог с русскими, начатый в Москве, Черчилль решил доказать Сталину что открытие второго фронта в Европе, действительно, невозможно. Последовало распоряжение премьера, чтобы диверсионный налет на французский Дьепп был совершен во что бы то ни стало.

Лондон передал в эфир, что высадка в Дьеппе 19 августа будет иметь лишь частный характер. Оповещая об этом своих агентов во Франции, англичане невольно предупредили и немцев: радиоперехватчики генерала Фельггбеля получили точную информацию. Гитлеровцы заранее усилили гарнизон Дьеппа, расставили на берегу батареи, подтянули танки. Геббельс велел установить в городе скрытые кинокамеры, дабы получить кадры для своей пропагандистской кинохроники.

— Будет захватывающий материал, — радовался он...

На рассвете, когда десантные корабли подходили к берегам Нормандии, в их строй врзалась флотилия германских тральщиков. Немцы устроили такой фейерверк, что в Дьеппе сразу объявили тревогу. В составе десанта была лишь тысяча англичан и полсотни американцев — главную силу отряда составляли канадцы под флагом адмирала Моунтбеттена. После войны Моунтбеттен признался, что корабли тащились через Ла-Манш на поводу «политических причин», когда было уже ясно, что идея второго фронта в Европе похоронена Черчиллем без оркестров...

Канадцы с отчаянной храбростью покидали палубы кораблей. Вломившись в бульвары города, они 9 часов подряд выдерживали атаки. Но 28 танков были затоплены немцами еще в воде, другие застряли на пляжах — в оползающих осыпях гальки. Улицы, берег и причалы покрылись трупами в серых куртках. Моунтбеттен велел возвращаться на суда. Кто успел прорваться к берегу, того немцы добивали в воде. Кто успел доплыть до корабельного трапа, того добивали на корабельных палубах. Кинохроникеры Геббельса трудились в поте лица... В три часа дня все было кончено! Немцы потеряли лишь 200—300 солдат, зато им в плен сдались 2700 чело-

век. Волны прибоя еще долго выкатывали к Дьеппу разбухшие трупы канадцев, а уцелевшие могли о многом задуматься в бараках концлагеря «Офлаг-VII»...

Среди политиков Уайтхолла появились Кассандры:

— Дьепп доказал неприступность немецкой обороны в Европе! Мы не можем допустить, чтобы Ла-Манш покраснел от английской крови, а побережье Нормандии обрело волноломы из трупов...

Черчилль, таким образом, нашел необходимый для него аргумент, чтобы на примере Дьеппа доказывать Москве невозможность открытия второго фронта в Европе. Но его уловки сразу распознал Гитлер, который из Винницы выпустил торжествующую реляцию: «В ходе этой попытки вторжения, предпринятой вопреки всем положениям военной науки и которая преследовала только политические цели, враг потерпел сокрушительное поражение».

Ганс Фриче разъяснял бестолковым по радио:

— Черчилль решил поиграть на нервах Сталина...

После визита Черчилля в Москву и после разгрома десантов в Дьеппе на позиции наших бойцов под Сталинградом в эти дни хлынул шуршащий и шелестящий ливень вражеских листовок: «Наши союзники всегда с нами, — написано было в них. — А где же ваши союзники? Теперь вы убедитесь, что вас обманывают не только ваши жидовские комиссары, вы обмануты и плутократами Англии и Америки...»

Американцы тоже были недовольны поведением англичан, союзники сходились трудно. Эйзенхауэр приходилось умерять гнев своих американских офицеров их высылкой в ...Америку.

— Я согласен с вами, — не раз говорил «Айк», — что английские генералы большие сволочи. Но я наказываю вас не за то, что вы называли их сволочью, а за то, что вы называете их английской сволочью... с эпитетами следует быть осторожнее!

Американцы, под стать Эйзенхауэру, к русской армии и русскому флоту относились хорошо. Я это испытал на себе, ибо во время войны на Севере мне не раз приходилось плавать и жить бок о бок с янки, очень похожими на нас, и с англичанами, очень далекими от нас, — сравнение этих союзников было в пользу американцев.

19. КАНУН

Тихо скрипка играет,

А я молча таную с тобой...

Губы Паулоса беззвучно двигались, а его лицо временами искажалось от нервного тика. Кутченбах помнил Адама:

— Нужно поговорить, — сказал барон в чине зондерфюрера СС. — Мне давно не нравится вызывающее и бестактное поведение Артура Шмидта, который держится слишком независимо от мнения командующего... моего тестя. Шмидт с его «чертиком» — это, пожалуй, Мефистофель при нашем Фаусте, а сам Фауст, как видите, сильно сдал за последнее время. Я, живущий при нем, лучше всех в армии извещен, как его угнетают бестактные выходки начальника штаба.

— И вы... — начал было Вильгельм Адам.

— И я, — подхватил барон Кутченбах, — просто боюсь, что назойливый диктат Шмидта, усиленный его партийным стажем, заведет нашу армию в такие дебри, из которых нам будет не выбраться. Вы только гляньте на левый фланг — почти четыреста миль отданы итальянцам Гарибальди, а этот римский фронт вряд ли сумеет уберечь наши фланговые рубежи. Мы слишком далеко забрались в берлогу русского медведя...

— Короче, барон.

— Короче, — пояснил Кутченбах, — я лишь переводчик при штабе армии, и не могу вмешаться, чтобы там, в Виннице, поскорее убрали Шмидта, иначе...

Это «иначе» тайло очень много. Адам сказал, что постарается нажать потаенные педали, дабы избавить армию от Шмидта, который беззастенчиво помыкает генералами и даже Паулюсом.

— Но это я могу сделать не раньше того времени, когда мы возьмем Сталинград, — признался Адам.

— Боюсь, что тогда будет поздно, — отвечал барон. — Только бы о нашей беседе не пронохал сам Шмидт, который свернет нам шею, чтобы мы смотрели назад — на счастливое прошлое.

— Не проговоритесь сами.

— Нет! В своих опасениях я доверился только генералу Курту фон Зейдлицу, который уже хотел дать Шмидту по морде...

Паулюс застал Шмидта в штабном «фольксвагене», он перебирал громадные листы аэрофотосъемки кварталов Сталинграда.

— Только идиоты, — сказал он, — могли растянуть свой город чуть ли не в сотню миль, и теперь не знаешь, где хвост, где голова... куда лучше ударить?

Паулюс сказал, что, очевидно, штурм Сталинграда предстоит вести с двух прежних направлений (он очень надеялся на танки Гота со стороны Сарепты и Бекетовки), а генералам 6-й армии придется вручить отдельные районы Сталинграда.

— Отдельные? Мы растянем свою армию, как презерватив.

— Она, — отвечал Паулюс, — и без того растянута...

Он запросил тыловые службы (вроде наших военкоматов) в Касселе, Ганновере, Вене и Висбадене, откуда шел активный набор для 6-й армии, чтобы выкачали все резервы для пополнения его армии. Но из городов призыва отвечали, что способны

прислать только тех солдат, что завалились в местных госпиталях. Паулюс, обозленный, созвонился со ставкой фюрера под Винницей, разговаривал с Мюллером-Гилдебрандтом, начальником организационного отдела (по-нашему — это был бы отдел кадров), которому и кричал:

— У меня в батальонах осталось по сорок человек.

— Мы выгребли все резервы, — отвечали из «Вервольфа».

— Когда же я могу рассчитывать на пополнение?

— Не раньше, чем в январе сорок третьего года...

Паулюс в бешенстве так шмякнул трубку зеленого телефона, что, казалось, он хотел раздавить поганую штабную «лягушку».

— Вот так! — сказал он, от волнения его лицо задергалось. — Стало быть, я вынужден брать Сталинград измотанными дивизиями. Между тем бои под Калачом уже доказали всем нам, что русские не желают уступать позиции без боя. А я, господа, и в этом никто из вас не сомневается, не имею такой дурной привычки, чтобы недооценивать сопротивление противника... Боюсь, что мой туго натянутый лук скоро переломится. У меня кончились сигареты, — без паузы продолжил он. — Кто угостит меня?

Из-за плеча Паулюса протянулась рука Шмидта, который потряс пачкою очень дорогих «Равенклу», а вслед за тем возле лица Паулюса, искаженного нервным тиком, выпрыгнул шустрый «чертик» из зажигалки того же Шмидта.

— Я понял ваш намек, — пробурчал Шмидт. — Вы хотели сказать, что это я имею свойство недооценивать противника. Но я практик, и когда вижу длинный хлебный батон, я не задумываюсь, с какого конца его пожирать: я беру нож и разрезаю батон на несколько кусков.

— Благодарю, — отвечал Паулюс, прикуривая от зажигалки начальника своего штаба. — Из вас дерьмовый тактик. Но, однако, в одном вы правы: Сталинград будем резать на куски, чтобы проглатывать его... кусками. Еще раз — благодарю!

— Что прикажете? — вмешался услужливый Адам.

— Созвонитесь с генералом Итало Гарибальди, чтобы его «макаронники» не прозевали русских на левом фланге моей армии. Прошу меня хотя бы час-два не беспокоить — я сажусь писать приказ... Приказ о наступлении на Сталинград!

Он затворился в своем личном автобусе, пропитанном благоуханием цветочных одеколонов, продутым сквозняками спасительных ветрогонов, и ему не мешало пенные пьяных солдат, вторично мобилизованных в армию. Они пели:

Труба играла нам отбой,
а я опять, опять с тобой,
Лили Марлен,
Лили Марлен...

Всего, что написано о последних днях

августа, не пересказать, а посему я постараюсь быть краток. Приказ о наступлении Паулюса был зачитан в 6-й армии 19 августа — как раз в тот самый день, когда немцы добивали союзников в Дьеппе...

— Нюра, — позвал Еременко, — ты скоро закончишь?

Девушка в солдатской гимнастерке выстукивала на клавишах аппарата Бодо очередное сообщение для Москвы.

— Сейчас. А что?

— Работай скорее. Тут у меня новое сообщение — немцы группируют свои силы возле Вертячего... спешит, Нюра!

Наши войска, выдвигаемые из большой излучины Дона, отступали, и часто бывало даже так, что в ротах и батальонах людей становилось больше, нежели было раньше, — за счет тех, что отстали, что отбились от своих частей, а теперь просто «примазались», и это нечаянное пополнение даже радовало наших командиров. Только не думайте, что положение в 6-й армии Паулюса было лучше. «В этой безотрадной степи мы все передохнем» — вот какие слова все чаще и чаще слышались от немецких солдат, и «я», — писал Вильгельм Адам, — постоянно встречал оставших солдат, которые после тяжелых боев разыскивали свои части». Вытесняя наши войска из большой излучины Дона, Паулюс был теперь озабочен, как форсировать Дон, чтобы выйти на ближайшие подступы к Сталинграду...

Андрей Иванович Еременко если и не все знал, то о многом догадывался, а если он и понимал что-либо неправильно, то, на мой взгляд, и другой на его месте понимал бы ничуть не лучше его. Было ясно, что немцы будут давить на город с двух концов — северного и южного, а может, ударят всей массой по центру, чтобы разрезать Сталинград на две части, и этим центром станет овраг Царицы, где и сидит он сейчас в душевой штольне, а в голове гудит от стукотни аппарата Бодо.

— Не вижу иного выхода, — сказал он Хрущеву, — кроме одного. Главные усилия надо бросить против армии Паулюса, а с юга, где нажимает танковый Гот, ограничиться обороной, но очень жесткой, чтобы муха не пролетела...

(В капитальной монографии «Великая победа на Волге», которая увидела свет под редакцией К. К. Рокоссовского, сказано: «Такое решение в целом могло отвечать только требованиям Ставки ВГК, но в сложившейся обстановке оно было невыполнимым, заранее обреченным на неудачу. И в этом заключается грубая ошибка, допущенная генерал-полковником А. И. Еременко. Хоть убедите меня, а я никак не могу понять, в чем же суть этой ошибки Еременко? Или ему следовало лишь обороняться от Паулюса, а наступать на Гота? Или, может, равномерно разделить свои силы, и без того слабые? Критику в адрес генерала Еременко я понял так: на него нажали из Ставки, чтобы делал, как велют,

вот он и делал. А тогда, простите, не Еременко допустил «грубую ошибку», а кто-то из тех, что протирал штаны в кабинетных креслах... Ладно. Поедем дальше!»).

Сталин город своего имени вниманием не оставлял, хотя — ради сбережения своего «престола» — продолжал упрямо удерживать возле Москвы главные стратегические резервы, которые именно сейчас так были необходимы под Сталинградом. Верховный, не ко сну будь он помянут, постоянно слал и слал в Сталинград своих поверенных и доверенных — представителей Ставки, ревизоров ото всех родов войск, различных наркомов и их замов, в Сталинграде околачивался в роли соглядатая и доносчика Г. М. Маленков, постоянно и беспробудно пьяный, так что на ногах не держался, но зато окруженный могучим кольцом личной охраны. Вся эта «собачья свора» (по выражению Н. С. Хрущева) пользы для фронта на грош не принесла, но хлопот всем доставила выше макушки. В довершение всего сталинские визитеры так загадили туалет на командном пункте, размещенном в штольне, что стало не продохнуть.

— Вот, варяги проклятые! — матерился Никита Сергеевич, слов не выбиравший. — Понаехали тут, все обо...ли и смотались ордена получать, а нам с Еременко... хоть нос зажимай. Тоже мне начальнички — в дырку попасть не могут! И этот Маленков еще тут... наблевал всюду, зараза худая.

Никита Сергеевич вовремя предупредил командующего, чтобы он лишнего при Маленкове не сболтал, но Андрей Иванович побаивался своего заместителя Филиппа Ивановича Голикова, который уже слал Воронеж немцам, а ранее, еще в довоенные годы, будучи начальником разведки Генштаба, каждый день врал Сталину, что войны не будет, чем и угодил вождю. Теперь он, отроду пулгивный, боялся разврата событий, угрожающих покончить не только со Сталинградом, но и с его житехотой, столь приятной для бывшего сталинского фаворита. Вот Гордов, второй заместитель Еременко, тот смирил гордыню и, куда бы его ни послали, ничего не боялся, ехал и командовал, воюя как умел (я воевал на фронте, пока его не ранили). Но зато Филиппа Ивановича на фронт было и калачом не заманить. Уж столько он пил с Маленковым, чтобы угодить ему, но тот — рожка пьяная! — так и уехал в Москву, не догадавшись взять с собой Филиппа Ивановича... Трусливый человек, Голиков проводил дни в доме отдыха «Горная Поляна», присматривал за переправами, а если кто драпал, он выезжал наблюдать за тем, как они драпают. Один наш генерал после отступления, вспомнив о сталинском приказе № 227, застрелился, а предсмертную записку закончил словами: «Остаюсь верен делу Ленина!» Филипп Иванович завел дело:

— Почему это он верен делу Ленина, если у нас сейчас не Ленин, и верным надо быть делу великого и мудрого Сталина?!

96

Еременко кричал — от боли в ране и переживаний:

— Может, отпустить его ко всем псам, чтобы не вонял тут?

— Куда? — спросил Хрущев. — Такого отпусти, так он тебе завтра же будет в кабинете Хозяина и навоняет еще больше. Да так накапает на нас обоих, что век не отмоемся. Такое на нас напорочит, потом не отбрыкаешься... Ведь он сдал немцам Воронеж, а теперь отпусти его — сразу бочку на нас покатит.

После очередной бомбежки Голиков совсем обезумел от страха, убивался, плакал перед Хрущевым, говорил:

— Можно, я на другой берег Волги отъеду? Ведь дураком надо быть, чтобы не понять — завтра нас живьем немец сожрет. А я бы для вас новый командный пункт

приготовил... на другом берегу. И фанеры бы достал, чтобы стенки обить.

— Филипп Иваныч, да очумел ты, что ли?.. За Волгой земли для нас нет и не будет. С нас же голову снимут, если Сталинград оставим. Ты соображаешь сам-то, о чем говоришь...

(«Ни шагу назад!» — гласил сталинский приказ № 227, и, согласно этому приказу, расстреливали отступивших командиров, тысячами гнали рядовых на верную гибель — в штрафбаты, а вот Филипп Иванович после очередной бомбежки драпанул в Москву и там, как и предвидел Хрущев, стал доносы писать на всех, что в Сталинграде остались, и Сталин Голикову поверил, а честным людям потом еще пришлось оправдываться, — вот такие генералы тоже были в нашей армии... Забудем о них!)

ЛЮБИТЕЛЯМ ЗАНИМАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Тот, кто любит детективы, в 1992 году прочтет в нашем журнале роман **Жоржа Сименона «ЗНАКОМАЯ МАДАМ МЕГРЭ»**.

Вам, конечно, известны многие громкие дела, которые вел сам комиссар Мегрэ. Но кто знает, распутал бы он очередное преступление, не приди ему на помощь супруга, оказывается, такая же наблюдательная и находчивая, как и ее легендарный муж.

* * *

Агент «007», он же — Джеймс Бонд...

Наши читатели наверняка много слышали о похождениях этого английского агента, героя писателя **Яна Флеминга**, но вряд ли держали в руках книги о нем.

Наш журнал планирует напечатать роман **«МУНРЕЙКЕР»**. «Мунрейкер» — название ракеты, которая по коварному замыслу старого немецкого нациста-ученого может взорваться над Лондоном. Но планы преступника раскрывает Джеймс Бонд. Что там еще? Погони на море и на суше, любовь, таинственные исчезновения людей... Словом, стоит прочесть...

* * *

О тревожной службе воинов внутренних войск в так называемых горячих точках идет речь в повести капитана **Ивана Мучака «ЧЕРНОЕ КОЛЬЦО»**. По жанру она приключенческая, но не только остросюжетные коллизии захватят вас. Надеемся, что вместе с героями произведения — солдатами в краповых беретах — вы разделите боль за то, что происходит сейчас в Закавказье.

Напоминаем, что наш журнал вы можете не только купить в киосках «Союзпечать», но и получить на дом, если успеете подписаться на него.

Наш индекс — 70610.

ФРАГМЕНТЫ

ДАЖЕ ОНИ НЕ СПАСЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ СО СЛУЖБОЙ ПО КОНТРАКТУ

«НАША РОТА — КАК БЕЛЬМО НА ГЛАЗУ.
МЫ ВСЕМ МЕШАЕМ».

Из беседы с воннами-профессионалами.

КОГДА В ГАЗЕТЕ «Советская Россия» ему попалась на глаза заметка «Служба по контракту», он решил, что это сама судьба посылает добрый знак. Еще в институте физкультуры подумывал о спецназе КГБ или ОМОНе, но перспектива стать одним из первых в стране солдат-профессионалов роты специального назначения дивизии имени Ф. Дзержинского показалась более заманчивой. «Это твое, старина, это твое, не сомневайся», — говорил он мысленно себе по дороге в Москву, вспоминая под стук вагонных колес дувалы чужих кишлаков, таящие смерть, горные тропы и лица друзей — погибших и живых...

В «профи» его зачислили без звука. Еще бы, кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу», великолепная спортивная подготовка, диплом с отличием — более достойного волонтера и представить трудно. Так началась новая страница служебной биографии сержанта Руслана Шакирова*. В числе добровольцев было еще несколько воинов-интернационалистов, а также десятка два дюжих парней, прошедших хорошую школу спецназа в подразделениях «краповых беретов». Спаянные любовью к армии, строгой мужской жизни, они и составили костяк первой в Вооруженных Силах и внутренних войсках роты профессионалов.

Руслан и его новые товарищи тогда не подозревали, что пора больших надежд очень скоро кончится и нужно будет делать еще один выбор.

Разговор о преимуществах службы по контракту, начатый прессой, отвлек внимание от многочисленных мин замедлен-

* Фамилия изменена: по понятным причинам бойцы спецназа не любят «светиться» в прессе.

проблемы,
события,
люди

ВОЙСКА

ного действия с острейшими проблемами, которые были установлены на пути эксперимента нашей непобедимой бюрократической системой. Не успели умолкнуть литавры и высохнуть типографская краска на корреспонденциях о первых шагах детища перестройки в войсках, как взрывные устройства начали срабатывать, нанося невосполнимый урон новорожденной роте. Почти 60 добровольцев из числа заключивших контракт сказали «до свидания». Остались самые стойкие. Фанаты спецназа. Так они себя называют.

Мнение оставшихся в строю остальных спартанцев выразил сержант Шакиров: «Мы — оптимисты, верим в успех эксперимента. Главным образом благодаря нашим офицерам. Золотые люди! Даже в Афгане таких командиров встречать не приходилось...»

До боли знакомая картина. Трещат несущие опоры конструкции, оседает наспех возведенный фундамент, по логике вещей сооружение должно рухнуть. Но оно держится. Потому что люди, подобно мифическому Атланту, подставляют свои плечи, неисчерпаемым терпением, надеждой и верой компенсируют изъяны планов и чертежей. И вот — крамольная мысль. Может, так специально было задумано: в целях экономии финансов и материальных средств механизм эксперимента запускается в полуразобранном виде — с расчетом на то, что недостающие детали заменит «человеческий фактор»?

Послушаем командира роты майора О. Луценко:

«Планы поначалу были грандиозные. Мечтали создать подразделение, которое станет настоящей мужской академией. Мечты, мечты, где ваша сладость!

Начали подбирать бойцов. Думаете, из спецназа люди к нам валом повалили? Как бы не так. Средний оклад — 300 рэ, не густо, правда, если, скажем, заработок водителя автобуса в Москве достигает тысячи рублей? Но мизерные оклады — полбеды, был еще один нюанс, который не учли, возлагая надежды на воинов-дзержинцев. Парни, отслужив два года, домой рвутся, им дымом родных очагов подышать надо, потом уже у тех, кто по-настоящему предан войскам, появится желание продолжить службу.

С военнослужащими запаса тоже не повезло. Причины? Вся рекламная кампания в период формирования роты ограничилась несколькими публикациями в газетах. Для такой страны, как наша, это капля в море. А ведь можно было привлечь широкое общественное внимание к эксперименту, заинтересовать энтузиастов рукопашного боя, многие из которых, не найдя себе дела по душе, поддаются к теневым дельцам с тугими кошельками, идут в ракет, в охрану кооперативов. Но реклама — это лишние расходы, а мы, как известно, народ шибко экономный, считая копейки, пускаем на ветер миллионы.

Чтоб худо-бедно набрать людей в роту, прислали нам солдат срочной службы из

различных частей войск, всего набралось около 90 желающих. Поверьте, это была настоящая профанация идеи профессионального спецназа. Подавляющее большинство добровольцев проходили службу в конвойных частях и частях по охране государственных объектов, приемами рукопашного боя владеют слабо, в физическом отношении подготовлены недостаточно. Много солдат было с дефектами здоровья.

С грехом пополам набрали мы чуть больше 50 процентов от штатной численности. Не беда, думаем, лучше меньше, да лучше. Пройдет время — постепенно заполним вакансии. А форсировать события — завалить дело. Повторяю, за мизерную плату рисковать жизнью согласятся только энтузиасты, фанаты. Задача — найти их. Как же, дали нам время для поиска. В одной из радиопередач прошла информация: в дивизии имени Ф. Дзержинского полностью укомплектована рота профессионалов. После этого началось паломничество корреспондентов, желающих взглянуть на уникальное подразделение. Ну, а у нас, естественно, поднялся ажиотаж: срочно доукомплектовать роту, чтобы показать товар лицом! Начали соблазнять солдат, в том числе и прослуживших менее полутора лет (в нарушение требований Временного положения о прохождении службы по контракту), суля им золотые горы. Некоторые согласились, но отнюдь не из патриотических побуждений. Расчет был сугубо прагматическим. Во что выливается расторжение контракта? Да в сущие пустяки. Нужно заплатить деньги за недоносно обмундирования и вернуть часть подъемного пособия. Все. Стало быть, не накладно, прослужив в подразделении полгода-год, «помахать ручкой». Что большинство «добровольцев» и делают.

Принцип социализма: каждому — по труду. 300 рублей в месяц — много это или мало для волонтера-спецназовца, готового каждый день рисковать своей жизнью?

Вот такие сюрпризы ждали нас при комплектовании роты. Не лучше обстоит дело и с материально-техническим обеспечением. На обещания не скупилась. «Все вопросы будут решены, ничего для вас не пожалею!» — заявили побывавшие в подразделении представители НИИ спецтехники, ГУМТиВС (Главное управление материально-технического и военного снабжения. — Ю. К.), ХОЗУ (хозяйственное управление — Ю. К.) МВД СССР. Но обещаниями сыт не будешь.

В роте нет самого необходимого для проведения занятий по рукопашному бою, имею в виду средства индивидуальной защиты, спортивный инвентарь. Пара выдавших ви-

ды боксерских перчаток и два банджа — это нормально для подразделения спецназа? Пытались разными правдами и неправдами достать защитные шлемы, жилеты — где там! В магазинах — шаром покати, а у кооператоров, как разъяснили мне финансисты, купить не имеем права. Не положено. Интересно, думал ли кто-нибудь при определении норм положенности, что наши воины на занятиях по рукопашному бою занимаются не балетными экзерсисами, что жесткий спарринг без средств защиты головы и корпуса может привести к трагическому исходу? Поистине, пока гром не грянет... Недавно во время тренировки погиб лучший боец роты старшина Александр Точка. Погиб нелепо, глупо. Нечаянный удар в солнечное сплетение, рефлекторная остановка сердца, и...

Невольно позавидуешь милиции, которая, в отличие от нас, нищих бюджетников, имеет исполкомовские лицевые счета и может позволить себе роскошь приобрести то, о чем мы только мечтаем.

Ладно, оставим в покое финансы. Больше другое волнует. По условиям контракта, наш волонтер должен стрелять из всех видов оружия, включая иностранные, притом из любых положений, на скорость и в ограниченное время, уметь прыгать с парашютом, водить автомобили, мотоциклы всех марок, овладеть профессией подрывника, медика. Планку подняли очень высоко. Но преодолеть ее никак не получается. Нет добротной учебной базы, существующие нормы расхода горючего, боеприпасов, других материальных ресурсов не рассчитаны на потребности профессионалов. Приходится довольствоваться малым — в ущерб боевой выучке.

Были у нас в гостях спецназовцы из Болгарии. Поинтересовались: как часто стреляете? Два раза в неделю, говорим. А мы, отвечаю, каждый день. Что ж, порадовались за коллег: как видно, у них не принято экономить на качестве обучения.

О плохом питании, неудовлетворительном бытоустройстве личного состава говорить сегодня вроде бы неудобно: в стране с продуктами напряженка, решение жилищной проблемы откладывается до полной победы перестройки. Но при всех объективных трудностях первые волонтеры спецназа заслуживают все же лучшей участи.

Я бывал в разных милицейских общежитиях, сравнивал с нашим. Таких убогих условий нет ни у кого. Грешно упрекать тыл: при наших скромных возможностях быстро построить дом просто нереально. Но разве людям, которые живут в тесных клетушках, без горячей воды, от этого легче?

Или взять качество пищи: может служить утешением то, что для воинов срочной службы повара тоже не больно стараются? Сомневаюсь. А между тем первый обед был организован не хуже, чем в ресторане. Продукты высокого качества, прекрасная сервировка, даже парное молоко было на столах. Значит, можем? Еще как!

Для показухи. Прошло немного времени, и от бойцов посыпались жалобы: пища никуда не годится, по вечерам в общежитии многие солдаты сами себе стряпают, покупая продукты на базаре. Из рациона исчез фруктовый сок. Спасибо, комдив вмешался (он, кстати, активно нас поддерживает, делает все, что в его силах). Дошли до первого заместителя министра пищевой промышленности СССР и на этом высоком уровне решали вопрос, как обеспечить одну-единственную роту волонтеров отнюдь не дефицитным соком.

И так с любой мелочью. Куда ни поворачиваться — всюду преграды. Из-за этого я najил недоброжелателей во всех старших части: слишком много с нашей ротой возни.

Зато когда различные делегации приезжают в дивизию, показать им работу профессионалов — это в первую очередь. Иной раз думаешь: боевая у нас рота или цирковая! Для серьезного дела или для развлечения иностранцев? Как утверждаю: специалисты, по уровню подготовки мы можем соперничать и со знаменитой «Коброй», и с другими подразделениями по борьбе с терроризмом. А если еще дать нам их оклады, материальную базу, социальные льготы, бытовые условия! Да советскому спецназовцу-добровольцу тогда вообще не было бы равных».

Нужно спасать идею службы по контракту. Если в ближайшее время наверху не примут радикальных мер — эксперимент будет похоронен.

НЕСКОЛЬКО строк о командире роты «профи». Без преувеличения: офицер Божьей милостью — и духом, и статью, в роду — потомственный военный. В спецназ пришел зеленым лейтенантом. С тех пор не мыслит себя в ином качестве. О себе говорит с юмором: «майор срочной службы». В течение 15 лет новогодние праздники встречает в казарме, с бойцами. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. Я читал в ротном фотоальбоме записи «дембелей», адресованные командиру. Теплые, бесхитростные, идущие от чистого сердца слова признательности. Слова, которые не лгут...

Другой на месте Луценко давно бы махнул рукой: мы люди маленькие, и не нам решать судьбу эксперимента. Но он продолжает показывать характер, надеясь переломить обстоятельства в свою пользу. Жаль, чудес на свете не бывает.

Что ротный, с его небольшими правами! И у начальников повыше рангом не хватает власти, чтобы создать для «профи» подходящие условия. Как говорится, и ра-

418

ды бы, да система не позволяет. Сами подсудите: может ли часть строго выполнять договорные обязательства согласно контракту, если снабжение роты децентрализовано, ведомственные нормы положенности не обеспечиваются товарными фондами, не узаконен, наконец, статус профессионала? Вряд ли. Эксперименту нужна прочная материальная и правовая основа. Тогда дело пойдет на лад.

В этом убеждает и практика перевода на контрактную основу вооруженных сил США. Здесь готовились к профессионализации пять лет. На правительственном уровне была создана специальная комиссия по разработке концепции военной реформы. Одновременно несколько научно-исследовательских организаций разработали около 20 проектов-вариантов перевода армии на добровольный способ комплектования. Для эффективного обеспечения жизнедеятельности вооруженных сил в новых условиях Конгресс принял 40 (!) законов. Но даже при такой основательной подготовке трудностей избежать не удалось. После отмены воинской повинности вербовка шла из рук вон плохо. Лишь на одиннадцатом году существования профессиональной армии, когда были подняты заработки и усовершенствована система социальных льгот, качество новобранцев круто пошло вверх.

Похоже, мы собираемся копировать ошибки, а не достижения наших в недавнем прошлом «потенциальных противников». Правовой механизм эксперимента (в это трудно поверить) не имеет ни одной детали с государственным клеймом. Да и деталей-то в прямом смысле раз, два и обчелся: приказ министра внутренних дел от 16 марта 1990 года, разрешающий укомплектовать роту специального назначения добровольцами, и разработанное в Главном управлении командующего внутренними войсками Временное положение о прохождении военной службы по контракту, которое по причине своей ведомственной принадлежности силы закона не имеет.

Но ограничиться этим — все равно что бросить не умеющего плавать в водоворот, напомнив, чьих рук дело — спасение утопающих, скажет даже далекий от армии дилетант. И будет прав! Ибо без державных указов, направляющих усилия различных министерств и ведомств на обеспечение эксперимента, волонтеры обречены прозябать в роли бедных родственников. Логика, элементарный здравый смысл подсказывают и другое: перед тем, как дать добро первой роте «профи», надо было изрядно тряхнуть государственной мощной, предвидя большие расходы в условиях перехода к рынку, а также позаботиться о создании под эгидой Верховного Совета межведомственной комиссии — без этого катализатора реформа будет постоянно буксовать на бюрократических хлябях. Иными словами, здесь нужен государственный подход, одному военному ведомству МВД не справиться, учитывая

его жесткую зависимость от органов материально-технического снабжения, коим эксперимент со службой по контракту просто до лампочки и подать от рождения дышащему на ладан подразделению они могут только Христа ради.

Вот что думает по этому поводу старший офицер управления кадров ГУКВВ МВД СССР полковник В. Тукалкин, один из авторов Временного положения о прохождении военной службы по контракту:

«Комплектование частей и подразделений по принципу добровольности — не войсковая, а прежде всего государственная задача. И решать ее надо по-государственному. Мы у себя в Главном управлении должны просчитать, что и в каком количестве необходимо для нормального функционирования подразделения, все остальное — прерогатива Верховного Совета и Правительства. Пусть анализируют и решают, не накладно ли для государственной казны проведение эксперимента [сохранение только одной роты увеличится в 4 раза, и это при мизерных трехсотрублевых окладах]. Накладно! Давайте отложим до лучших времен. По карману! Тогда финансируйте, не скупясь.

Но никто не стал заниматься обременительной арифметикой. Правительство не затратило на эксперимент ни копейки, источники финансирования роты были созданы за счет перераспределения ведомственных бюджетных средств. Так, без серьезной подготовки взялись за дело, требующее колоссальных организационных усилий и материальных затрат».

Парадоксальная картина наблюдается — сложнейшую задачу профессионализации войск решают... сами войска. Другая заинтересованная сторона в лице государства осталась в стороне.

МЕНЬШЕ всего хотел бы заподозрить давших путевку в жизнь нашим «профи» в отсутствии благих намерений. Военная реформа давно стучится в дверь. Пора от слов переходить к делу. Вот и перешли. Однако благие намерения не должны вытеснять чувства реальности. В противном случае результат получится прямо противоположным ожидаемому. Забыв об этой простой истине, организаторы эксперимента собственными руками вырыли ему могилу. Трудно найти лучший способ дискредитировать идею профессионализации внутренних войск.

Невольно вспоминаю судьбу трехсот спартацев. Наших — тридцать. Устоят? Подполковник Ю. КИСЛЫЙ, наш спецкор.

Генерал-майор внутренней службы
В. ГУЛЯЕВ:

«СПАСИБО ВНУТРЕННИМ ВОЙСКАМ!»

Дискуссия о путях развития правоохранительных органов, о будущем внутренних войск продолжается. Иногда ей становится тесно на страницах газет и журналов. Тогда слухи и домыслы, зачастую небезобидные, будоражат самых заинтересованных — тех, кто связал судьбу с внутренними войсками «всерьез и надолго». Так что же ждет конвойные части в ближайшем будущем?

На вопросы нашего корреспондента отвечает начальник Главного управления по исправительным делам МВД СССР.

- Контролеры остаются в войсках. И надолго
- Криминальный интернационал
- Кто завидует осужденным?

— Владимир Александрович, о «беспределе» в колониях с легкостью судят все кому не лень, словно о футболе. А кто и по каким критериям оценивает эффективность исправительной системы?

— Мы стремимся, чтобы все отбывшие наказание отказались от преступного образа жизни. Тюрьма, давайте называть вещи их настоящими именами, не должна нанести вред психическому и физическому здоровью человека. Это — наши главные задачи. Правда, просто?

Был такой показатель — уровень рецидивной преступности. Десять лет назад почти каждый третий вновь совершал преступление. В первый год на свободе — был и такой показатель — восемь-десять процентов. Сейчас по ряду регионов — до сорока пяти, ведь за последние пять лет мы вдвое сократили количество осужденных. Массовые амнистии закономерно ведут к росту рецидивной преступности. Может быть, поэтому несколько лет назад эти показатели... отменили. Можно, конечно, обвинить в росте рецидива милицию, наш ГУИД, но, на мой взгляд, проблема сложнее. Руками исправительной системы общество должно ставить преступника перед реальным выбором, точнее, не оставлять выбора, предлагая ему заманчивую перспективу честной жизни. А сейчас оно лишает его жилья, прописки, а значит, работы — средств к существованию. Стоит ли

удивляться, что человек идет по пути наименьшего сопротивления — берется за старое, привычное?

Сегодня ни в Верховном Совете, ни в Кабинете министров нет органа, который занимался бы исправительной системой. Видимо, в Верховном Совете должна появиться депутатская структура, которая бы контролировала, анализировала результаты нашей работы и отстаивала бы наши интересы.

— Как положение в стране влияет на обстановку в колониях?

— Наше производство увязано в народнохозяйственный комплекс. Ежегодно потребляем более полутора миллионов тонн металла, а на текущий год договорились о поставке чуть больше трехсот тысяч тонн. Когда начались перебои в поставках сырья, мы несколько месяцев продержались на сверхнормативных запасах.

— Межнациональные конфликты на воле — реальность, а в зоне?

— Лагерная психология, устои преступного мира на сей раз сработали в нашу пользу: ни в Армении, ни в Азербайджане, ни в Грузии в ИТК межнациональных столкновений нет. Мы было старались развести, отгородить контингент втянутых в конфликты национальностей, — как бы чего не вышло. Но осужденные воспроти-

4/5

вились: мол, зачем это? Даже преступники понимают — межнациональная рознь до добра не доведет...

— Одно из ключевых положений в концепции реформы уголовно-исполнительной системы — отменить перечисление доходов от трудового использования спецконтингента в госбюджет, всю прибыль от производства оставлять в распоряжении главка для решения социальных и хозяйственных вопросов. Кто вправе принять такое решение! И когда оно может быть принято!

— Мы еще к Рыжкову обращались, но одними письмами тут ничего не добьешься. Борьба будет долгой, но иного пути нет. Нам нужно приблизительно три с половиной миллиарда рублей в старых ценах, чтобы привести места лишения свободы в цивилизованный вид. Сейчас пресса помогает здорово. Левая, правая, «желтая» — все равно, лишь бы изменить общественное сознание, отношение к тюремной системе. Например, полтора года назад самые радикальные издания — «Аргументы и факты», «Московские новости» сообщили, что наши нормы питания хуже, чем на царской каторге. А как накормить человека на сорок девять копеек в сутки? Но — спасибо за критику! Мы ее учли, да и общественный резонанс повлиял на тех, от кого это зависело. Добавили двадцать шесть копеек. С Минторгом договорились: колония ведь не может без сигарет, чая и... конфет — многие из тех, кто совершил преступление в 16—17 лет, на всю жизнь сохраняют детские пристрастия, а эти товары сейчас дефицит. И только приблизились к норме по калорийности питания, установленной, кстати, двадцать лет назад — газеты пишут, что простого советского заключенного кормят лучше, чем шахтера. Поди догадайся — хвалят или ругают?

— Наверное, ругают — ведь в тюрьме и должно быть плохо, чтобы возвращаться не хотелось. Я слышал, кое-где уже обращаются: начальник, посади перезимовать!

— Да, есть такие случаи. Но это эмоции тех, кто ни разу не был лишен свободы. А насчет «плохо»... У нас, к сожалению, десятилетиями извращали ныне действующую исправительную идеологию. Считается, чем тяжелее преступление, тем труднее должна быть работа у осужденного. А получается, увы, наоборот: «особый режим» работает под крышей, в тепле, а на лесоповале трудится поселенец — так дешево, но правильнее ли?

Поэтому мы предлагаем сделать учреждения несколько иного характера, нежели существующие. Первое — открытого типа. Содержать там преимущественно молодых людей за малозначительные преступления. Открытого типа — значит, в этом воспитательно-трудовом учреждении правонарушителя смогут навещать родные, и он не утратит социально полезные связи с обществом.

В учреждения полузакрытого типа — колонии — попадут те, кто не образумился после срока в открытом учреждении. И изоляция, и режим здесь построже. А третья категория — закрытого типа, фактически тюрьма. Надо признать — пока есть люди, живущие преступным промыслом, нужны и такие учреждения.

Меняется законодательство, перераспределяются функции между органами власти различных уровней. В нашей системе этот вопрос тоже назрел. Воспитательно-трудовые учреждения должны быть исключительно местного подчинения — рядом и родители, и трудовой коллектив, и возможность трудоустройства после отбытия наказания гораздо реальнее. Полузакрытые, видимо, надо подчинять республике — там будут настоящие преступники, и держать их рядом с местом жительства нерационально.

А вот учреждения закрытого типа должны быть союзного подчинения. Это обеспечит надежную охрану, профессиональный надзор высокого качества.

Конечно, такая программа требует средств. Но уже не все зависит от Кабинета министров — финансирование отдано республиканским Совминам. Очень активно работают МВД Украины и Казахстана. А вот Россия, которая всегда была в авангарде реформаторства, сейчас, к сожалению, отстает. Плохо, когда на высоком уровне делают не функции, не вклад в борьбу с преступностью, а личные амбиции.

— Мы — страна хороших законов, которые вот уже несколько лет некому исполнять...

— К тем временам, когда здесь, в Москве, приказывали, а на местах говорили «Есть!» и... откладывали очередное указание в долгий ящик, возврата нет. Сколько мы занимались, например, жильем для военнослужащих внутренних войск! Считали, раз есть соответствующий приказ, значит, проблемы уже нет. Увы, некоторые контролеры стоят в очереди десятилетиями. В местах, где кроме нас никого нет и никого не будет, святая обязанность начальника колонии — решать все вопросы. Антагонизм, трения между войсками и администрацией — это не от большого ума. Все, по-моему, началось с того, что войска в свое время сумели улучшить материальное положение офицеров, прапорщиков, а тюремная администрация отстала и обиделась: вы, мол, получаете больше, зато квартиры и все материальные блага в наших руках, побегаеете... А проигрываем от этого все вместе.

— Ваше отношение к проблеме надзора известно: передать контролеров администрации колонии. Читатели, а большинство подписчиков — прапорщики, завалили редакцию письмами: когда это произойдет!

— Увы, не всегда наши желания совпа-

дают с возможностями. Вот так взять и передать людей из одного главка в другой? А что от этого изменится?

Другое дело — я не вижу необходимости, чтобы, например, колонии строгого и особого режимов охраняли восемнадцатилетние парни. В Верховный Совет СССР мы внесли предложение о создании нового института — прапорщиков и старших прапорщиков внутренней службы, чтобы таким способом приблизить решение правовых и социальных проблем...

— В русле реформы уголовно-исполнительной системы!

— Конечно! Контролер — это же сложнейшая, ответственнейшая работа. И когда мне говорят, что кто-то из них пошел на предательство интересов службы, я всегда спрашиваю — сколько таких? Одна тысячная процента! Мнение об одном подлеце нельзя переносить на всех. Но должны быть и льготы, и стимулы, чтобы служба привлекала людей. Пока у нас, к сожалению, иногда бывает и наоборот. Будущее, конечно, за профессионализацией внутренних войск, без призывного контингента. Когда это будет? На мой взгляд, лет через семь-восемь, когда в полной мере будет осуществлена реформа. А до тех пор и контролеры останутся во внутренних войсках.

— Какой вам видится основа для здоровых, конструктивных отношений между войсковым подразделением и администрацией учреждения!

— Я очень благодарен личному составу внутренних войск за поистине героический труд. Большое спасибо солдатам и сержантам, прапорщикам и офицерам — мы у них в долгу. А чтобы не омрачались отношения, надо определиться, кто для кого создан. Долгие годы договориться не можем, как не можем выяснить, проводник в железнодорожном вагоне для нас или мы для него? Все, что существует вокруг ГУИДа, создано, чтобы функционировала исправительная система в целом. У нас же все так перевернуто... Оперативное решение принять — в согласованиях увязнешь. Я считаю, должно быть создано государственное ведомство, исполняющее уголовное наказание. Оно должно иметь все институты — охрану, надзор, воспитателей, психологов, медиков, кадровое и экономическое обеспечение. При такой организации все наши прапорщики, независимо от того, кто они будут — военные или начальствующий состав, — должны иметь хорошую заработную плату, социально-правовую защищенность. Исчезнет во многом искусственное разделение людей, выполняющих одну главную задачу, на военнослужащих и всех остальных — не станет ведомственности, порождающей все наши проблемы.

В КАРАУЛАХ И ВОЙСКОВЫХ НАРЯДАХ

БЕДУ ОТВЕЛИ

Когда приходит беда, люди молят судьбу, чтобы рядом оказался милиционер или военный, на них, служивых, главная надежда в трудную минуту.

...Войсковой наряд в составе младшего сержанта Д. Григорьева, рядовых М. Власова и И. Коровушкина следовал по маршруту патрулирования, как вдруг послышались крики: «Помогите кто-нибудь! Помогите!.. Убивают!»

— За мной! — махнул рукой младший сержант. Ноги сами вынесли воинов в переулок. На бегу осматривая укутанный сумерками двор, заметили, как трое мужчин в масках выбежали из дальнего подъезда и — врассыпную.

«Могут уйти, — подумал Григорьев. — Двор-то проходной».

Рядом просигналила «скорая помощь». Удача!

— Власов, в машину! Коровушкин, бери последнего, я — наперерез, — скороговоркой выпалил начальник войскового наряда.

Водитель «скорой» оказался с понятием, сразу дал полный газ. Григорьев выбежал со двора следом. «Неужели ушли! Хотя бы одного взять, остальных найдем».

Скорость бега — как на финише стометровки. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Неожиданно откуда-то сбоку вынырнул один из тех, в маске. За ним — Коровушкин. Молодец, не отстает. Еще рывок — и расстояние между тремя фигурами сокращается до предела. Григорьеву видны глаза бегущего прямо на него бандита. Холодные, злые. Неожиданно тот вскидывает руку. Что в руке? Неужели?.. Так и есть — ствол. «Врешь, гад, мы проворней!» Нырок. В следующее мгновение Коровушкин сбивает преступника с ног. Младший сержант помогает завершить захват. А еще через десять минут они уже находились в РОВД, выясняя приметы двух скрывшихся грабителей.

И снова — маршрут. Сколько там еще осталось до конца патрулирования? Недосуг на часы смотреть: время пик. «Скажите, пожалуйста, как пройти?», «Где находится..?», «Помогите, ради Бога!».

И помогают. Защищают — такая служба у них.

Старший лейтенант
М. ГОЛУБЕНКО.

«...ПО-ПРЕЖНЕМУ КОМИССАРЫ»?

Уже не первый год в войсках говорят о необходимости существенной корректировки системы подготовки офицеров-политработников. И вот наконец разговоры перешли в русло практических дел — разработана и апробируется модель нового «комиссара». Каков же он, нынешний молодой военно-политический работник, выпускник Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ внутренних войск МВД СССР! И каким он должен быть по замыслу авторов концепции! Этой теме посвящена беседа нашего специального корреспондента с начальником кафедры педагогики училища полковником В. И. ХАЛЬЗОВЫМ.

— Все мы прекрасно знаем, как относятся ныне в обществе к политическим органам вообще и к политработникам [можно для краткости иногда называть их так, по старинке!] в частности. Более того, негативным настроениям подвержена и определенная часть войск, например, командный, инженерно-технический состав. Насколько, на ваш взгляд, обоснованы эти претензии!

— Если вы полагаете, что я сейчас начну в большом и в малом горячо опровергать все обвинения в адрес военно-политических работников, отстаивая честь мундира, то вы ошибаетесь. Многие претензии совершенно обоснованы. И обоснованы они прежде всего политической ситуацией в стране, местом КПСС в обществе, полпредами которой долгое время считались комиссары, политруки, замполиты. Проводимая широким фронтом, зачастую огульная компрометация Коммунистической партии, естественно, наложила отпечаток на отношение к политическим органам. Обыденное сознание к месту и не к месту отождествляет их с партийными структурами. Характерно, что многие не видят разницы между требованиями департизации и деполитизации армии и с пугающей легкостью подменяют одно понятие другим.

— Кстати сказать, как вы, Валерий Иванович, относитесь к постоянно раздающимся из стана новоявленных демократов призывам деполитизации Вооруженных Сил!

— Напрашивается вполне уместное сравнение: если у вас, скажем, заболит рука и специалист порекомендует прогревание и массаж, разве вы пойдете к хирургу и попросите: ампутируйте! Нет. Во-первых, деполитизация приведет к хаосу, нарушит управление в Вооруженных Силах. Еще вчера политорганы держали в своих руках все нити жизнедеятельности армии. Разрубить их сегодня одним махом, ничего не предложив взамен, — безумие.

Во-вторых, призывы демократов — элементарное свидетельство незнания ими подлинной роли, функций политорганов. Во многом это популистские лозунги людей, борющихся за власть, стремящихся к руководящим креслам любой ценой. Вот им-то в первую очередь и мешают любые устоявшиеся, мощные управленческие институты. Безоглядно ориентируясь на демократические процессы в Европе, они пытаются бездумно перенести их в нашу действительность, забывая, что слепое копирование подчас вреднее, чем квазисной патриотизм. Уж коли они обращают свои взоры на Запад, уместно напомнить им, что аналогичные политическим органам есть и успешно функционируют в армиях развитых капиталистических стран. Разница лишь в том, что там они — органы государства, а не партии. Сделать таковым наш институт политработников — с подобным предложением я соглашусь. Отказаться от него вовсе — нелепица.

Нам иногда приходится принимать у себя в училище делегации различных партий и политических течений Ленинграда, в том числе и ярких сторонников деполитизации. Им дозволяется практически все: смотрите, что хотите, беседуйте, с кем хотите. И показательно, что взгляды многих из них на роль политработников после таких экскурсий существенно трансформируются. Категоричное «нет» уступает место дипломатичному «как бы сделать лучше?»

Департизация? Да, при наличии сильных альтернативных партий. И не раньше. Деполитизация — абсурд.

— **Что конкретно побудило вас к участию в разработке новой модели офицера-политработника?**

— Прежде всего — общее Положение о военно-политических органах, утвержденное Указом Президента СССР и определяющее задачи этих органов на современном этапе и соответственно функции военно-политических работников. Кроме того, конечно, общественные настроения, попытки умалить, принизить, извратить миссию политического работника, с одной стороны, с другой — малоквалифицированный, некомпетентный отпор войск, определенная растерянность в сложившейся ситуации.

— **Еще вчера, буквально два-три года назад, было азбучной истиной, что (цитирую) главным содержанием деятельности политработника подразделения является сплочение личного состава вокруг КПСС и Советского правительства, разъяснение военнослужащим руководящей и направляющей роли КПСС, важнейших решений партии и правительства, воспитание военнослужащих в духе беззаветной преданности коммунизму, КПСС и т. д. Насколько трансформировались теперь ваши взгляды и какое отражение они нашли в концепции?**

— В конечном итоге департизация при развитии демократических начал в обществе неминуема. А поскольку наша модель ориентирована на будущее, мы уже сейчас закладываем фундамент деятельности офицера завтрашнего дня. Именно потому, составляя квалификационную характеристику офицера-выпускника, мы сознательно ушли от привычных партийных формул.

— **А вы не исключаете, что политработник может быть беспартийным?**

— Сама мысль до сих пор звучит парадоксально: как же так, политработник и без партийного билета? Довлеют стереотипы, старые взгляды. Но а в сущности это нормально: ведь не к партийной — к политической работе людей готовим.

— **Что ж, Валерий Иванович, поговорим и о подготовке. Иной раз в беседах с молодыми политработниками диву даешься:**

какая же, простите за кухонный жаргон, каша в головах у иных офицеров. Не могу забыть, как один из них в пылу полемики высказал буквально следующее: нужна твердая рука, может быть, даже монархия, только тогда Советы начнут думать о нуждах трудящихся (!). Конечно, политическая мешанина в умах — не столько вина училища, сколько беда общества. И все же: убежденность — понятие производное, результат убеждений. Как они должны закладываться согласно вашей концепции?

— Вопрос столь же сложен, сколь и правомерен. В училище курсанты, особенно старших курсов, полагают — кичливо, неоправданно, самоуверенно, — что они без труда ориентируются в политической ситуации. Если это и верно на треть, то и то в рамках учебной программы и горизонтального (подчеркиваю, горизонтального) общения друг с другом. К иному уровню политических дискуссий они зачастую не готовы. Вспомните Черчилля: политик должен уметь предвидеть, предсказать то или иное событие, а после объяснить, почему оно не произошло. В училище мы больше анализируем дни вчерашний и сегодняшней, в войсках же нужны прогнозы и, как это ни комично на первый взгляд, четкие обоснования того, почему они не сбываются. Вот и теряются лейтенанты, наткнувшись на рифы провокационных, хотя и вполне естественных вопросов, допустим, таких: правильно ли поступили войска МВД и КГБ Румынии, оставшись верными присяге и правительству?

Училище — не остров в океане. Слаба политическая культура в обществе, вполне понятно, что недостаточно высок ее уровень у тех, кто ставит курсантов на ноги, у педагогов-воспитателей. Ошибки и просчеты учителей нередко возводятся учениками в квадрат, куб, абсолюты.

Возможно, не все из моих коллег поймут меня и поддержат, но я уверен: нужна переориентация, серьезная политическая подготовка педагогов. Их — в первую очередь. Это архисложно, переборов себя, после двух, а иногда и трех десятков лет педагогической деятельности признаться как на духу: мой уровень подготовки не соответствует требованиям дня. Только очень сильный, гибкий, глубоко осознавший ситуацию человек способен на такой смелый шаг: согласиться, что ему недостает политической культуры.

Вторая задача ненамного проще — привить курсантам вкус к объективной, разносторонней политической информации, умение не сбиваться с верного курса, отделять зерна от плевел.

— **Для чего прежде всего и нужна прочная теоретическая база. Долгое время мы считали, что уж с чем-чем, а с базой у нас «всерьез и надолго»...**

— Увы. Сейчас уже практически нет чет-

42

кой концепции социализма, придерживаясь которой можно уверенно формировать политические взгляды. Трудно работать.

— Знакомясь с обширной функциональной предназначенностью политработника в вашей концепции, я, уж не обессудьте, усомнился в ее реальности. Ну вот, допустим, служебно-боевая и военно-техническая функция обязывают политработника наряду со многим другим поддерживать в состоянии боевой готовности инженерно-технические средства охраны объектов; обеспечивать их грамотную эксплуатацию; функция обучения предписывает ему уметь проводить занятия по предметам боевой и политической подготовки; социально-правовая функция — обеспечивать правовую защиту военнослужащих... По силам молодому лейтенанту этот тяжкий профессиональный груз?

— Вы верно подметили уязвимое место разработанной модели. По-моему, закладывая в нее обязанности военно-политического работника, мы все несколько увлеклись: каждая кафедра, радея о своей дисциплине, внесла посильную лепту, и вот результат. Детально знать все тонкости широкого спектра воинских специальностей он, разумеется, не в состоянии. Но на организаторском уровне должен разбираться во всем, иначе на авторитет в коллективе рассчитывать нечего. Открою маленькую военную хитрость: отчасти комплекс функций имеет мобилизующий, стимулирующий характер. Он составлен, так сказать, с дальним прицелом. Ведь не секрет, что многие курсанты, изучая некоторые предметы, загадо уверены в ненужности получаемых специфических знаний. И часто ошибаются. Дорого обходятся войскам эти ошибки. Надеемся, что, нацеленный на большее, он изменит отношение к занятиям.

Кроме того, надо понимать, что концепция — идеал, высшая планка, а мы верим, что, покинув стены родного училища, молодой офицер не оставит точку на своем образовании. В этом смысле модель учитывает не только тактические, но и стратегические перспективы.

— Однако мало обозначить функции, важно определить пути формирования таких упомянутых в концепции качеств офицера-политработника, как, допустим, эмоционально-волевая устойчивость в экстремальных ситуациях, столь необходимая сегодня в горячих точках, или, к примеру, интеллигентность, цельность характера, личное обаяние, практическая ума. И это еще не самое трудное...

— Возможно, нам действительно не удастся подготовить интеллигентного, умного, обязательного, смелого человека. Но привить ему необходимые задатки этих ка-

честв, наставить на путь истинный — мы обязаны. Я понимаю, что вас настораживает: подобные черты характера воспитываются десятилетиями, а тут — четыре года... Это только обучение имеет вполне конкретные временные рамки, например, за час я способен научить новобранца обращаться с противогазом. Воспитание — вечный процесс. И училище, повторяю, должно дать человеку первоначальный мощный толчок. Это, согласитесь, немало.

— Валерий Иванович, хотелось бы, чтобы вы прокомментировали некоторые данные, полученные лабораторией исследования социально-психологических проблем вашего училища. Так, почти каждый четвертый молодой офицер-выпускник ВПУ в Нижегородском управлении и каждый второй в Ростовском, по их признанию, разочаровались в выборе профессии или твердо уверены в его ошибочности. Причем в среднем только около половины опрошенных ожидали столкновений с трудностями и были готовы к ним. В то время как выпускники Пермского и Новосибирского училищ на этот же вопрос анкеты все до единого ответили, что трудности не удивили и не выбили их из колеи.

— Думаю, что для выпускников ВПУ подобная картина куда характернее, чем для их «коллег» из командных училищ, назначенных на должности замполитов. «Наши» критичнее подходят к оценке своей деятельности, ибо профессиональнее подготовлены. И, честно признаться, нас не очень-то огорчают результаты исследований, так как выгодно подчеркивают способность выпускников к самоанализу. Это во-первых.

Во-вторых, сама должность замполита по ее характеристикам (низкий «потолок» для роста, не всегда добровольное отношение окружающих и т. д.) не может настраивать на мажорный лад. И если выпускники командных училищ рассматривают ее лишь как промежуточное звено, временное прибежище перед тем, как стать командиром роты (а это уже перспектива!), то ленинградцы изначально «запрограммированы» иначе. Из стен училища они вынесли убеждение, что замполит роты — старший лейтенант — это важная, но всего-навсего первая ступенька служебной лестницы. А впереди — новые высоты, крутые подъемы, только трудись в поте лица своего.

— Выходит, это вина училища, что лейтенанты «комплексуют»?

— Да, мы не учим ребят, что ротный политработник — предел их мечтаний. И если это наша «вина», то исправлять мы ее не собираемся. Подлинный корень зла — в системе прохождения службы политра-

ботниками, а вернее — в отсутствии стройной системы, в том, что их рост во многом зависит от воли случая, а не от личных качеств. К сожалению.

— А как вы расцениваете тот факт, что среди причин профессиональной неудовлетворенности ваши выпускники выделяют прежде всего изменение политической ситуации в стране и предвзятое отношение к ним, и лишь на последнем месте — бесперспективность и хроническая нехватка средств к существованию?

— Значит, классическая формула Мефистофеля, что «люди гибнут за металл», не срабатывает: деньги и бытовая неустроенность уступают радению о делах служебных. Это ли не свидетельство высокого уровня подготовки, преданности профессии?

А если совсем серьезно — после училища лейтенант попадает в своеобразные тиски: и со страниц газет ему льстят, что его труд никому не нужен, и даже в полусутольных кулуарных разговорах с сослуживцами намекают, будто бы его деятельность малого стоит. Так ведь потихоньку, исподволь можно и поверить в это. Вот вам и резонанс политической ситуации в стране. А предвзятое отношение к выпускникам ВПУ — увы, давняя, печальная традиция в войсках.

— По совести говоря, Валерий Иванович, меня несколько удивило, что ваши выпускники, ставшие объектом социологических исследований, в ряду самых необходимых качеств политработников отдали предпочтение ответственности, справедливости, организованности и авторитетности. В то время как политическая зрелость и культура, организаторские навыки и умения, в частности, умение работать с людьми, честность и смелость, по шкале значимости несколько поотстали. И уж самый низкий рейтинг у таких достоинств, как воинское мастерство, воспитательная направленность

деятельности, действенность принимаемых решений и творческий подход к делу!!

— Вы удивлены? Тогда вы удивитесь еще больше, когда я скажу, что отчасти разделяю их взгляды. Так и должно быть, наверно, у военно-политического работника: на первом месте — общечеловеческие качества, затем — иные, составляющие базу для их формирования и проявления. Больше того, если бы выпускники вознесли на вершину ценностных ориентиров узкоспецифические военные качества, я бы признал, что мы работаем из рук вон плохо и концепция не верна.

— Еще одна невеселая, но последняя цифра: примерно четверть опрошенных ваших выпускников на вопрос: «Если снова начать, повторили бы вы свой профессиональный выбор?» — мягко говоря, не дали утвердительного ответа. Какие выводы вы сделали для себя из этого факта!

— Вы нарочно из суммы данных, полученных лабораторией, выбрали весь негатив? Ну да ладно. Не стану говорить о том, с каким приемом сталкиваются в войсках молодые лейтенанты, — это предмет особого, неприятного для руководства многих управлений войск разговора. Скажу о другом, о нашей боли — о профессиональном отборе. Объективно нужно и важно придать ему форму конкурсных испытаний, но субъективно условий для этого нет: отбирать пока не из кого, дай-то бог дотянуть до заветного минимума. Выход один — неизмеримо, круто поднять статус специалиста, политработника до того уровня, который позволит пропускать людей через мелкую сетку жесточайших экзаменов и отбирать лучших из лучших, предрасположенных к воспитательной, педагогической работе. Тогда не будет в войсках людей случайных и разочаровавшихся.

Вел беседу
подполковник А. УШАР.

ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

БОЛЬШЕ ПРАВ СУДАМ ЧЕСТИ

Возможности воздействия судов чести прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы на нарушителей дисциплины ограничены. Да, они ходатайствуют перед командиром о строгом наказании виновных, но с тех как с гуся вода. Уверены: пока совершение проступка не отразится на денежном содержании, многие из тех, кто портит нам нервы, будут чувствовать себя вольготно.

А что если судам чести предоставить право ходатайствовать о материальном наказании прапорщиков и сверхсрочнослужащих за опоздания на службу, прогулы, недобросовестное выполнение должностных обязанностей, злоупотребление спиртным и другие проступки? В ряде иностранных армий существует система штрафов и, судя по материалам печати, действует безотказно. Нам она разве помешает?

Прапорщик Н. АКСЕНОВА,
ефрейтор Л. КУЧЕЛАЕВА.

ПАРАДОКСЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

ДАЖЕ ЛЮДИ комсомольского возраста еще, наверное, помнят: очередной съезд хватало года на три-четыре, прежде чем привычное «выполняя решения» вытеснялось чуть позабытым «идя навстречу». У внеочередных иной отсчет времени: чем чрезвычайнее форум, тем меньше от него толку. В этом смысле XXI съезд ВЛКСМ не исключение — на вопросы, поставленные перед комсомолом самой жизнью, он не ответил, но, поступившись принципами, умело сохранил видимость единства. По истине соломонино решение — развести непримиримых спорщиков в разные углы ринга, дать организациям Вооруженных Сил, внутренних и пограничных войск права субъектов федерации. Войсковой комсомол получил полную самостоятельность. Тогда, в апреле прошлого года, это окрыляло — ну, теперь развернемся! Сейчас оптимизма поубавилось: иллюзии развеял первый, учредительный съезд комсомольской организации внутренних войск.

Сначала приказала долго жить иллюзия единства наших рядов. Она царила на съезде в минуту мучительной, жуткой тишины: делегаты встали, чтобы почтить память комсомольцев, павших от пуль экстремистов в горячих точках и бандитских ножах. Но — только минуту. Возвышающее чувство причастности к единому коллективу улетучилось, едва в словесных баталиях обнажились характеры и позиции. Наиболее ярко их показала дискуссия о названии организации.

Например, старший лейтенант И. Дорохов, делегат от комсомольской организации войск по Украинской ССР и ССР Молдова, требовал убрать слова «ленинский» и «коммунистический» — иначе, дескать, многие организации не станут с нами сотрудничать, и наш союз молодежи окончательно растеряет авторитет в местах дислокации.

А зачем переименовывать? И об этом сказал И. Дорохов: чтобы в войсковую молодежную организацию скопом принять демократов — у них, мол, собралась самая активная часть молодежи.

Рыба, как известно, портится с головы. Трудно определить, что толкает комсомольского активиста в объятия антикоммунистов. Надежда на то, что активисты «Руха» или СФУМа оживят в подразделении работу с молодежью? Возможно. Но чем они могут заниматься? Крушить памятники да кричать «дядю!» В ином же, более со-

зидательном деле эта «активная часть молодежи» пока не замечена. Известно, с кем поведешься... Так стоит ли связываться?

Как мыльный пузырь, лопнула иллюзия, что кухарка научится управлять не то что государством — войсковым комсомолом. Симптоматично прозвучало выступление одного из курсантов военного училища: надо создать пакет конкретных предложений и пойти с ним к Президенту. По его мнению, этим должен заниматься не он, как делегат и активист, а кто-то еще по поручению съезда. Хотя кому, как не делегатам, ехать на форум с конкретикой, отражающей проблемы первичных организаций?

Крепко запомнился солдат в милицеской форме. Делегат заметно волновался, переживал происходящее и страстно подерживал все попытки оспорить «официальную линию» — проект Устава, предложенный Оргкомитетом. Во время голосования по одному из пунктов, подняв мандат «против», он оглядел зал в поисках единомышленников и в сердцах сказал соседу: «Смотри, как офицеры боятся калибровки звезд! Неужели трудно карточку поднять — все равно из президиума лиц не видно, не определят, кто против голосует!»

О чем, интересно, он думал в ту минуту? Об абстрактном гуманизме? Безбрежной демократии? Но, боюсь, не о судьбе комсомола войск, которую приехал решать от имени своих товарищей. Неужели он всерьез полагал, что главный мотив голосования — качество обзора из президиума?

И от свободного микрофона, и в перерывах не раз слышал: надо, мол, запретить в уставе войскового комсомола право активиста обращаться к командиру с комсомольским запросом и требовать на него письменный ответ. А кто запрещает? Помилуйте, не надо создавать проблему там, где ее нет и никогда не было. Обращайтесь! Обращайтесь, как это ежедневно делают сотни и тысячи военнослужащих, пытаясь решить личные вопросы. Мало командира — в журнал пишите!

Капитан Роман Злотников весьма ехидно интересовался, что за субъект федерации без своего печатного органа, если даже областные и городские молодежные организации издают газеты? Увы, при нынешней корреспондентской активности комсомольцев этот орган уже в третьем номере печатал бы одни детективы — в почте

редакции нашего журнала письмо комсомольца или о комсомоле — редкость ископаемая!

КРАЙНОСТИ, увы, смыкаются. Кто не в состоянии сформулировать чаяния избравших его комсомольцев, а делегация войск по Северо-Западу и Прибалтике привезла альтернативный проект Устава войскового комсомола. Ленинского и коммунистического. Прочитал, сопоставил тексты. Оба проекта — результат работы над одним и тем же источником. Достоинства своего варианта очень эмоционально отстаивала прапорщик Марина Григорьева. Рвалась в бой: требовала права на содоклад — защищать родное детище. Пока она шла к трибуне, ее сопровождал одобрительный ропот: «Щас Марина им врежет...»
И Марина врехала...

— Надо принять за основу наш проект, потому что над ним работала почти месяц комсомольская организация целого батальона! Ночами сидели! У нас каждый солдат обсуждал, мы ставили вопрос о создании рабочей группы...

Узнать, была ли рабочая группа создана или ограничилась постановкой вопроса, не удалось — исчерпав аргументы, Марина под аплодисменты всего зала... расплакалась. И немудрено — ей постоянно казалось, что Оргкомитет съезда покушается на права и свободы, дарованные XXI съездом ВЛКСМ.

Должен признать: отдельные пункты ленинградского проекта мне очень понравились. Авторы постарались определить роль и место комсомола в жизни не только войск, но и страны, сформулировали принципы взаимоотношений с ЦК ВЛКСМ.

Недостатки же проекта суть продолжение его достоинств. Вряд ли это реально: добиваться участия в управлении делами внутренних войск МВД СССР. Не знаю, зачем тащить в Устав обязанность комсомольца «строить свои отношения в Союзе на основе товарищества, уважения и взаимной помощи» — декларации тут вряд ли помогут.

Возмущает другое — когда речь шла о названии организации, делегация войск по Северо-Западу и Прибалтике настойчиво отстаивала слова «Ленинский Коммунистический Союз Молодежи». А в свой проект Устава заложила антиленинские принципы — придумала индивидуальное членство. Мол, комсомолец должен признавать Программные цели и Устав ВЛКСМ и уплачивать членские взносы, а работать в первичной организации не обязательно. Главный довод: в отдельно дислоцированном взводе контролеров иногда есть один или два члена ВЛКСМ. Группу не создашь, а ставить их на учет в ближайшей роте, за несколько десятков километров — формализм. Пусть лучше будут индивидуальными членами...

Год назад, рассказывая, как XXI съезд ВЛКСМ большинством голосов предпочел мартовскую формулировку членства ленинской, я уже цитировал классика: история действительно повторяется. Но кто мог подумать, что фарс начнется так скоро, да еще в рядах войскового комсомола! Авторы альтернативного проекта боролись за принятие антиленинских поправок, как накануне — за имя Ленина. Парадокс этот, увы, понять нетрудно: ленинградцы попытались учесть исключения, а в итоге поенебоегли правилами. А если Ленин думал и поступал иначе — тем хуже для него...

Нет, не заменит юрист кухарку, как не заменит аппарат выборного органа. Но и обратная замена, увы, невозможна. Съезд, конечно, дал новой организации новый Устав, но его еще поверять и поверять жизнью: насколько коммунистично это новое?

Не оправдались и надежды, что на учредительном съезде войсковой комсомол обретет свое, неповторимое лицо. Вместо поиска ориентиров, способных сплотить войсковую молодежь, началась весьма популярная в наше время дискуссия о том, как самим заработать деньги. У Остапа Бендера, если помните, было около четырехсот «сравнительно честных» способов добывания денег. У старшего лейтенанта Валерия Данилишина пока только шесть способов самофинансирования. Например, собирая металлолом, пять комсомольцев за три часа заработали восемьдесят рублей. Значительную сумму принесла идея загрузить обычно пустующие кузова автомобилей, совершающих учебный пятисоткилометровый марш. Спецназ добывает средства уроками восточных единоборств. Клубная кинопередвижка, пользуясь отсталостью инфраструктуры, крутит кино в сельской местности. Рота МТО восстанавливает мебель. А за охрану мероприятий коммунистической направленности в течение четырех часов четыре человека заработали 560 рублей!

Заманчиво? Еще бы! Только... Во всех этих случаях организатор — комсомол — уподобляется великому комбинатору. Ведь по закону выручка от перевозки попутных грузов принадлежит финчасти. Есть хозяин и у билетов кинопередвижки. Куда ни сунься — все взвешено, сосчитано, оценено. На долю комсомола может перепаст только упущенная выгода. А стоит ее не упустить — проявить инициативу, разворотливость, и сделать то, до чего у людей государственных, чиновных руки не доходят — владелец тут как тут. На каких основаниях комсомол будет присваивать результаты солдатского труда — непонятно. По словам Валерия, он делает это для торжества социализма. Однако что же тогда капитализм?

Тему продолжил капитан Роман Злотников. Его тоже не устраивает, что финансы комсомол получает как вечный проситель.

То ли дело социалистическая предприимчивость! Например, продажей только краповых беретов можно, как он считает, зарабатывать миллионы...

Не спорю, заплатят. Но с таким же успехом можно торговать партбилетами, за деньги отпускать осужденных из-под охраны или предоставлять незаконные свидания... Голова в краповом берете оценивается в пятьдесят тысяч, потому что стоит того. Берет достается владельцу не вместе с записью в военном билете о переводе в подразделение специального назначения, а после трудных и суровых испытаний на право его надеть. И в стране хоть что-то должно не продаваться! Иначе упадет в цене голова в краповом берете.

Впрочем, можно спросить мнение тех, кто носит такой берет по праву...

А ПОГОВОРИТЬ было о чем. Например, о небольшой копилке в холле центра «Олимпиец», где проходил съезд. За прозрачными стеклянными стенками рубли и трешки от скудного делегатского жалования. Это — семьям погибших военнослужащих. Слово на место гибели они пришли по собственной неосторожности, а не по воле государства, обязанного позаботиться теперь об их матерях, детях и вдовах. Еще «повезло» семьям тех, кто погиб после первого января 1991 года — они получают страховку, а кто остался без кормильца до вступления закона в силу, окажутся ни с чем?

Или о том, что только дурак или предатель может вслух говорить: комсомол отказался от монополии на молодежь. Это утверждение, кстати, не раз звучало и на съезде. Покажите мне монополиста, который добровольно отказался бы от монополии! Если найдете, это будет или дурак, или предатель, работающий в интересах другой монополии. А помогать становлению «конкурентов», делая вид, что ничего не происходит, когда от нас уходят люди, когда никто не заботится о притоке свежих сил, о росте рядов, — это растянутое на годы политическое самоубийство. Сегодня в пору драться за монополию на молодежь! Конституционными средствами, цивилизованным образом — драться, а не делать вид, что все происходит согласно нашим планам и замыслам.

Все конкуренты комсомола тянут к себе людей. Не удивлюсь, если окажется, что идейку «демонополизации» молодежи, ее «раскомсомоливания» подбросили нашим попугаям по заказу альтернативных монополистов.

Вот страху-то нагнал, скажет иной делегат съезда, перечитав эти заметки. Зачем же так драматизировать? Ведь антиленинские предложения не прошли, не набрав большинства голосов. Делегация войск по Средней Азии и Казахстану, хлопнувшая дверью, чтобы разбудить бездумно голосующих, после закулисных пе-

реговоров вернулась в зал, а Марине Григорьевой не удалось преобразовать батальонную организацию в субъект федерации, чтобы жить там по отвергнутому съездом альтернативному проекту Устава... Так чего, мол, волноваться?

Дело в том, что нас не раз подводила и еще долго будет подводить слепая вера во всемогущество принятых решений, в магические возможности продуманного, согласованного «наверху» и «утрясенного» документа. А это не более чем иллюзия, и вот ее-то нужно развеять как можно скорее. Кто мог и хотел работать, тот и дел принятия Устава войскового комсомола вел за собой людей. Кто же перегорел — никакой бумагой его не подожжешь.

А работы для тех, кто верен комсомолу, сейчас достаточно. «Смонолитить» организацию. Научить молодых воинов принципиально, с ленинских позиций давать оценку событиям. Для этого им нужны как минимум азы марксизма, на первых порах пусть это будет столь раскритикованный недавно «набор готовых формул», даже вырванных из контекста ленинских произведений. Ведь по-прежнему лишь та революция чего-нибудь стоит, которая умеет защищаться. И мы с вами будем слепой игрушкой в руках могущественных сил, пока не научимся видеть в каждом политическом конфликте интересы классов, а теория лишь тогда становится материальной силой, когда она овладевает массами... Убедившись на собственном опыте, что и сегодня общество, хочет оно того или нет, живет по законам, открытым классиками марксизма-ленинизма, человек потянется к первоисточнику и за ответами на многие другие вопросы. Преодолеть казенную скуку нашего самостоятельного политпросвета — и учиться, учиться, учиться... Это, пожалуй, единственный способ обрести собственный взгляд, твердую идейную позицию как основу самостоятельности.

У ВЫ, НАРЯДУ с самостоятельностью существует и самостийность. Огромна пропасть между этими понятиями, обозначенными русским и украинизированным вариантами одного слова. Страну шатает и рвет на части от приступов самостийности. Национализм, сепаратизм, желание любой ценой перетянуть одеяло на свою сторону, нелепая подозрительность и неуважение к тем, кто старше, а значит, как минимум опытнее — это ведь не самостоятельность!

Устоит ли войсковой комсомол как субъект федерации? Иными словами, впрям ли ему самостоятельность? Время покажет, да и не это главное. Научатся комсомольцы думать, трезво оценивать обстановку, бороться за свои идеалы — и комсомол будет жить

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО.
наш спецкор.

Наш адрес: 111250,
г. Москва, Е-250,
редакция журнала
«На боевом посту»

К барьеру, товарищ полковник?

Недавно, будучи помощником дежурного по части, позвонил в одну из рот, чтобы узнать: нет ли там дежурного. На мою беду, вместо дневального трубку взял полковник Кухарец. Что тут началось. «...Ты зачем сюда звонишь? На гауптвахту на десять суток пойдешь, идиот!» — неслось из аппарата.

На этом мои злоключения не закончились. Вскоре к «воспитательной» работе подключился офицер штаба части майор Вязовский. От него я получил обстоятельную себе характеристику, с предсказанием моего будущего. В частности, товарищ майор пообещал загнать всю дежурную службу вместе со мной в одно место под коротким названием и посоветовал напоследок зайти к какой-то матери. Решив уточнить «маршрут движения», поднялся к Вязовскому за разъяснениями. От комментария: он отказался, обозвав меня «непонимающим дитем». Вылетел взвинченный за дверь и в коридоре столкнулся с полковником Кухарцом. Он схватил меня за портупею: «Ты почему не остановил-взлеешь? Почему честь не отдаешь? Почему службу плохо несешь?.. В дурдом хочешь?..»

Вся эта ожерзительная сцена происходила на глазах подчиненного мне суточного наряда, в присутствии офицеров штаба и прибывших на сборы прапорщиков — начальников караулов!

Вы удивлены? А у нас подобное обращение с военнослужащими стало чуть ли не нормой. Самое страшное, что люди смирились с таким отношением к себе, болят слово против сказать. А ведь наша часть — одна из лучших в войсках. И вывели ее в передовые не только полковник Кухарец и майор Вязовский, но и те, кого они считают кандидатами в «дурдом».

Старший лейтенант А. ЖОЛНЕРОВИЧ,
командир взвода.

От редакции. Письмо старшего лейтенанта А. Жолнеровича со штампом «Особый контроль» было адресовано нами начальнику управления внутренних войск по Украинской ССР и ССР Молдова. И вот пришел ответ за подписью генерал-лейтенанта Н. Чупренко. В нем, в частности, сообщается, что в ходе служебного расследования факты, изложенные в жалобе, подтвердились. Поведение майора П. Вязовского рассмотрено на офицерском собрании части, где он публично попросил извинения у старшего лейтенанта А. Жолнеровича. За проявленную грубость к сослуживцу майору Вязовскому объявлено дисциплинарное взыскание. Полковник В. Кухарец также признал свои ошибки и принес извинения старшему лейтенанту Жолнеровичу.

Отрадно, что хамство (давайте называть вещи своими именами), попрание человеческого достоинства, чести офицерской не остались незамеченными (хотя и после вмешательства журнала). И все же, как тут не вспомнить ушедшие в безвозвратное прошлое времена блестящих гвардейских офицеров, кавалергардов. Когда за оскорбление подчиненного начальники не выговор получали, а вызов: «К барьеру!». Дуэли нынче, конечно, анахронизм, но это не значит, что требования к нормам общения в среде военных могут быть понижены до уровня хамских.

Строки из писем

Представьте такую картину: прибывает в часть выпускник училища, и ему вместе с оружием, противогазом вручают ключи от новенького «УАЗа». Если офицер увольняется в запас с выслугой менее 15 лет — сдает машину, отслужил 15 лет — автомобиль переходит в его собственность.

Абсурд? Кто знает. По крайней мере, кроме повышения мобильности, боеготовности частей и подразделений, будет снята с повестки дня проблема

424

массового бегства из войск постоянного кадрового состава, укрепится пошатнувшийся престиж ратного труда.

Вадим АВЕРЬЯНОВ,
офицер внутренних войск.

* * *

Старший сержант Л. Гасимова получила в банке денежное содержание для личного состава подразделения. По прибытии в часть она пересчитала деньги и обнаружила переплату — пять тысяч рублей. Людмила Магоomedовна немедленно доложила командиру и позвонила в банк. Лишние деньги были возвращены государству.

Старший прапорщик,
Т. СУЛЕЙМАНОВ.

Если бы не Васин

Старший лейтенант Евгений Васин возвращался домой со службы, когда услышал крик о помощи: в Бунарке — есть такая речушка на Урале — тонул ребенок. Не раздумывая ни секунды, офицер бросился в воду. Мальша — а им оказался четырехлетний Миша Садыков — он поймал за несколько метров до стальных перекрытий моста, куда стремительная река несла пацаненка. Если бы не Васин, игра в кораблики для оставшегося без присмотра мальчишки и его родителей окончилась бы трагедией.

В. АВЕРЬЯНОВ,
редактор «Новой городской газеты».

«Может, хватит унижаться?»

Больно сознавать, но это факт: офицерский корпус внутренних войск переживает далеко не лучшие времена. Стремительно ухудшается благосостояние и социальная защищенность людей при погонах. Все мы с надеждой встретили те перемены, которые начали было появляться в жизни военнослужащих. Но почему-то они своего продолжения и развития не получают и практически ограничились лишь мизерной надбавкой к зарплате. Острейшие же наши проблемы, особенно тех, кто непосредственно работает с личным составом, остались без должного внимания. Так, по-прежнему жива уравниловка. Служишь с максимальной отдачей или работаешь кое-как — существенной разницы в зарплате все равно нет. Проявляешь служебное рвение или тихо отбываешь номер — очередную звезду получишь в один и тот же срок.

Многие офицеры и прапорщики пытаются уволиться любым путем. И боль-

шинство из них с момента подачи рапорта перестают работать. Когда хотят, приходят, когда хотят, уходят, не выполняют элементарные свои обязанности.

Спрашивается, не пора ли сделать так, чтобы человек получал столько, сколько заработал? Не вышел, опоздал на службу или ушел с нее раньше — соответственно несешь убытки или лишаешься определенных льгот. Уверен, что эта мера многих заставит трудиться как надо.

Пагубно слипают на престиж службы происходящие в обществе негативные процессы. Оказывается, защита Отечества уже не священный долг для некоторых его граждан. Пополнение в части доставляется чуть ли не под конвоем. Не редкостью стали случаи дезертирства. И, как вы думаете, кто при всем этом страдает? Нарушивший присягу? Ошибаетесь. Офицер! Он крайний во всех смертных грехах истинных и приписываемых армии и войскам. Он вынужден заниматься розыском своих бежавших от службы подчиненных, ехать за ними, уговаривать, умолять вернуться в родную часть. Может, хватит унижаться? Не пора ли оклочить в работу закон?!

Да разве перечислишь все наши проблемы — их море. Чтобы знать и решать их, необходимо, на мой взгляд, сделать следующее.

Во-первых, собрать офицерское собрание войск или устроить встречу высшего командования с представителями всех звеньев (взвод, рота, батальон, полк и т. д.). В оплате труда военных задействовать механизм, позволяющий каждому получать зарплату по труду. Наконец, необходимо ускорить процесс профессионализации войск.

Подполковник Р. ДАМИРОВ,
командир батальона.

Моя мечта — «спецназ»

Мне еще год до призыва, и это время я посвящаю работе по приближению моей мечты — попасть служить во внутренние войска, а точнее — в «красовые береты».

Обидно, больно читать и слышать, как поливают грязью парней из «спецназа». Многие мои одноклассники не хотят служить. Не могу понять их и пытаюсь переубедить. Еще в детстве мне сказал отец: «Тот не мужчина, кто не служил в армии...»

А теперь о деле — посоветуйте, как попасть в «красовые береты». В других войсках себя просто не представляю!

КРИВОНОГОВ Иван.

Р. С. Если вы не верите, что я готовлюсь к службе, вот доказательства: из положения лежа на спине выжимаю 230 кг, на бицепс подымаю 65. Подтягиваюсь 19 раз, отжимаюсь — 50 раз.

От ворот поворот

...Переезд к новому месту службы произошел внезапно, как гром среди ясного неба. Приехали — дали нам общежитие, где нет воды, не работает отопление, забита канализация. В столовой кормят два раза в день, а иногда — ни разу. Деньги за командировку не платят — говорят, не положено. Написали рапорта на подъемные — получили отказ. Приезжали из Москвы генералы, обещали помочь. Но, видно, как уехали, так и забыли про нас.

Не выдержав такого издевательства, мы — семнадцать прапорщиков — подали рапорта — кто на пенсию, у кого есть хотя бы 20 лет выслуги, а кто и просто, чтобы покончить с унижением и иметь возможность кормить семью.

При увольнении нам никто из командиров даже спасибо не сказал. А ведь у многих имеются награды за безупречную службу. Вместо благодарности нас пытались еще и обмануть при выплате денежного довольствия. Когда же обратились к финансистам с просьбой разобраться, получили от ворот поворот.

Прапорщики Е. ДЕНИСОВ,
В. САЗАНОВ, А. СКВОРЦОВ,
Т. ШУБИН и другие.

Бережь династии

Одно время у нас было модно говорить о всякого рода династиях: хлеботорговцев и хлопкоробов, моряков и металлургов, врачей и учителей и т. д. А потом будто бы кто из власть имущих приказал: прекратить! — и пропали династии со страниц газет и из телепередач, из эфира. Вроде бы выродились они у нас.

Но они есть! Живут и продолжают, приносят обществу, нам с вами, большую пользу.

У нас в части тоже есть свои династии. Династия Дерябиных, например. Старший Дерябин — Виктор Акимович, бывший прапорщик. Сейчас он на заслуженном отдыхе. В свое время слыл одним из лучших специалистов в части. Свои знания и опыт передал ветеран сыновьям — Сергею и Владимиру. Они пошли по отцовским стопам, тоже служат прапорщиками. Служит прапорщиком и жена Сергея — Нина.

Есть у нас еще одна династия — Кулишей. Во главе ее — Иван Антонович. И он служил в нашей части прапорщиком. Судьбу отца разделил и его сын Владимир. Вернувшись домой после службы в погранвойсках, спросился к нам прапорщиком.

Претензий по службе у командования к нашим династиям нет. Сыновья, как и их отцы, служат на совесть. Да и вооб-

ще, мое мнение: когда служба Отечеству становится семейной традицией — это здорово! Появление династий надо только приветствовать. Внимательно следить, чтобы не обрывалась связь поколений.

Майор П. СТАРОДУБЦЕВ.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

Назовем бюрократов поименно

Дочери капитана В. Лаптева Ирине не исполнилось и годика, когда она серьезно заболела бронхиальной астмой. Врачи долго и упорно лечили ребенка, однако безуспешно. Не наступило улучшения и после переезда семьи в столицу Азербайджана. Тогда опытные медики порекомендовали семье сменить климат. Будь Лаптевы людьми гражданскими, у них, наверное, в реализации совета врачей было бы меньше хлопот. Но в нашем случае глава семейства — офицер и не волен распорядиться собой. После безуспешных визитов к начальникам мужа жена Владимира Ивановича, так и не дождавшись официального решения вопроса о переводе мужа по службе, забрала детей (у Лаптевых есть еще сынишка) и уехала в Россию. Благо, была возможность пристроиться временно у родителей.

«Что же мне оставалось, — поделился в своем письме в редакцию Лаптев, — выбирать: семья, здоровье дочери или служба? Короче, накопал в порыве отчаяния рапорт на увольнение. И опять в ответ — нет оснований... Вот ведь какие мы, военные, бесправные, оказывается: решение ВВК — не аргумент, семья разорвана на две неравные части — мелочи, дочь погибает — пустяки... Где же выход? Не вижу. И для войск я, получается, пустое место, и отпустить меня, чтобы был с семьей, не желают».

Этот «крик души» мы направили в управление внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью.

Не прошло и... пяти месяцев, как получили мы официальный ответ на свой запрос за подписью генерал-майора А. Куликова (никто, между прочим, не отменял сроков рассмотрения писем, установленных приказом министра внутренних дел СССР). Из него мы узнали: капитан Лаптев переведен — таки в Центральное УВВ. Очень хочется верить, что Владимиру Ивановичу помогут в беде, что его семья вновь будет вместе и что из выпавших на его долю невзгод и испытаний Лаптев выйдет с честью, сохранит приверженность к войскам.

И еще надеюсь: волокитчики, так долго, по-казенному решающие судьбу офицера, будут названы поименно. Войска должны знать своих «героев».

Старший
лейтенант
Виктор

ПУТИЛОВ:

ДВЕ ЦЕЛЕИ «КОБРОЙ»

В ПЕРВЫЕ о существовании австрийской спецкоманды мы узнали в 1988 году из отчета о международных соревнованиях по триатлону среди подразделений по борьбе с терроризмом. Австрийцы продемонстрировали высокий профессионализм, опередив уже известные по материалам печати подразделения «Дельта» (США), САС (Великобритания) и ГСГ-9 (ФРГ).

К тому времени МВД СССР начало налаживать широкие контакты с силами правопорядка западных стран. В июне 1990 года руководители ОМОН Мосгорисполкома, ОМСН при Московском угрозыске и подразделения специального назначения дивизии имени Ф. Дзержинского побывали в гостях у австрийских коллег. Через два месяца состоялся ответный визит. Для дальнейшего развития взаимовыгодных связей решили обменяться делегациями стажеров.

Подготовка к поездке в Австрию прошла без бюрократических проволочек, и 20 ноября наша небольшая «команда», включавшая представителей московских отрядов милиции, подразделений спецназа внутренних войск и переводчицу, переступила порог роскошного замка, где обитает «Кобра».

Глазам открылась совершенно мирная обстановка. Ни одного намека на военное присутствие. Нет привычной дежурной службы (пора привыкать к неожиданным), не чувствуется штабной суеты. Радужно встретивший нас командант «Кобры» полковник Иоганн Пехтер приглашает в гостиную для торжественных приемов. Здесь нам с гордостью показывают богатые спортивные трофеи, а также искусно изготовленный макет нового центра для размещения спецкоманды. Здания оригинальной конструкции. Вертолетная площадка. Автопарк. Спортивный комплекс. И все это, как и старый замок, находится в центре зеленого массива. Как видно, забота о

здоровье сотрудников службы безопасности поставлена тут на первое место.

— Никак не дождемся переезда, — сказал полковник Пехтер. — Особняк, который мы арендуем у богатой графини, плохо приспособлен для нужд спецподразделения. А по условиям аренды ничего переоборудовать и достраивать не имеем права. Приходится терпеть неудобства. Например, с хранением техники. Согласитесь, бывшая конюшня не самое лучшее место для современного автомобиля.

Мы соглашаемся. А про себя думаем: оказывается, и у них есть проблемы.

Наконец официальная часть визита подошла к концу. Уточняется программа стажировки. Она довольно насыщена: ежедневно — по 9 часов занятий. Кроме того запланированы посещения полицейского участка, знакомство с работой дорожного полиции и на «десерт» — экскурсия по Вене и облет столицы на самолете.

С ЛУЖБА в «Кобре», как и у всех новобранцев, началась с экипировки. За снаряжением далеко идти не пришлось: кладовая для хранения вещевого имущества находится здесь же, в одной из башенок особняка. Каждый из нас получает по две комплекта повседневного обмундирования, свитер, берет, утепленную куртку, ботинки (вообще предметов обмундирования у «коммандос» очень много, но мы берем самое необходимое). Непривычный для нас элемент военной одежды — свитер. С погонами, нарукавной эмблемой, выглядит очень элегантно. В холодное время его носят вместо кителя или куртки. Есть также свитер тонкой вязки, который надевают под рубашку как натальное белье. Резко отличаются от отечественных австрийские ботинки с высокими бердами: необычайно легкие, мягкие, на эластичной подошве. Надеваешь — и такое ощущение, что на ногах адидасовские кроссовки. Бронежилет. В принципе наш не хуже. Хотя одну кон-

структивную особенность не мешало бы позаимствовать.

Получив оружие и шлемы, стали настоящими членами спецкоманды. Во всяком случае, внешне.

Для хранения обмундирования и снаряжения нам выделили шкафчики в общежитии рядовых сотрудников, которое находится неподалеку от замка.

Должен сказать, после первых ярких впечатлений ожидал и здесь увидеть что-то необычное. Но, видимо, все мужские общежития как две капли воды похожи друг на друга. Бытовые условия «Кобры» — не исключение: в комнатах по 3—5 кроватей, есть даже двухъярусные, обычные тумбочки, на стенах традиционные плакаты музыкально-спортивного содержания, полочки с книгами. Единственная, пожалуй, достопримечательность — прекрасные стереосистемы и видеомагнитофоны, но — это особенность жилищ.

Сложив обновки, отправились в гостиницу, где для каждого из нас заказан отдельный номер, не уступающий «люксу». Оплата — за счет МВД Австрии, как, впрочем, и все остальные расходы.

Утром, в 8 часов, мы уже сидели в классе. Заместитель команданта майор Руперт Ферингер (на протяжении всей командировки он будет блестяще выполнять роль нашего гида) объявил тему первой, обзорной лекции, из которой мы узнали, что сегодня главными задачами, стоящими перед «Коброй», являются: борьба с терроризмом; обеспечение безопасности полетов воздушных судов Австрийской авиакомпании; сопровождение и охрана официальных лиц государства и правительственных делегаций; охрана собственных объектов.

Организация подразделения: штаб, состоящий из пяти рефератов (что-то напоминает наших отделений и служб), четыре боевые и одна учебная группы. Общая численность — 140 человек. Необычайно велик, по нашим меркам, штат управления: 40 офицеров и унтер-офицеров.

Как составная часть федеральной жандармерии спецкоманда комплектуется служащими этого департамента. Возраст добровольцев — 20—35 лет. Основные требования, предъявляемые к кандидатам: крепкое здоровье и отсутствие дисциплинарных взысканий.

Приемные испытания проводятся два раза в год (январь, июль) и включают медицинское обеспечение, психофизиологическое и специальное тестирование. В заключение мандатная комиссия выбирает из числа всех желающих 20 наиболее подготовленных. Счастливицы включают контракт на два с половиной года и в течение 6 месяцев проходят обучение по специальной программе. Режим учебы: 10 дней занятий с 8.00 до 18.00, затем 4 дня выходных. Разнообразие предметов свидетельствует о высокой шкале требований, которые предъявляются к «командос». Кроме специальных дисциплин (тактика, спецтехника, огневая, физическая, автомобильная

и десантная подготовка) курсанты изучают английский язык, психологию, паспортную службу, овладевают знаниями и навыками, необходимыми для оказания первой медицинской помощи.

Венчают курс обучения три прыжка с парашютом и испытания на конкурсной основе. В них участвует и личный состав боевых групп, который, кроме того, ежемесячно сдает зачеты по огневой и физподготовке. После строгих экзаменов 20 сотрудников, показавших низкие результаты, возвращаются в подразделения жандармерии, где проходили службу до поступления в спецкоманду. Срок пребывания в «Кобре» в расчет не берется. Отчисляются и курсанты, и ветераны. Жесткая система конкуренции, когда слабый уступает дорогу сильному, поддерживает высокое качество подготовки. Носить эмблему «Кобры» мечтают многие служащие жандармерии. Месячные оклады здесь составляют от 12 до 16 тысяч шиллингов, это в полтора-два раза выше, чем у промышленного рабочего.

Большие различия в уровнях оплаты «командос» объясняются тем, что денежные начисления помимо услуги зависят от характера выполняемых задач. Сопровождение официальных лиц, обеспечение безопасности полетов, к примеру, стоит дороже, чем служба в карауле. Естественно, каждый старается попасть в более высокооплачиваемый вид наряда. Командиры используют эту конкуренцию в воспитательных целях: самым дисциплинированным и подготовленным дают возможность больше заработать. При таком материальном стимулировании никто не жалуется на «тяготы и лишения». Режим работы боевых групп: 12 дней службы и учебы, 4—5 выходных.

В эти 12 дней, согласно графику каждая группа бывает в суточном боевом дежурстве, а также в карауле по охране собственного объекта, сопровождает и охраняет высокопоставленных лиц, сопровождает самолеты. В это же время проводятся занятия по предметам боевой подготовки.

Н ИКТО не заставляет жандарма из «Кобры» выкладываться до седьмого пота. Это получается как бы само собой благодаря хорошо продуманной системе боевой подготовки. Каждое занятие — модель реальной спецоперации. К примеру, на огневом рубеже резко тормозит «мерседес». Из машины выкатываются трое «командос» и, открыв огонь, начинают сближаться с объектом. Стрельба ведется поочередно. Палящий по цели прикрывает напарников, которые стремительными бросками сокращают расстояние до засевших в укрытии «террористов».

Стреляют «командос» из самых различных положений, в движении и с места, на весу, уцепившись одной рукой за трос, поражают цели, даже выныривая из воды в акваланге. «Это нарушение мер безопас-

ности!» — воскликнет наш военный бюрократ. Оно, конечно, легче и спокойнее (для руководителя стрельб) вести огонь с одного рубежа и только в одном направлении, заботясь при этом об экономии боеприпасов. Только ведь спецназовец в бою — не статист, и было бы лучше, если бы упражнения выполнялись, как у них, в условиях, максимально приближенных к реальным.

Кстати, надо отметить осторожное и бережное обращение австрийцев с оружием. И в то же время — какие великолепные навыки! Ни разу не слышал характерных для наших занятий команд: «К бою!», «Стой!», «Разряжай!», «Осмотреть оружие!». Тут все делают самостоятельно, без напоминаний и назойливого контроля. Профессионализм есть профессионализм!

На вооружении «Кобры» много специального оружия, но чаще всего используется 9-мм револьвер «Магнум» и 5,56-мм автомат с оптическим прицелом. Применение патрона с пластиковой пулей дает возможность свести к минимуму условности на занятиях по тактике.

Тактическая подготовка проводится на трех объектах — старом пороховом заводе, заброшенной бумажной фабрике и в бывшем общежитии семинарии — вполне современном пятиэтажном здании с сохранившейся мебелью.

Схватки с «террористами» в лабиринтах полуразрушенных производственных помещений и бывших «кеглях» получаются очень натуральными. Кстати, у нас много общего в том, что касается сближения с объектом, проникновения в здание, непосредственного его штурма. «Коммандос» виртуозно владеют фирменным альпинистским снаряжением (а у нас его нет). Впрочем, и без технического оснащения «профи» из «Кобры» мастера проникать в дома через окна. Выстраивая живые стенки, пирамиды, на манер цирковых гимнастов, они могут подняться на любой этаж.

Хорошенько потренировавшись, с помощью австрийских коллег мы неплохо освоили эти приемы, попробуем внедрить их в систему подготовки наших подразделений.

Вообще на занятиях мы не выглядели беспомощными дилетантами. Скажу больше, кое в чем даже могли дать фору великолепно подготовленным «коммандос».

Особенно заинтересовали их наши тактические приемы, включающие применение взрывных устройств, порядок действий по блокированию непросматриваемых зон в момент проникновения в здание, хитрости, которые обеспечивают преимущества при ведении огневой дуэли с преступником. Высоко оценили хозяева и наше искусство рукопашного боя. Помню, на первом же занятии по специальной подготовке инструктор, увидев, как мы работаем, поставил нас на свое место перед строем и предложил провести тренировку. С этим

заданием справились неплохо. Парни из «Кобры» остались довольны.

Не в обиду австрийцам будет сказано, рукопашный бой у них поставлен слабо. Наши военнослужащие срочной службы через 2—3 месяца после прибытия в подразделение находятся примерно на таком же уровне. По-видимому, сказывается разница в приоритетах учебных дисциплин. В спецкоманде отдают предпочтение огневой выучке: зачем, считают они, ломать кости, если законом строго определено применение оружия против террористов.

В целом же физическая подготовка у «коммандос» на высоте. Причем много внимания уделяют самостоятельным тренировкам. Оно и понятно, система зачетов и конкурсных проверок заставляет поддерживать отличную спортивную форму. Чуть расслабишься, и можешь оказаться за бортом.

Предметом нашей зависти была обеспеченность «Кобры» специальной техникой. Скажу так: у них есть все для проведения практически любой операции. Это «все» современно, удобно, компактно, укомплектовано в специальные ящики в специально оборудованных машинах.

Высокая культура взаимоотношений — одно из главных достоинств австрийских «профи». Решая служебные вопросы, полковник, не говоря уже об унтер-офицере, разговаривает с рядовым как равный с равным. Никаких повелительных ноток в голосе, начальственного апломба. Никто не требует подходить к офицерам строевым шагом, щелкать каблуками, становиться во «фрунт».

— Учитывая характер службы в спецподразделении, мы сознательно отказались от жесткой воинской требовательности, элементов муштры, — пояснил заместитель команданта по работе с кадрами полковник Ярош (он же по совместительству отвечает и за воспитание личного состава). — Проведенные в свое время психолого-социологические исследования подсказали: взаимоотношения должны строиться на доверии, уважении достоинства сотрудников, понимании каждым важности своей роли в общем деле.

Красноречивое подтверждение эффективности такой педагогики — здоровый психологический климат в подразделении. Никто не стремится раньше срока расторгнуть контракт из-за того, что его не устраивает коллектив.

Дни стажировки пролетели до обидного быстро. Прощаясь с нами, командант Пехтер подчеркнул:

— Вы — первая зарубежная делегация, с которой получился двусторонний контакт, полезный обмен опытом.

Да, поездка была плодотворной. Мы еще раз убедились, как важен государственный подход к решению проблем борьбы с терроризмом.

СОЛДАТ УДАРИЛСЯ В БЕГА, или О дефиците мужского воспитания

«Находится в розыске» — эти напряженно-тревожные слова мы привыкли относить к бежавшим из-под охраны осужденным, скрывающимся от справедливого возмездия преступникам. В последние год-два в розыске находятся сотни и сотни уклоняющихся от призыва на действительную военную службу, а также солдат Советской Армии. Во внутренних войсках таких беглецов более двухсот. Кто же они — дезертиры, идейные пацифисты, жертвы «дедовщины»!

Может быть, я не стал бы размышлять над этим вопросом с пером в руках, если бы не столкнулся с растущим день ото дня валом заступничества за этих беглецов. Одних немедленно взял под защиту «Саюдис», других под благовидным предлогом восстановления разрушенного Ленинского и Спитакского залучили в отряды боевиков армянские фидайны, третьих без всяких оговорок берут под крыло комитеты солдатских матерей, в душах которых помыслы чистые и милосердные.

Но послушать некоторых деятелей неформальных движений типа небезызвестного «Щита», так беглецы в военной форме — сплошь пострадавшие от «беззакония, чинимого в армии».

...Несколько суток искали мы рядового Олега Владимировича (фамилию солдата я изменил — жить ему еще и служить). Сидит сейчас передо мною и на невеселые мысли наводит. Передо мной сидит предатель, бесчестный человек. Это мой личный приговор, на который я имею право не как начальник, а как однополчанин солдата-беглеца. Рассказывать же о нем следует хотя бы потому, чтобы не попал он в разряд «униженных и оскорбленных» военнослужащих, которых многие готовы огульно взять под защиту.

Он служил в Москве, но был переведен в наш областной центр, как человек семейный, чтобы быть поближе к жене и дочери. Здесь же живут мать и сестра, другие родственники, друзья-товарищи. Казалось бы, чего еще желать — служи-не тужи. Бывай дома, встречайся с близкими людьми в части. И командиры, и товарищи всегда сочувствуют семейным, идут навстречу не в смысле поглажек, но создавая «режим наибольшего благоприятствования». Однако и такой «щадящий режим» не устроил Олега. Он ударился в бег.

Признаюсь, я узнал всю подноготную этого солдата лишь после его побега. Первое знакомство не вызвало никаких опасений или сомнений: взрослый человек, семейный, педагог по образованию, работал учителем физкультуры. Каюсь, немалый мой опыт на этот раз подвел, не успел я проникнуть в суть человеческой души. А здесь-то и надо было искать корень зла.

И себе, и другим могу посоветовать — смотреть на проблемы армии надо через призму людских судеб, из которых соткан армейский организм. И что очень важно, нужно отбросить при этом всякое злопыхательство, эмоции разрушительного свойства.

Как ни парадоксально звучит, но педагог Владимирович сам оказался педагогически запущенным человеком. С малых лет он воспитывался матерью, отцовской поддержки, мужской доброты испытать ему, увы, не пришлось. Отец ушел из семьи, когда сын был еще совсем маленьким. Отчим же являл далеко не лучший пример — пил горькую, а потом и вовсе попал в места не столь отдаленные.

Педагогический арсенал матери, как в тысячах подобных семей: лучший кусок — сыну, любила которого безоглядно. Когда после восьмого класса поступил на факультет физического воспитания педучилища, нарадоваться не могла: еще бы — учителем будет, крепким парнем, к службе отлично подготовится. На здоровье Олег, действительно, не жалуется — кандидат в мастера спорта по лыжам, второй разряд по легкой атлетике. За плечами уже и педагогическая практика.

Сейчас вот, когда рядового Владимировича приводят для бесед с гауптвахты под конвоем, я задумываюсь — чему и как учил он мальчишек и девчонок в школе? Прыгать через «коня» и играть в волейбол? И только? Сам испытывавший на себе дефицит мужского воспитания, он не мог в силу своих душевных задатков по-мужски воспитывать мальчишек.

Именно бездуховность и безответ-

427

венность бросаются в глаза при знакомстве с Владимировым. Полное отсутствие твердых установок на жизнь, внешняя вялость, чрезмерные ранимость, беззащитность и обидчивость. Возможно, это как раз от того, что дома, в школе, в училище у него не было настоящих мужчин-воспитателей, не было нравственного примера, который вел бы юношу через все жизненные невзгоды.

А тут — демократия, гласность, разгул пацифизма... Освобождают от воинской службы студентов под сомнительным предлогом «утечки мозгов». Витают модные идеи альтернативной службы. Не зазорным стало «косить», чтобы уклониться от призыва. Словом, служить Владимирову вовсе не хотелось.

Но, раз уж призвали, надо устроиться повыгоднее. Тут и вспомнил он о том, что женат, что есть двухлетняя дочь. А ведь за год службы он не написал им ни письма-ца. Приехал в родной город, но опять — в семью ни ногой. Зато, ловко обманывая командиров, ходил в увольнение к другой женщине. Дальше — больше: веселые компании, видики и опять дурманящие, как наркотики, разговоры — «не надоело ружье таскать?»

Эх, была не была, гуляй, братва! — сдался однажды Олег. Просветление наступило через несколько дней. Вопрос: «Что теперь будет?» — жег. Его-то и задал в первую очередь беглец, когда решился позвонить в часть. «Возвращайся, чем скорее — тем лучше для тебя!» — ответили там и дали отбой всем розыскным мероприятиям. Вся часть день и ночь была на ногах, были задействованы служба розыска войск, сотрудники милиции.

За самовольное оставление части следуют привлекать к уголовной ответственности по статье 246, пункт «б». На что рассчитывал Владимиров — на снисхождение, на то, что «всех не пересякают»? Как бы то ни было — вернулся блудный сын...

Я больше чем уверен в том, что, проклиная в душе армейские порядки, т. е. жесткий распорядок дня, без малейших послаблений боевую службу, строгость командиров и начальников, наш «герой» и подумать не мог, что в среде военной, как нигде, сильно милосердие, как нигде, в цене добротность и отзывчивость. Это ведь на поверхностный, мимолетный только взгляд, все в подразделении и части — как шестерни заведенной машины. Люди-то здесь и остаются людьми, остаются живыми именно благодаря этой притертости, названию которой — войсковое товарищество, когда попадают в бой или другой непростой переплет. Не успел, не захотел, не сумел полюбить товарищей своих рядовой Владимиров. Они же поступили благородно: не ответили ему неприязнью, зато по-сыновнему прислушались к слезному обращению матери,

которая просила-умоляла не судить преступившего закон сына, дать ему возможность загладить вину, честно дослужив положенное.

Командир части принял постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, полагаясь на то, что солдатская общественность имеет более весомый эффект воспитания, чем исправительное учреждение. Хотя формально — преступление налицо. Судить — и вся недолга, поговаривал кое-кто, чтоб другим неповадно было. Закон есть закон — это верно. Только нельзя забывать: к каждой человеческой судьбе нужно подходить взвешенно, конкретно, учитывать все нюансы нашего непростого сегодняшнего бытия. «Армия, куда собираются самые здоровые силы народа, по суворовским заветам, должна быть школой нации. Наполеон в свое время признавал, что победа в войне только на четверть зависит от материальных факторов. Три четверти приходятся на боевой дух. Армия не изолирована от общества. Она неразрывна с народом. Недуги общества отражаются на ней непосредственно. Офицеры несут бремя воспитания. Нет ни одного командира, который не был бы учителем, только педагогика эта труднейшая, ибо офицер действует по принципу «делай, как я».

Когда мы произносим «военно-патриотическое воспитание», то вкладываем в эти слова, ставшие привычными с детства, любовь к родной армии и обществу. Ибо их противопоставление в любых странах считалось делом подстрекательским и преступным, а тем более это неприемлемо в стране с народной армией. Пропаганда войны у нас карается законом, это знает каждый. Когда отрицание войны подмечается отрицанием необходимости и важности службы в армии, когда борьбу за мир предлагается вести через «антивоенное патриотическое воспитание» — это звучит по меньшей мере двусмысленно.

И выплеснуть грязь на армию легче, чем помочь ей делом, хорошим воспитанием сыновей в семьях, школах, ПТУ, на производстве. Вот главная проблема, с которой мы сталкиваемся нередко, именно эту проблему и высветил своим поведением рядовой Владимиров. Решим ее всем миром — прекратятся подобные побегии в никуда.

В те дни, когда рядовой Владимиров отсиживал свое на гауптвахте, его товарищи занимались трудной и опасной мужской службой — ловили бежавших из-под охраны преступников. Арестованный же солдат-беглец читал в камере книжку о буднях солдат внутренних войск в горячих точках. Ему было зябко.

Его боевые товарищи вели розыск в тридцатиградусный мороз.

Подполковник А. ЧЕРКАСОВ

Подполковник Евгений АРТЮХОВ

ПОВЕРКА

* * *
Как вчера —
Гармонь рыдала,
Расставаньице верша,
И со стягом трепетала
Присягавшая душа.
Но когда,
Скажи на милость,
Незаметно взяв разгон,
Жизнь армейская вкатилась
На двухрельсовый погон?
И уже, отмерив мерку
И тревоги, и огня,
На последнюю поверку
Скоро вызовет меня.

ИЮЛЬ-86

Там, за Иванковом,
ближе к Чернобылю,
Где на обочины съезд запрещен,
Грузные «Татры» катили
к некрополю
Дурости нашей последних времен.
Разве мужик здесь полесский
да киевский
Вздумал себе возвести саркофаг,
Тысячелетнюю тьмою египетской
В хате завесив семейный очаг?!

Лето, июль и безлюдье тревожное,
Рыжего леса кривой сухостой.
Думы тяжелые, злые, дорожные
Могут зашкалить дозиметр любой.

Не пригодятся житейские навыки,
А потому — хоть с собой не юли,
Видя огромные красные яблоки,
Бросовым сором в дорожной пыли.

А по верхам, где древесные вымахи
Свадебным цветом скрывали *жилье,*
Разве не видишь кривули да *вывихи —*
К веткам привитое время свое?
И упрекать никого я не пробую.
Знать бы — что дальше,
Какой перегон
Всех ожидает нас там,
за Чернобылем,
Коль на обочину съезд запрещен.

* * *

С тяжелым сердцем я вступал
На поле русской славы.
Я думу думал о тебе,
Далекий сверстник мой,
Который голову сложил
Во здравие державы,
И не оставил по себе
Отметины иной.

Но соком приснула трава
Под рухнувшее тело,
И в трубки сломанных стеблей
Нагрянули ветра.
Я слышал, как гудят они,
Что боль не отболела
И с поминаньем медовым
Склоняют клевера.

И я подумал: если вдруг
В меня удерит время,
Я так же на поле паду,
Кровавая целину,
И одуванчики вспугну,
И полетит их семья.
А значит — жизнь очнется вновь
В грядущую весну.

428

КАРАБАХ

Люди, люди,
 что встало меж нами?
 Как попали мы в лапы бузы?
 Ведь налитыми кровью глазами
 Не увидеть соседской слезы.
 Не почуют озлобленным сердцем
 Намеренья вождей племенных
 Нас делить на своих

и пришельцев,
 А затем —

на врагов и своих.
 Вот и мечемся в толпах незрячих,
 Забывая проклятьями слух,
 И не слышим сиротского плача,
 Стона вдов,

причитанья старух.
 Только шатко стоять на обломках
 И народы сгонять, как стада.
 Край родной не положишь

в котомку,
 Чтоб нести неизвестно куда.
 Мира нет и не будет в помине,
 Если пашня идет под погост,
 И шумит на соседской руине
 Лишь бурьян

в человеческий рост.

* * *

Не судачь о возрожденье духа,
 О дороге к Храму день деньской, —
 Обрати вниманье на старуху —
 Нищенку

с котомкой и клюкой.

Загляни в глаза ее печальные,
 Не гадая —

мы или не мы
 Родину свою многострадальную
 Довели сегодня до сумы.

Лучше помоги подняться на ноги,
 Прах стряхнуть

с изношенных одежд.

Разве не Руси светили радуги
 Общечеловеческих надежд?

Разве не к ее стопам расстелена
 На шестую часть

земная твердь,
 Кладовых запасы —

не измерены,
 Ширь морей и рек —

не оглядеть?
 Ей ли горб ломать за подаянием,
 Чтоб потом беспутные сынки
 Выхватить смогли на пропитание
 Из ее протянутой руки?!

КУКУШКА

За рекой кукушка куковала —
 Мерный счет грядущему вела.
 Я считал, —

Сперва казалось — мало,
 А потом казалось — приврала,

Увлеклась она, перестаралась,
 Потому что знаю —

на веку
 Сколько разных судеб поломалось
 За ее короткое «ку-ку».

Потому что в жизни бессердечной,
 Где рожденьем попрекают мать,
 По необходимости извечной
 Нас еще учили воевать.

Начинай заздравною строкою,
 Все равно кончать за упокой.
 Дед поранен первой мировой,
 А отец — второю мировой.

Слава богу, праху поклониться
 К ним мне не заказаны пути.

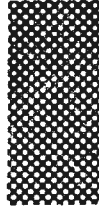
А другим? —
 Да ведаешь ли, птица, —
 Попросту и некуда прийти.
 Верь-не верь,

но, видно, в самом деле
 На земле не сыщешь уголка,
 Где бы наши кости не белели,
 Не текла кровавая река.

Так что ты, крылатая вещунья,
 Не сули мне старость с кондачка.
 Посреди всеобщего безумья
 Счастливы, дотянув до сорока.

ПРЕДУДУЩИЕ

ЧЕМ ОПАСНЫ ПУСТЫЕ

ПОЛКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В О ВНЕШНЕЙ политике мы наломали дров еще больше, чем во внутренней. И самое опасное: тут уже многое просто невозможно поправить. Продовольствие и промтовары на опустевших полках рано или поздно появятся — здесь все зависит от наших собственных усилий. В конце концов, протрезвев от кабинетно-рыночных иллюзий и забастовочно-митинговых безумств, страна наведет у себя порядок и приступит к настоящей, черновой работе, которая и решит назревшие проблемы. Вернуть же ушедших от нас союзников и утраченные стратегические позиции в обозримой перспективе нереально: потенциальные противники, в первую очередь США и другие державы НАТО, приобретенного уже не вернут. И тут ничего не поделаешь: миром по-прежнему правит соотношение сил, а не возвышенные декларации «об общечеловеческих ценностях», которыми мы отчасти по недомыслию, отчасти по наивности и, главное, по амбициозной некомпетентности перестроечных лидеров дали себя обмануть. Нельзя относиться к окружающей суровой и все еще весьма неприглядной реальности как к прекраснодушной фантазии. Наказание будет ужасным. Впрочем, оно уже наступает.

Признаться, когда в моем журналистском блокноте появились эти слова бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, одного из наиболее видных деятелей так называемых «консервативных сил», беседу с которым заказала редакция, я даже не попытался вставить их в материал — слишком резкой и явно несправедливой показалась оценка внешнеполитических достижений перестройки, которая, что бы ни говорили ее критики, привела к заметному смягчению международной напряженности, заключению целого ряда важных соглашений.

В последнее время, однако, чувство внутреннего протеста ослабло, а затем и вообще сошло на нет. Увы, «консерваторы» при всех их недостатках, обладают одним бесспорным достоинством: они куда прочней и тверже стоят на почве реализма, устоявшихся в обществе норм и традиций, послепешая ломка которых всегда и везде оборачивалась результатом, прямо противоположным желаемому...

А, впрочем, у нас сейчас все поставлено с ног на голову. Коммунисты, люди, стоящие на позициях социалистического выбора, всегда и везде считались «прогрессивными», «левыми», их противники, выступающие за свободу частного предпринимательства и «твердый» международный порядок, определяемый империалистическими стратегами, «правыми» и «консерваторами». С этой, пожалуй, наиболее объективной точки зрения, превозносимые до небес внешнеполитические перемены отнюдь не «прогрессивны» и «народны», а, напро-

тив, реакционны и антинародны, поскольку направлены против интересов широких трудящихся масс, социалистического государства, призванного их обеспечить. Ведь международная политика всегда продолжала и продолжает внутреннюю, только в других методах и формах — это краеугольное положение ленинизма и по сей день остается остроактуальным. Подобно тому, как под ворохом официальных программ и концепций «социалистического обновления» у нас произошло гигантское усиление и разрастание новобуржуазного, по сути своей, эксплуататорского класса дельцов-махинаторов, теневиков и связанных с ними бюрократически-элитарных групп, на мировой арене «перестроечная» линия резко укрепила позиции монополистической буржуазии Запада и Востока, способствовала возврату к капитализму, казалось бы, прочно ставших на путь социалистического развития государств и, наконец, нанесла сильнейший удар по безопасности нашей страны, подъему которой на современный уровень было отдано столько сил и средств... «Консерватор» из бывшего Политбюро оказался здесь прав на 100 процентов, что начинают признавать в ходе начавшегося протрезвления от перестроечной эйфории даже некоторые «демократические» лидеры. И не удивительно: слишком горьким и разочарывающим оказывается это протрезвление. Но — к делу.

ВЧЕРА СОЮЗНИКИ, СЕГОДНЯ ВРАГИ

ЧИТАТЕЛЬ, не сомневаюсь, поймет из заголовка, о чем пойдет речь. Да, я имею в виду бывшие социалистические страны Восточной Европы, в которых сейчас полным ходом идет реставрация капиталистических порядков. Но вместе с внутренней меняется, и причем самым радикальным образом, их внешняя политика. И хорошо еще, если бы эти страны приобрели нейтральный, по типу Финляндии, Австрии или Швейцарии, международный статус. Увы, выйдя из Варшавского Договора, развалившегося буквально на глазах, наши бывшие союзники открыто потянулись под опеку НАТО. Интенсивные контакты с этим военно-политическим блоком налаживают нынешние польские, чехословацкие, венгерские и даже болгарские руководители, охотно санкционирующие подготовку своего офицерского корпуса в США, Великобритании и других западных государствах, которая, кстати, уже и началась. Армия же бывшей ГДР просто влилась в НАТО вместе, между прочим, с советским оружием, последствия чего для соотношения сил на Европейском континенте трудно переоценить.

Нас уверяют, правда, что в Европе, как и во всем мире, произошло «радикальные

перемены», исключают же «развязывание самоубийственного для всех военного конфликта». Насчет «радикальности», однако, не будем спешить. Пока изменилась форма, а не суть, декларативно-пропагандистское прикрытие политического курса, а отнюдь не его объективное содержание.

В самом деле. Казалось бы, развал Варшавского Договора, крупномасштабные сокращения Советским Союзом своего военного потенциала должны были поставить вопрос о роспуске НАТО — существование «советской угрозы» подвергают сомнению теперь даже самые закоренелые консерваторы. В действительности же западные лидеры и не помышляют об этом, напротив, открыто и во всеулышание говорят об усилении и укреплении Североатлантического блока. Не случайно ни от одной из своих агрессивно-наступательных доктрин 70-х и 80-х годов НАТО до сих пор так и не отказалось. Верить же миролюбивым декларациям и обещаниям по крайней мере наивно — их, как известно, весьма щедро расточали да и расточают зачинщики войн и агрессивных нападений как в далеком прошлом, так и в недавнем настоящем...

Да, в последнее время США стали на путь некоторого сокращения своих войск и вооружений, бремя которых в условиях нарастающего экономического спада становится просто невыносимым. Но, во-первых, эти сокращения ни в коей мере не сопоставимы с нашими. К концу прошлого года, например, Соединенные Штаты демонтировали только одну базу за рубежом — Неа-Макри в Греции, оставив сотни других, опоясывающих нашу страну, в целости и сохранности. И, во-вторых, и это главное, количественное ограничение военных приготовлений идет в основном за счет отказа от устаревших и малоэффективных систем оружия. По качественной же линии гонка вооружений даже усиливается, смещаясь в сторону создания все более наукоемких, высокотехнологичных средств уничтожения людей, где превосходство Запада уже в скором времени может стать подавляющим. Война в Персидском заливе, где новые системы оружия были испытаны в широких масштабах и на живых целях, показала, что ставка на качественный отрыв вполне себя оправдывает.

Спрашивается, против кого это все направлено? Ирака? Китая? Лишь в небольшой степени. Главный противник у натовских стратегов остается прежним — Советский Союз. Что бы ни говорили американские и другие западные руководители, они прямо заинтересованы в том, чтобы Советский Союз превратился во второстепенное, отсталое, слабо развитое государство, лучше даже конгломерат перессорившихся между собой мелких стран. Тогда можно будет практически неограниченно хозяйничать в «третьем мире», взять под свой контроль бывших союзников бывшей «империи зла», да и уникальные природные и людские ресурсы Советского Союза об-

ратить на свои цели. А это десятки, сотни миллиардов долларов дополнительной прибыли.

Похоже, новые восточноевропейские лидеры согласны на такой контроль. Набирающая силу в их странах мелкая, средняя, а кое-где уже и крупная буржуазия вместе с обслуживающими ее интересы политическими и «интеллектуальными» кругами давно поспматривала на Запад, сознательно культивируя и нагнетая в своих странах антисоветские настроения, превзошедшие сейчас по своему размаху и интенсивности все, что происходило и происходит в развитых капиталистических странах. Намечаются контуры новой политической, а в перспективе и военной коалиции против Советского Союза по типу существовавшей в 30-х годах «малой Антанты». Иначе говоря, возрождение того «санитарного кордона» восточноевропейских стран, который усилиями западных держав был сложен против молодой Советской России и который, казалось, навсегда канул в Лету в результате нашей победы во второй мировой войне... Расчистка почвы для такого «санитарного кордона» уже ведется.

В руководящих кругах НАТО в данной связи широко обсуждается идея создания на территории восточноевропейских стран своеобразной «стратегической буферной зоны Запада против Советского Союза», зоны, участники которой будут оснащены как советским, так и американским оружием. Впрочем, Польша, Чехословакия и Венгрия уже создали некое подобие политической группировки, которая, по утверждению корреспондента «Лос Анджелес Таймс», «с растущей откровенностью обращается к Западу с просьбой взять их под зонтик своей системы безопасности». Как создание этого «зонтика» отразится на нашей безопасности, нетрудно предугадать...

Мало того, что вследствие вывода советских войск из бывшей ГДР, а также Чехословакии, Венгрии и Польши границы прямого соприкосновения Советского Союза с потенциальным противником передвинулись на сотни километров на восток — от Эльбы до Буга. Мало того, что утрачены стратегические преимущества, потеряна система управления вооруженными силами, складывавшаяся многими десятилетиями и требовавшая огромных затрат. Теперь уже вместо бывших союзников на наших западных границах мы имеем не скрывающий своей враждебности Советскому Союзу целый конгломерат государств, ряд которых вот-вот начнет предъявлять не только экономические, как сейчас, но и территориальные претензии! Да тут впору, и причем в срочном порядке, принимать дополнительные меры для защиты западных границ со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными издержками, которые и в нормальные-то времена весьма чувствительно от-

разились бы на жизненном уровне народа. О нынешних же, острокризисных, и говорить не приходится...

ЛАВИНА, КОТОРОЙ ПОМОГАЛИ МЫ САМИ...

А, УЩЕРБ нашей безопасности нанесен немалый. Но тут ничего нельзя было сделать. События нарастали как снежный ком, и остановить их было просто невозможно, как, например, невозможно помешать возникновению наводнения или тайфуна». Так или примерно так рассуждают сторонники «нового мышления», когда очевидные факты, как говорится, припирают их к стене. Но в таком объяснении много лицемерия и фальши. В том-то и дело, что наше государственно-политическое руководство способствовало нарастанию этого «кома» как могло. В надежде получить вместо «жестких консерваторов» Хонеккера, Гусака и Живкова «либеральных прогрессистов» типа Шеварднадзе или Яковлева. Получили же ярких антикоммунистов и антисоветчиков, а в бывшей ГДР и вообще лидера консервативной партии, возглавляющего правительство второго по мощи и влиянию члена НАТО! В истории, пожалуй, это уникальный прецедент, когда руководители государства не только косвенно поощряли враждебные ему политические силы за рубежом, но и прямо способствовали приходу их к власти в бывших союзных странах. Разумеется, при этом преследовались свои цели, но это дела не меняет. В политике чаще, чем где бы то ни было, золотое правило «не умеешь, не берись» находит свое трагическое подтверждение...

Как все это происходило в ГДР, показано в фильме «Документы извне», прошедшему по шведскому телевидению. Фильм составлен из интервью с бывшими членами высшего политического руководства Восточной Германии — Г. Шабовским, Э. Кренцем, Г. Модровым, а также с другими весьма компетентными лицами, в том числе из разведслужб, так что сомневаться в достоверности приведенной информации вряд ли приходится.

«С тех пор, как Горбачев пришел к власти в Советском Союзе, — говорится в фильме, — отношения между руководителями СССР и ГДР потеряли стабильность. Хонеккер был уверен, что программа реформ Горбачева ускорит развал всего коммунистического блока... В празднованиях 40-й годовщины образования ГДР участвовали все коммунистические лидеры и, конечно же, сам Горбачев. Это был «последний вальс коммунизма»: Хонеккер не подозревал, что в СССР уже в течение двух лет планируют его отстранение от власти... Советское посольство стало цент-

ром политических интриг против Хонеккера. Значительное число сотрудников внешнеполитического ведомства Советского Союза прибыло в Берлин, где они вели текущий анализ возможных вариантов развития событий». Как конкретно все это происходило, свидетельствуют выдержки из выступлений видных деятелей бывшей ГДР.

Г. ШАБОВСКИЙ (бывший член Политбюро ЦК СЕПГ, главный редактор газеты «Нойес Дойчланд»): «Секретная служба принимала активное участие в поисках подходящего кандидата и в изучении всей проблемы. Горбачев был заинтересован в том, чтобы иметь подходящего человека для проведения своей политики... Ситуация становилась все более опасной. Было абсолютно ясно, что необходимо ускорить уход Хонеккера в отставку. В тот же день я позвонил в Советское посольство и попросил посла провести беседу со Штофом и подействовать на него, чтобы он не вздумал пойти на комбинацию — лишить Хонеккера поста Генерального секретаря, но оставить главой государства». Посол, как отмечается в шведском фильме, сделал в точности все, что ожидалось. И 17 октября 1989 года Хонеккер ушел в отставку... На его место был поставлен Э. Кренц в качестве переходной фигуры для «немецкого Горбачева» — Г. Модрова.

Г. МОДРОВ (бывший Председатель Совета Министров ГДР): «Несколько раз мне приходилось тайно посещать Посольство СССР. За городом я садился в «Ладу», и меня везли в посольство с тем, чтобы нельзя было зафиксировать известные номера моей машины».

МАРКУС ВОЛЬФ (один из бывших руководителей госбезопасности ГДР): «Мы встречались с Крючковым после моего выхода на пенсию в 1986 году и после его назначения на пост Председателя КГБ. Обсуждение этих проблем имело решающее значение. У Советского Союза была вся необходимая информация. Нельзя было допустить создание второй Албании в центре Европы, которая имела бы стены не только на Запад, но и на Восток, и на Юг».

Вот так и раскручивалась эта «интрига», целью которой была смена «консерватора» на перестроечного «либерала», а результатом стала «добровольная» ликвидация социалистического строя в ГДР, поглощение нашего бывшего и самого сильного союзника потенциальным противником и одним из столпов Североатлантического блока...

К этому следует добавить, что в бывшей ГДР, так же, как и в других восточноевропейских странах, мы фактически бросили на произвол судьбы десятки тысяч партийных и государственных работников, офицеров армии и службы безопасности, которые подвергнутся там сейчас всевозможным преследованиям и гонениям главным образом за «просоветские симпатии». Увы, вопрос о том, чтобы законодательно защитить этих людей, дать им определен-

ные экономические и социальные гарантии, в наших договорах и соглашениях с бывшими союзниками даже не ставился. Уместно вспомнить в этой связи, когда американцы уходили из Вьетнама, они захватили с собой всех бывших чиновников и офицеров марionетного режима, обеспечили их жильем, работой, предоставили необходимые кредиты на обустройство. Не из любви и благодарности, конечно, а по холодному расчету: в будущем и в других странах те, кто сделают ставку на США, твердо знают, что в любом случае получат там поддержку и укрытие... А найдутся ли теперь такие союзники у нас? Или прежде вспомнят судьбу тех генералов восточногерманской армии, которые, получив от новых властей мизерное пособие на существование по увольнению со службы, покончили жизнь самоубийством, оставив предсмертные записки с проклятиями в адрес Советского Союза?

Что ж, прав, совершенно прав мой «консервативный» собеседник: за прекраснодушные иллюзии «нового мышления», сладкий дурман зарубежных похвал в «цивилизованных» столицах мира, за Нобелевскую и иные «гуманитарные» премии приходится расплачиваться тяжелейшей ценой — утратой того, за что наш народ пожертвовал миллионами жизней, страшными испытаниями и страданиями, не сравнимыми в истории, пожалуй, ни с чем.

КАЯТЬСЯ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ДУМАТЬ

ТОЛКУЮТ о «подавлении воли народов» в 1956 году в Венгрии и в 1968-м в Чехословакии. Но в Венгрии произошел антигосударственный вооруженный мятеж, одной из целей его, кстати, открыто объявленной, был переход на сторону НАТО, члены которого оказали восставшим разнообразную поддержку и помощь, включая поставки оружия. Вряд ли можно сомневаться в том, что, если бы такой мятеж вспыхнул, скажем, во Франции или Бельгии, реакция на него ограничилась осуждающими заявлениями с высоких трибун. Это у нас с известных времен стали ориентироваться на то, что подумают и скажут в Вашингтоне или Париже. Запад, защищая свои интересы, меньше всего считает с тем, как отнесутся к его действиям в Москве или Пекине, или с какими протестами выступят крикливые борцы с «любими видами насилия», чьи вопли у нас почему-то привыкли воспринимать как глас «мирового общественного мнения»...

Что же касается Чехословакии, то решение о вводе войск туда, как известно, было принято на коллективной основе, причем наибольшую активность здесь, как по-

казывают архивные документы и материалы, проявляли как раз не советские руководители...

Но даже если и признать ошибочность наших действий, оправданы ли в большой политике публичные покаяния и посыпание головы пеплом по поводу событий, происшедших десятилетия назад? За исключением «перестроившегося» Советского Союза этими интеллигентскими истериками не занимается, пожалуй, ни одна уважающая себя страна мира, хотя, например, в истории США, Франции, Великобритании, других стран было отнюдь не меньше ошибочных и, даже более того, преступных деяний. Увы, на ниве неразумных дел за годы перестройки у нас уже выработалась своеобразная традиция бежать «вперед планеты всей», ничуть не задумываясь о последствиях, не просчитывая хотя бы на шаг вперед практические результаты своих деклараций и конкретных акций.

4 декабря 1989 года Советское правительство в свете нового мышления заявило о необоснованности и ошибочности вступления армий пяти социалистических стран в Чехословакию в 1968 году. Благодарно? Пожалуй. Но что следует далее? Раз назвали себя груздем, то есть агрессором, то надо и полезать в кузов, то есть выплачивать компенсацию жертвам агрессии, что сразу и потребовали чехословацкие руководители. Одновременно под серьезной угрозой оказалась и собственность выводимых с чехословацкой территории советских войск — с нарушителями суверенитетов, публично признавшими себя таковыми, на переговорах обычно не церемонятся, моральные же преимущества и общественное мнение, естественно, не на их стороне.

Весьма дорогую в прямом смысле этого слова цену заплатили мы за возвышенную фразеологию «нового мышления» в Венгрии. В чьих интересах было признать ошибочность ввода советских войск туда в 1956 году за несколько дней до подписания соглашений Венгрии с СССР? Разумеется, не в наших. Да и не в «общечеловеческих», как утверждали советские дипломаты, по той простой причине, что в реальной политике руководствуются своими, вполне понятными и определенными. Не удивительно, что венгерские политики, и без того не проявлявшие к нам особых симпатий, воспользовались этим незамедлительно.

Прощу понять меня правильно. Я отнюдь не против вывода войск — рано или поздно это все равно пришлось бы сделать, а с волей народов считаться просто необходимо. Но тут мы опять поспешили, уступая буквально всем требованиям, предъявлявшимся к нам со стороны новых восточноевропейских лидеров. Простой пример. Англичане выводят одну свою дивизию в 10 тысяч человек из Западной Германии 5 лет и не потому, разумеется, что здесь возникают какие-то транспортные проблемы. Речь о том, что за это время для ан-

глийских солдат и офицеров на родине будут подготовлены необходимые условия — построены городки, жилые здания, создана соответствующая инфраструктура и т. д., что позволит военнослужащим совершенно безболезненно приспособиться к новым условиям и не отвлекать время и внимание с боевой подготовки.

Мы же опять решили ошеломить мир широтой подхода и благородством русской души. Сотни тысяч солдат и офицеров вместе с семьями, всей техникой и оборудованием выводятся за какие-то полтора-два года чуть ли не в чистое поле, в палатки на снегу! Зачем, спрашивается, такая страшная спешка, с какой стати десятки тысяч военных с семьями, с малыми детьми обречены на страшные мучения и испытания, да еще в мирное время, в условиях сравнительно благоприятных! Мы что, потерпели поражение в войне и вынуждены срочно эвакуироваться под угрозой полного уничтожения? До какой же степени надо было потерять уважение к себе, к статусу великой державы, чтобы соглашаться на эти униительные, позорные условия! И наши мидовские руководители еще обижаются на «необъективную критику» со стороны «активизирующихся консерваторов». Побывать бы им среди тех, кого выбросили фактически на улицу, посмотреть в глаза их женам и детям. Уж они-то, не сомневаюсь, никогда не попадутся на удочку высокопарных рассуждений наших дипломатов о высоком «гуманизме» и «общечеловеческих ценностях» перестроившейся внешней политики!

И это, увы, еще не все наши «выдающиеся внешнеполитические достижения». Нас ведь благодаря «конструктивной гибкости» советской дипломатии не только выталкивают — другого слова нет — из восточноевропейских стран, но и лишают огромных, остающихся там материальных ценностей. Во всем мире всегда было так: уходят войска с территории какой-либо страны, где они находились на своих базах, прежде всего решаются имущественно-финансовые вопросы. А потом уже начинается и вывод. Мы эту общепризнанную практику поставили с ног на голову. Парадоксально, но, увы, факт: наши войска выводятся с территории восточноевропейских стран без урегулирования имущественно-финансовых проблем, они решаются опять-таки в страшной спешке, на ходу, что, естественно, на руку другой стороне. Когда войска будут выведены, каких-либо реальных рычагов влияния на позицию партнеров у нас просто не останется. Понимая это, они и дают на наших «совестливых» дипломатов, применяя разные формы шантажа. А побороться есть за что.

Выгоды объединенной Германии, например, от предоставления ей полного государственного суверенитета, только в денежном исчислении превышают соответствующие выгоды СССР от «бездомезной» помощи со стороны ФРГ более чем в 90 раз — соответственно 1390 млрд. марок и

15 млрд. Иными словами, на каждую квартиру для советского военнослужащего, построенную на эту «безвозмездную» помощь, приходится почти 28 квартир для немцев. Спрашивается, кто кому помогает: они нам или мы им? Богатые бедным или наоборот? Вряд ли дипломатия какой-либо страны отложила этот вопрос «на потом», а не сделала его ключевым моментом переговоров, да и самого вывода. У нас же все возможно, ведь ответственности за просчеты и провалы практически никакой...

УКРЕПИТ ЛИ НАШУ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ?

ОТВЕЧАЯ на этот вопрос, официальные представители МИДа обычно начинают ссылаться на заключенный с объединенной Германией пакет договоров и соглашений, вступивших, кстати, после их ратификации Верховным Советом в силу. Они, мол, закрепляют окончательный характер ее нынешних границ, фиксируют отказ от всех входивших в ее состав до 1937 года территорий, подтверждают приверженность мирным способам урегулирования споров, отказ от производства и обладания оружием массового поражения и, разумеется, сокращения вооруженных сил Германии чуть ли не вдвое — до 370 тысяч. А если-де прибавить к этому известную декларацию НАТО о том, что она не рассматривает Советский Союз как своего военного противника, целую серию договоров с Соединенными Штатами, становится очевидным, что новая система безопасности в Европе строится на солидном правовом фундаменте.

На первый взгляд, все звучит убедительно. Но когда начинаешь задумываться, сразу же возникают серьезные вопросы. В самом деле. Аргументация сторонников «новой системы безопасности» строится в основном на том, что надо поверить в миролюбивые слова и дружеские чувства к нам Германии и ее лидеров. Но чему верить — словам и чувствам или делам и реальной позиции! Как уже говорилось, несмотря на прекращение существования Варшавского Договора, западные лидеры, включая канцлера ФРГ Г. Коля, и слышать не хотят о роспуске Североатлантического альянса. Напротив, он даже укрепляется за счет экономического и военного потенциала бывшей ГДР. Не согласились западногерманские лидеры и на полную демилитаризацию территории бывшей ГДР — бундесвер, часть военной машины НАТО, получает там полную свободу действий. Что же касается отказа от ядерного оружия, то к нему западногерманская ар-

мия может получить доступ через механизм Североатлантического альянса. Убавляем себя тем, что численность бундесвера сравнительно небольшая — 370 тысяч человек. Но ведь объединенной Германии с ее огромными мобилизационными ресурсами, высокоразвитой, почти совершенной инфраструктурой ничего не стоит на этой базовой основе развернуть в короткие сроки армию до 11 миллионов человек! И здесь каких-либо серьезных преград наша дипломатия возвести не сумела. Не обернется ли все эти крупнейшие просчеты уже через несколько лет необходимостью потратить дополнительные огромные средства для нейтрализации вновь возникшей угрозы войны, да еще с серьезнейшим и опаснейшим противником? Кстати, солдаты новой пограничной охраны, сменившие пограничников ГДР, совершенно откровенно заявляли, что нынешняя граница — временная, настоящая — за польской Померанией. И потом, можно ли быть уверенным, что, когда уйдет Коль, кто-нибудь из реваншистски настроенных политиков из ХДС—ХСС не придет ему на смену. Уже сейчас в его окружении таких немало.

Договоры с объединенной Германией — логическое продолжение той линии односторонних уступок, а то и прямой сдачи позиций, которую до небес превозносят адепты «нового мышления», но по которой наше политическое руководство, следуя, видимо, привычным канонам застойного времени, так и не удосужилось спросить ни мнения народа, ни его законных представителей.

Характерный пример. Договор о дружбе и сотрудничестве с бывшей ГДР был представлен в Верховный Совет СССР для принятия решения о его прекращении всего за несколько часов до объединения двух Германий, хотя о дате объединения было известно, по крайней мере, за несколько месяцев. О содержании и характере переговоров по германскому урегулированию парламентарии ничего не знали, их просто поставили перед свершившимся фактом. Хотя подключение законодателей к процессу подготовки соглашения такого масштаба является общепризнанной международной практикой. И несмотря на то, что в последнее время со стороны МИДа и предпринимаются шаги в сторону большей открытости и гласности внешней политики, до преодоления привычной келейности здесь еще очень и очень далеко. А, впрочем, влиятельные силы в политическом руководстве, похоже, прямо заинтересованы в сохранении такой келейности. Ведь ни по одному из заключенных в перестроечные годы соглашений в разоруженческой сфере принцип равноправия сторон и обоюдности уступок не выдерживался. В результате мы получили сначала Договор по РСМД, сокративший число наших ракет вдвое по сравнению с американскими при полном сохранении французского и британского ядерных арсеналов. Затем на армию обрушилось одно-

стороннее 500-тысячное сокращение, с помпой объявленное с трибуны ООН (опять-таки без каких-либо консультаций с парламентом и представителями широкой общественности). А потом радикальное, опять же одностороннее сокращение наших сухопутных войск в Восточной Европе. Кстати, перечень односторонних советских уступок на переговорах по стратегическим наступательным и обычным вооружениям, представленный народным депутатом СССР Н. С. Петрушенко членам Верховного Совета, составил 5 страниц убористого машинописного текста!

Но, пожалуй, наиболее наглядно процесс фактически одностороннего разоружения, выдаваемый нашей дипломатией за «конструктивную гибкость», проявился во время подписания Парижского Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Судите сами.

До подписания Договора в Европе существовало примерное равенство: Варшавский Договор превосходил Запад по сухопутным войскам, НАТО же нас — по военно-морским силам. В Париже же мы отказались от такого подхода, поверив Западу, что он приступит к сокращению военно-морских сил в будущем. И хотя нашей стране, учитывая размеры ее территории и положение в мире, установлены самые высокие национальные потолки — 33,3 процента по танкам, 34,3 процента по артиллерии и так далее, фактически баланс сил резко изменился в пользу НАТО, поскольку Варшавский Договор распался. Теперь Североатлантический блок будет иметь преимущество над Советским Союзом по танкам и бронемашинам 1,5:1, артиллерии — 1,3—1,5:1, боевым ударным вертолетам — 1,3:1. Как видим, равной безопасности теперь нет: ситуация, и причем резко, изменилась в пользу Запада.

Все это весьма напоминает обстановку конца 50-х годов, когда Н. С. Хрущев неоправданно резкими сокращениями вооруженных сил нанес серьезный ущерб нашей безопасности. Так может произойти и сейчас, когда в соответствии с Договором мы должны сократить 19 тысяч единиц вооружений, в то время как США — всего 375... Понятно, что основные силы американской армии находятся значительно дальше от Европы, но все же более чем сороккратное(!) соотношение не в нашу пользу смахивает скорее на одностороннее разоружение, чем взаимобязывающие договоренности. Тем более, что весь Договор исходит из противостояния НАТО Варшавскому Пакту, уже не существующему!

Спору нет, что-то уступил и Запад. Но при все этом в Парижском Договоре зафиксирован явный отход от принципа равной безопасности, на котором худо-бедно держался мир в Европе да и во всем мире в течение многих десятилетий. А удержится ли он в условиях, когда Запад, прежде всего США, получает подавляющее преимущество и, естественно, прямой соблазн воспользоваться им в политических

целях? Гренада, Панама, Ирак — вот свежие примеры, а сколько их было в послевоенное время! Скажут, это слабые, развивающиеся страны, Советский Союз — совсем другое дело. Совсем ли?

29 января 1991 года президент США Дж. Буш выступил перед обеими палатами Конгресса о речью о принципах политики своего правительства. В речи он заявил, в частности, что «наступает эра нового мирового порядка, где руководить будут США». Снова на вооружение правящих кругов Соединенных Штатов взята концепция «Rax Americana», иными словами, господство над всеми странами мира. Не случайно госсекретарь Дж. Бейкер во время последнего посещения Москвы дал понять, что США признают СССР лишь в границах 1933 года. Что это означает практически? Отторжение не только Прибалтики, но и крупных регионов Украины, Белоруссии, Молдовы, половины Сахалина, Курильских островов, изменение, естественно, в ее пользу, границ с Финляндией! По существу это программа разделения Советского Союза. Программа, возведенная Соединенными Штатами в ранг своей государственной политики. Так отблагодарили советскую дипломатию за ее многочисленные уступки и «шаги навстречу» наши американские партнеры по «новому мышлению».

«Благими намерениями вымощена дорога в ад». Справедливость этого изречения доказана «новыми подходами» нашей внешней политики достаточно впечатляюще. Факт, пускай неприглядный, но факт: датливость и слабость советской дипломатии заметно прибавили империалистическим кругам агрессивности и наглости. Как известно, натовская военная машина открыто была подключена к войне против Ирака, хотя, казалось бы, сфера ее действия должна быть ограничена чисто континентальными рамками. До сих пор в Саудовской Аравии остается огромная американская армия, оснащенная новейшими вооружениями, готовая в любой момент приступить к десантным операциям по захвату намеченных территорий. А ведь до нашего Закавказья оттуда, как говорится, рукой подать...

В стратегическом отношении НАТО фактически берет нас в клещи: с европейского Запада и азиатского Востока. И неизвестно еще, какое направление опасней, учитывая приход к власти в Грузии и Армении откровенно националистических сил, лидеры которых в прошлом прямо обращались к Западу и НАТО с просьбами «гарантировать независимость от Кремля». И предоставят такие «гарантии», если сочтут нужным: в отличие от нас использовать вооруженную силу для обеспечения своих имперских интересов США и их союзники никогда не поколеблются, эйфорией «общечеловеческих ценностей» они никогда не страдали. Зато умело поощряли подобного рода иллюзии у других...

«МЫ НЕ НАСТОЛЬКО БОГАТЫ, ЧТОБЫ РАЗОРУЖАТЬСЯ СПЕШНЫМИ ТЕМПАМИ»

ЭТУ ФРАЗУ бросил известный американский специалист, когда я задал ему вопрос, почему в США с такой осторожностью и даже неохотой сокращают военное производство, включая безнадежно устаревшее и неперспективное. В западных странах привыкли просчитывать вторичные и даже третичные последствия своих акций, мы же несемся к желанной цели сломя голову, теряя иногда всякое трезвое представление об окружающей действительности. Отсюда и различные результаты.

На XXVIII съезде КПСС бывший министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе заявил, что наша активная внешняя политика принесет 240—250 млрд. рублей дивидендов. Пятилетка уже заканчивается и не с дивидендами, а с колоссальными убытками. Широко разрекламированная «конверсия военного производства» обернулась не благом, а страшным злом для нашей экономики, и об этом уже открыто говорят даже ее ярые сторонники. А на бумаге ведь все выглядело так привлекательно...

Разумеется, вина за очевидный провал лежит не на наших дипломатах. Развал экономики вызван не ими, а этот развал перекинулся в последнее время и на предприятия оборонного комплекса. Но вот свой вклад в раздувание розовых иллюзий, явно несбыточных ожиданий наш «прогрессивный» МИД, и особенно его бывший министр, внесли, это вполне очевидно. А ведь, казалось бы, все должно было быть наоборот. Зарубежный, как, впрочем, и наш отечественный опыт, свидетельствует, что к таким сложнейшим вопросам следует подходить весьма продуманно и осторожно.

Неужели, к примеру, руководители нашего внешнеполитического ведомства не знали, что по зарубежным, и особенно американским, данным конверсия в первые пять-десять лет неизбежно убыточна? Надо вложить в нее миллиарды, прежде чем наступит реальная отдача. Да и наши расчеты показывают: чтобы обустроить увольняемого офицера, дать ему квартиру, переквалифицировать и так далее, требуется около 50 тысяч рублей. Это на одного человека. А если учесть, что семьи офицеров состоят из 3—4 человек, то для увольнения 100 тысяч человек потребуется 15—20 миллиардов...

Увы, конверсия на сегодня не дала Советскому Союзу ничего, кроме прогрессирующего отставания от США в области технологии. Неужели нельзя было до отработки успешных методов реализации экономической реформы оставить нашу оборонную промышленность в покое? Нужны ли и здесь эксперименты, которые, будем откровенны, пока ничего кроме развала и хаоса нашему народному хозяйству не принесли... Стремление получить быстрый эффект, желание громко и торжественно отпарировать о «реформировании военно-промышленного комплекса» берут верх. И как всегда, персональных виновников развала опять нет — все списывается на пресловутую «командно-административную систему», с которой-де и весь спрос!

Впрочем, в разоруженческом угаре ликвидируются подчас такие виды оружия, которые потом вновь приходится создавать. Сошлюсь на факты, приведенные народным депутатом СССР Н. С. Петрушенко с трибуны Верховного Совета СССР.

На советско-американских переговорах наши представители согласились сократить ракетный комплекс «Ока» — единственный в сухопутных войсках с дальностью действия в 400 км. А ведь на него было истрачено 600 миллионов рублей плюс 100 миллионов на уничтожение, на содержание инспекций. А что получили взамен? Необходимость разработки примерно такого же ракетного комплекса! Почти то же самое произошло с ликвидацией красноярской радиолокационной станции. По Договору 1972 года Советский Союз такие станции по периферии своей территории вовсе развернуть мог. А мы, сотни миллионов потратив на строительство РЛС, стали огромные деньги тратить на ее демонтаж. И все равно оставили открытым огромное воздушное пространство в целом регионе, так что станцию придется, видимо, опять строить. Тем более, что США аналогичные свои станции в Гренландии и Великобритании оставили...

Не сомневаюсь, что автора этих строк могут обвинить в «сгущении красок», «защоренности старыми догмами», «тенденциозности» и других смертных грехах. Но я, по старой своей привычке, придерживаюсь правила, сформулированного еще Лениным: «Лучше неудачно сказать правду, чем умолчать о ней, когда дело серьезное». А читатели, думаю, согласятся, что серьезней безопасности дела быть не может.

Давайте же совместными усилиями оставим тех, чья некомпетентность и амбициозность угрожают жизненным интересам страны!

Владимир ЛИТОВ.

ИДЕМ ТУДА — НЕ ЗНАЕМ КУДА...

«Идем к рынку. Перестраиваем «развитой социализм» на «рыночный». А что это такое? Что говорит о нем наша экономическая наука?

«Отдельные модели «рыночного социализма» в ряде аспектов заметно различались. Но их сходство заключалось в главном — в стремлении разработать такую концепцию социалистической системы, в которой совмещались бы «социализм» и «свободный стихийный рынок», а «индивидуальные социалистические фирмы» конкурировали бы друг с другом в условиях «рыночной экономики». Подобные модели следует рассматривать как своеобразную попытку защиты капитализма».

АБАЛКИН Л. Политическая экономия социализма (М., 1986).

«Является ли проводимая радикальная реформа управления в СССР шагом на пути к рыночной экономике, к рыночному социализму? Если под ним понимать всеобщее распространение рынка, такую хозяйственную систему, где все продается и все покупается, то к такой системе мы, естественно, не переходим и переходить не будем, ибо это будет уже не социалистическая система».

АГАНБЕГЯН А. Советская экономика — взгляд в будущее (М., 1988).

«Рыночный социализм» означает, что все ресурсы в стране определяются рынком и только им. Но если так, то тогда практически не существует политического устройства, характерного для социализма. В таком случае это будет — плохой или хороший — но капитализм. И ничего больше. Так что «рыночный социализм» — это безграмотная утопия...

Полностью принять рынок — это значит перейти к капиталистической экономике».

ШАТАЛИН С. Сборник «За квадратным столом» (М., 1989).

Итак, три ведущих экономиста страны единодушно считают, что «рыночная экономика» — это капиталистический метод хозяйствования, что «рыночный социализм» — это лишь другое название капитализма и что на этот путь мы «переходить никогда не будем».

Но с этим выводом академиков не хочет согласиться Президент страны, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии. Он упрямо настаивает на переходе к рыночной экономике, твердит, что «рыночный социализм» никак не связан с капитализмом! Вот и в заключительном слове на октябрьском (1990 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев подтвердил: «Решительно отклоняю попытки объявить движение к рынку реставрацией капитализма».

Наверное, глава государства и лидер партии не действовал бы так самоуверенно и не делал таких безапелляционных заявлений, если бы не чувствовал поддержки окружающих его соратников, одобрения избранного им курса со стороны советников. Тем более, что главные советники Президента, и нынешние и бывшие, разрабатывающие программу перехода к рыночной экономике, поддерживающие его во мнении, что «рыночный социализм» — это не капитализм, нам известны.

Наверное, академики найдут объяснение своему «двумислию»: против рыночной экономики мы были в 1989-м, а сейчас 1991-й! Сейчас нас не балуют даже этим «единообразием». Руководящие деятели дают руководящие указания, противоречащие и одно другому, и здравому смыслу, делают выводы, граничащие с парадоксами...

Что представляет собой рынок, к которому нас ведут с таким усердием? Как мыслят его наши ведущие? Недавно вышел учебник для вузов «Политическая экономика» (М., 1990), в авторский коллектив которого входят А. Аганбегян, Л. Абалкин и другие «звезды» экономической науки. Что пишут соавторы о рынке?

«Вопрос о рынке и его роли при социализме принадлежит к числу тех, вокруг которых кипят теоретические страсти и в течение десятилетий не утихают споры...» Значит, далеко не все ясно с рынком, и есть люди, которые «бурно спорят»? Ну, а к какому мнению пришли авторы учебника? Читаем:

«При социализме рынок не носит всеобщего характера. Природные ресурсы и государственные предприятия как объекты общенародной собственности хотя и имеют денежную оценку, но на рынке не продаются и не покупаются... Социалистический рынок планомерно регулируем... Самое главное различие между двумя типами рынка (капиталистическим и социалистическим.—А. Р.): отсутствие частной собственности и эксплуатации...» Очень важный вопрос с состоянием между планом и рынком. Что думают по этому поводу авторы?

«В дискуссиях последних лет нередко допускалось противопоставление плана и рынка как взаимоисключающих явлений, и на этой основе формулировалась дилемма — план или рынок. Однако она носит искусственный, ненаучный характер...» Удалось найти и одного из сторонников этой ненаучной дилеммы. Им оказался академик С. Шаталин. В сборнике «За квадратным столом» приведено его мнение по этому вопросу:

«Говорить, что план и рынок могут существовать в одной сфере, — абсурд. Тут вопрос ясен: или—или... Поэтому не может быть и планового рынка, как некоторые сейчас считают, потому что это взаимоисключающие понятия...»

Обезьяна в процессе эволюции менялась постепенно, столетиями обретала желаемый облик. Зато и результат налицо — стала в конце концов человеком. А хамелеон меняет цвет в считанные секунды — и остается хамелеоном...

Это хорошо, когда есть несколько мнений: значит, будут споры, в ходе которых родится истина. Кто же одержал победу в споре о соотношении плана и рынка?

Оказывается, как и в олимпийских играх, здесь победила дружба! А если точнее — не было никакого научного спора, научной дискуссии.

— Космический корабль запускаем через неделю! — принял решение Главный конструктор.

— Нельзя запускать! — возразил конструктор двигателей. — Топливная система неисправна, не взлетит!

— Вот запустим и проверим, кто прав! — подвел итог спору Главный...

И все разошлись, мирно беседуя о погоде... Вы можете представить такую ситуацию в технике? А вот в экономике это возможно! Высказали академики разные суждения по судьбоносному для страны вопросу и... дружески беседа об НЛО, отправились пить кофе в академический буфет.

Правда, за несколько месяцев до выхода сборника тот же С. Шаталин в газете «Правда» от 4 мая 1989 г. заслугой экономической науки в «застойный» период объявил:

— обоснование необходимости планомерного социалистического рынка средств производства и предметов потребления;

— доказательство того, что эффективное развитие плановой экономики возможно только на основе... сочетания плана и рынка...

И в феврале 1990 г. С. Шаталин на Пленуме ЦК КПСС горячо одобрил решение «За эффективную планомерно-рыночную экономику». Но через пару месяцев в интервью корреспонденту «АиФ» (1990, № 13) С. Шаталин снова передумал:

«Часто говорят: планомерно-рыночная экономика», «социалистический рынок». Я такого словосочетания не понимаю. Трудно установить, сколько дней, а может быть, даже недель не понимал и не принимал академик словосочетания «планомерно-рыночная экономика», но в майском (седьмом) номере журнала «Коммунист» он уже «прозрел»:

«Кстати, сам термин «планомерно-рыночная экономика» специалисту кажется странным. Она ведь везде «планомерно-рыночная». И у нас, даже во времена стопроцентного сталинизма рынок был...» Если всегда был, зачем надо перестраиваться?..

Не успели выяснить смысл термина «планомерно-рыночная», как возникла неясность, что означает понятие «регулируемая». В «Огоньке» С. Шаталин пояснял:

«Мы переходим от планомерно-командной системы к экономике рыночного типа, но такого рыночного хозяйства, которое регулируется».

На первый взгляд «регулируемая» и «планомерно-рыночная» — это одно и то же. По крайней мере Л. Абалкин в этом уверен. Но вот выступает на Учредительном съезде РКП М. С. Горбачев и утверждает, что на июньском Пленуме ЦК «показана, обоснована необходимость перехода, только не к регулируемой, а к планомерно-рыночной экономике... А академик В. Тихонов в «Московских новостях» № 24 пишет:

«Правительство выступило с давно обе-

щанной программой перехода к регулируемому рынку... Но что такое регулируемый рынок, я не знаю...» Окончательно заблудившись в трех соснах «планово-рыночно-регулируемой» экономики, экономисты разрубили этот терминологический «гордиев узел» тем, что изъяли непонятные термины из обращения и сейчас просто говорят о рынке, даже не оговаривая, социалистический он или капиталистический.

Еще больше у экономистов противоречий и путаницы в вопросах собственности.

В только что вышедшем учебнике его авторы Л. Абалкин, А. Аганбегян и другие убеждают студентов, что «общественная собственность — основа социалистической системы хозяйства», что она «преодолевает отчуждение трудящихся от средств производства и управления производством», «соединяет в одном лице работника и собственника». В это же самое время эти же ученые с высоких трибун и на страницах печати горячо доказывают, что общественная собственность отчуждает трудящихся от средств производства и поэтому надо быстрее возвращаться к частной, осуществляя приватизацию государственной собственности! В это же самое время журнал «Экономические науки» (1990, № 8) публикует главы готовящегося к изданию учебника политической экономии для экономических вузов, где авторы: Л. Абалкин, А. Аганбегян, С. Шаталин, Н. Петраков и другие подчеркивают, что при общественной собственности «средства производства переходят в совместное владение и распоряжение трудящихся» и они «не противостоят работнику как нечто чуждое...»

И в изданном, и в готовящемся к изданию учебниках авторы в категорической форме исключают возможность эксплуатации трудящихся, а С. Шаталин в журнале «Коммунист» (1990, №7) столь же категорично заявляет, что «все оговорки о недопустимости эксплуатации должны быть исключены». Какому же Шаталину верить?

Флюгер придумали, чтобы знать, откуда ветер дует. Держать нос по ветру — их профессиональная обязанность и фамильная гордость. На политические же ветры, как недавно выяснилось, первыми реагируют экономисты. А страдает от востроносых политических флюгеров прежде всего экономиста.

Всему, что сегодня говорят и пишут о программах перестройки экономики на рыночную, больше всего подходит звучное русское определение: околесица. Да и это явно завышенный уровень оценки деятельности наших экономических «гигантов мысли»!

С. Шаталин в «Огоньке» приводит «гениальную фразу», которой его студенческий друг оценивал ситуацию в экономической науке: «В нашей стране любой человек, который отличает национальный доход от национального состава, достоин быть избранным академиком по Отделению экономики...»

Судя по приведенным в статье высказываниям «ведущих», требования к знаниям кандидатов в академики в последние годы заметно снизились! Экономист Н. Шмелев образно выразился, что «в экономике мы построили сумасшедший дом и живем по законам сумасшедшего дома». А мне кажется, что больше мы похожи на корабль дураков! Радует поражение и ругаем победы, осуждаем равенство и призываем к делению общества на бедных и богатых, Верховные Советы дружно голосуют за распад государства, трудящиеся с нетерпением ждут обещанную им эксплуатацию.

Куда-то приплывем...

А. РЕЩИКОВ,
кандидат технических наук.

ЭХО ПЕРЕМЕН

В результате повышения со 2 апреля розничных цен из продовольственных товаров в наибольшей степени подорожали мясopодукты: говядина более чем в 3,5 раза, вареная колбаса — в 3,2 раза. Более чем вдвое выросли цены на продукцию молочной и маслосырpодельной промышленности: сливочное масло — в 2,7 раза, жирный творог — в 2,4 раза, сыр — в 2,3 раза. Натуральные рыбные консервы [лосось, горбуша] стали дороже в 4,2 раза.

Практически по всем группам непродовольственных товаров налицо рост цен в 2—3 раза. Цены на отдельные товары детского ассортимента выросли в 4—5 раз.

Рост оптовых цен предприятий и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию поведет к росту розничных цен. К концу 1991 года сумма так называемых «горячих» денег составит около половины объема розничного товарооборота и платных услуг.

(По данным Госкомстата СССР)

Майор внутренней службы
Евгений АНТУФЬЕВ

Далеко не каждый решится так оформить свою первую книжку, как Евгений Антуфьев: контрастные черный и серый тона, колючая проволока, табличка с названием — «Опасная зона»... И дело, разумеется, не в том, что ему, не один год отдавшему службе в системе МВД Тувинской АССР, все это, как говорится, вьелось в печенку. Опасная зона проходит через стихи Антуфьева и как вместилище исковерканных судеб, и как граница между добром и злом, балансировать на которой приходится всякому из нас.

СЛЕД

Он против совести пошел.
Удачно выбрал брод.
Как речку, совесть перешел —
Теперь пускай течет.
Потом сапог промокнувший снял.
Обсох на бугорке.
Портынку туже замотал —
Удобней чтоб ноге.
И прочь от речки зашагал
Туда, где дом его стоял.
Но мокрый след от подлеца
Чернел до самого крыльца.

БОМЖ

Как к судьбе относиться, не знает.
Счет потерян уже синякам.
А судьба все по зонам мотает
И никак не прибьет к берегам.

И змеится злоеющая трещина,
И ее не завяжешь узлом.

И свобода, как падшая женщина,
Водку пьет с ним за первым углом.

ПРИГОВОР

Убийство — кровавая вспышка.
Ну вот и шагнул за предел.
Убийца — сопливый мальчишка.
Ты в жизни убить лишь успел.
Диктатор своих поражений,
Ты выдержал все до конца.

И мать обнимает колени
Живого еще мертвеца.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

И как лечить ее, однако?
Она болеет и болеет —
Большая черная собака,
С которой в комнате светлее.

Болезнь вторые сутки точит.
Она болеть уже устала.
Она ни пить, ни есть не хочет,
Закутанная в одеяла.

Она уже себя не лечит,
Лишь жарко лижет мои руки.
А за окошком зимний вечер
Укутал бережно все звуки.

И тихо-тихо стало в мире.
Лишь за стеной ребенок плачет.

Ему весной мы подарили
Прокушенный собакой мячик...

ЛИСТОПАД

Ты любишь так, как не любить бы
надо.

Твоя любовь отчаянья полна.
Так любят только в пору
листопада,

Когда душа, как лес, обнажена.
Так любят только раз на этом свете.
Так любят, если времени в обрез.

Твоя любовь к нему все годы эти
Была вдовой и лучшей из невест.

ДАЛЬ

Я в нашу осень захожу, как в дом.
И ощущаю времени теченье.
И в этом есть свое предназначенье,
Когда мы в даль осеннюю идем.

Застеклены хрустальным светом
дали.
И я прошу: прости меня, прости,
Что видел я, как листья облетали,
И что не ведал, как тебя спасти.

Я захожу в простуженную осень,
За поворотом рыжим — тишина.
И тихо-тихо прошлое выносит
К моим ногам случайная волна.

Александр ЛАЙКОВ

НАША ДОЛЯ

Я пилотку сошью
из травы на кургане
И звезду приколю
цвета горьких калин...
Я — ровесник солдат,
убиенных в Афгане.
Мне приснилось —
убитый меня хоронил.

Сколько нас полегло
от Непрядвы до Моря,
С допетровских времен
до сегодняшних сеч.
Это русская правда
и вечная доля —
Чтоб стояла Россия,
за Россию полечь!

Мне приснилась война
и смертельная рана:
Сквозь пространство и время
ударил свинец.
Я ведь тоже стрелял —
да простит меня мама,—
Как мой предок
и как в сорок первом отец.

Нам судьба выбирать —
запредельные цели,

СВЯТОЙ

Мне зачтут твою любовь в аду,
Если с ней я в рай не попаду.
Загудит чертей чумазый рой:
— Господи, да это же святой...

ГОВОРИТ ДУША

Мне бы в чувствах своих
разобраться,
Чтоб уже перестать ошибаться.

Чтобы не было больше обид,
Чтоб душа не болела напрасно,
Чтоб стояла морозная ясность.

— Постарел ты,— душа говорит...

Задышаться в цепи
кандагарских атак.
А как вещей Коран
переделать хотели,
Пусть расскажет Генсек
и дополнит Аллах.

Знаю, друг с бэтээра,
как ангел, слетая,
Умирал на чужом
на афганском песке,
И дымилась, и бухала
кровь молодая
На родном,
поседевшем, как небо, виске.

А теперь вот
иудушка-христопродавец
Оскорбляет ряды
наших братских могил.
Жарко дует в лицо,
сушит губы «афганец»,
Но вовек не растопит
солдатских седин.

Не согреют души
ни медаль боевая,
Ни параграфы льгот,
ни Верховный Совет.
...Ночью раны болят
и свербит пулевая
Под коленом,
которого нет.

г. Ульяновск.

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •

Анатолий
БЕЗУГЛОВ

ТАЙНА ЯХТЫ ЭЛЕГИЯ

В

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Встал вопрос — как зарабатывать на хлеб насущный? Все-таки глава семьи, кормилец...

Отцы города проявили «милосердие», предложив помощь с устройством на работу. Помощником по быту на небольшую фабрику, завхозом в один из санаториев и еще что-то в этом духе, смахивающее на подачку. Я вежливо поблагодарил и отказался, решив устраиваться сам. Выбор произошел как-то неожиданно. Проходя мимо ворот таксопарка, я обратил внимание на объявление, что требуются водители. Вспомнил, что первая-то моя профессия — механизатор. С правом вождения любого четырехколесного транспорта. Позднее, в армии, получил права, так что вполне подходил.

Задумано — сделано. Тем более автопарк находился в двух шагах от дома, что было весьма удобно.

...В этот день мне не очень везло. За два часа у меня было всего четыре посадки. Не выручка — слезы...

Села молоденькая парочка. Лет по шестнадцать, не больше. Как прилепились друг к другу, так и сидели всю дорогу. Только слышались с заднего сиденья громкие поцелуи. Остановиться попросили у бара. Паренек, пихонистый, в джинсовом костюме-варенке, небрежно бросил мне трояк, хотя на счетчике выскочило лишь два с гривенником.

— Сдачу! — крикнул я им вдогонку, но они даже не обернулись.

Я медленно отъехал, уже по привычке зорко наблюдая за прохожими на тротуаре — не вскинется ли чья рука. Хотел было поехать на ближайшую стоянку, но вдруг наперерез ринулась шустрая женщина, нагруженная двумя большими чемоданами.

Я тормознул.

— Пожалуйста, на морвокзал! — заглянула в окошко женщина. — Опаздываю!

Пришлось выскочить из машины, определить чемоданы в багажник, усадить клиентку на заднее сиденье и поспешить на вокзал.

— Умоляю, скорее! — торопила женщина. — Плачу двойной тариф! И вот...

Она протянула мне забавного плюшевого тигренка.

— Не надо, — сказал я. — И так доставлю в один миг, без всякого двойного.

— Прошу вас, возьмите, — настаивала пассажирка. — Сувенир.

Вдруг она осеклась. В зеркальце я увидел ее растерянное лицо.

— Ой... Захар Петрович? — не совсем уверенно спросила она.

— Он самый, — кивнул я.

Это был уже не первый случай, когда

меня узнавали пассажиры и приходили в недоумение.

— Вы — и шофер? — все еще не верила клиентка.

— Что, газет не читаете? — усмехнулся я, занимая левый ряд, чтобы иметь возможность гнать с предельно допустимой скоростью.

— В тех газетах, которые я читаю, о вас, товарищ Измайлов, никогда не писали, — серьезно сказала женщина.

Настало время удивляться мне. На мой вопросительный взгляд она сказала:

— Конечно, вы меня не помните.

— Извините, действительно что-то не припомню...

— Гринберг, — подсказала клиентка. — Фаина Моисеевна.

Что-то шевельнулось в моей памяти.

— Восемьдесят четвертый год, — продолжала пассажирка, — апрель. Помните? Я пришла в прокуратуру города, потому что в ОВИРе не могла добиться ни «да», ни «нет».

— Ну, конечно! — наконец-то вспомнил я растерянную, заплаканную женщину, которая много лет добивалась выезда в Израиль.

— Ну, слава Богу! — обрадовалась Гринберг. — Между прочим, вы единственный человек в больших кабинетах, который говорил со мной по-человечески. На нас все тогда смотрели, как на изменников Родины, чуть ли не предателей.

— Увы, было, — подтвердил я. — К счастью, нынче отношение к эмигрантам меняется. — Не жалеете, что уехали?

— Тоскую, конечно. Родина есть родина, — с неожиданной грустью произнесла Фаина Моисеевна. — Но там я нашла свое личное счастье.

— В каком городе живете?

— В Палермо.

— В Палермо? — удивился я, усомнившись на миг в своих географических познаниях.

— Да, — спохватилась Гринберг, — я вам забыла сказать, что в Израиль так и не доехала. Вы, конечно, знаете, что, прежде чем добраться до страны постоянного проживания, эмигранты некоторое время сидели в Италии, под Римом? Это те, кто хотел в Америку, Канаду или еще куда. По правде говоря, я тоже ехала в Штаты. Там у меня родной дядя, совершенно одинокий. И вот, представьте себе, когда я торчала в Италии, ждала бумаги из Америки, в меня влюбился мой гепершний муж. А ведь я не молоденькая девушка.

Гринберг было лет тридцать. Самый расцвет для женщины, и бог ее красотой не обидел.

— И увез на Сицилию, — продолжала она. — Как вам это нравится?

— Очень даже нравится, — не мог не улыбнуться я ее манере разговаривать.

— Он во мне души не чает. Все уверяет, что мы прекрасная пара...

— Дай Бог, чтоб это было всегда, — пожелал я Фанне Моисеевне.

— Спасибо на добром слове, — расчувствовалась она.

Вдали уже показались портовые краны.

— Между прочим, я перед самым отъездом из Союза чуть к вам не зашла второй раз, — сказала Гринберг.

— Почему — чуть?

— Понимаете, у меня уже была виза, и я боялась, что могут отобрать. А жить в отъездниках — врагам своим не пожелаю! — Извините, не понял.

Фанна Моисеевна, видимо, колебалась: открыться или нет. И наконец со вздохом произнесла:

— Меня обобрали. Буквально за три дня до выезда.

— Как? — насторожился я. — Кто?

— Работник милиции. Нагрянул поздно вечером как снег на голову. В форме, с погонами. Предъявил красную книжечку. И знаете, что сказал? Будто бы я кое-что из дорогих вещей, имевшихся в доме, купила у воров. Нет, вы можете себе представить, чтобы мне сказать такое?

— Ну и что дальше? — нетерпеливо спросил я.

— Я, конечно, страшнo разволновалась, — продолжила пассажирка. — Зачем мне покупать у воров, когда мой первый муж, да будет ему земля пухом, оставил мне такие антикварные штуки, которые не стыдно держать в доме самого Ротшильда! Я о себе всегда думала, что я умная женщина. Боже, как я ошибалась! Словно последняя дура, выложила перед этим милиционером все свои драгоценности. Стала объяснять, откуда что взялось. Колье и диадему носила еще прабабушка мужа. Врать не буду, но фамилию Гринберг знали в Москве и Санкт-Петербурге. Прадел моего Абраши лечил весь высший свет. А те изумрудные подвесы и браслеты с амстердамскими алмазами дед мужа купил для своей жены в самой Голландии... Но особенно я дорожила перстнем, который мне надела на руку покойница свекровь, царство ей небесное... — Фанна Моисеевна тяжело вздохнула. — Но Бог с ним, что это стоит сумасшедших денег! Вы бы знали, как поступил со мной этот бандит!

— Какой бандит? — не понял я.

— Тот милиционер затолкал меня, простите, в туалет, забрал самое ценное и был таков! А что сказал при этом — страшно вспомнить!

— Что именно? — уточнил я.

— Смотри, говорит, жидовка, заявись — не видать тебе Израиля, как своих ушей!

— Фамилию милиционера помните?

— От страха я даже забыла в то время, как звать меня саму.

— А в каком звании?

— Честное слово, не разбираюсь, — призналась Гринберг. — Не то две звездочки, не то три. А может, и четыре.

— Но ведь он показывал вам удостоверение?

— С таким же успехом мог показать не

мне, а стене... Вы ж понимаете, в каком я была состоянии. Два часа просидела в туалете. Стучала, кричала — никто не слышал. Хорошо, пришла сестра... Я хотела тут же позвонить куда следует, но она на коленях просила меня не делать этого. Пусть, говорит, подавится! Чтобы его детям было так же плохо, как он сделал нам!..

— И все-таки вы зря послушались сестру, — сказал я.

— Ну да! Стали бы разбираться, вызывать, следствие вести.

— Ну и что?

— Как что? — удивилась Гринберг. — Мне вот тогда и объяснили, если я пойду к вам, если возбудят дело, то сиди, жди, когда кончится следствие. Значит, долгожданную визу коту под хвост... Я же мечтала только об одном — поскорее сесть на самолет... Помните мое слово, мои драгоценности тому негодяю счастья не принесут.

— И на какую примерно сумму он забрал?

— Тысяч на триста. Ведь каждая вещь — уникальная.

— Триста тысяч? — покачал я головой. — На вашем месте я бы так дело не оставил. Еще не поздно...

— Нет-нет! Здоровье дороже, — Фанна Моисеевна вздохнула. — Жаль, правда, сестру, хотела ей все оставить. У Сонечки пенсия по инвалидности всего восемьдесят рублей...

— Хотя бы о ней подумали.

— Захар Петрович, — печально улыбнулась Гринберг, — зачем мне инфаркт? Сами знаете, сколько это будет стоить нервов. Буду помогать и так.

Мы подъехали к воротам морского порта. К нам тут же подскочил носильщик с тележкой.

— Счастливого пути, — пожелал я бывшей соотечественнице.

— Спасибо, Захар Петрович. А вам — счастливо оставаться, — растроганно проговорила та. — Поспею домой к Рождеству. Это у нас самый почитаемый праздник.

Она пошла вслед за носильщиком, но еще раз обернулась, помахала рукой. Скорее не мне, а стране, которую, несомненно, держала в сердце.

Я сел за руль, завел двигатель. И выключил. Рассказанное Гринберг не давало покоя. Надо было что-то предпринять.

Буквально в двух шагах стояла будка телефона-автомата. Я зашел в нее, набрал номер Гуркова. Секретарь Оля, доставшаяся ему по наследству от меня, сразу узнала мой голос.

— У Алексея Алексеевича совещание, — извиняющимся тоном проговорила она. — Может быть, позвоните попозже, Захар Петрович?

— Не могу. Дело не терпит отлагательства.

— Хорошо, попробую соединить...

Прошло минуты две, прежде чем прокурор области взял трубку.

— Алексей Алексеевич, срочно пришлите на морвокзал следователя, — сказал я после взаимного приветствия.

— Зачем? — недовольно откликнулся мой приемник.

Я старался как можно короче передать ему содержание разговора о Гринберг.

— Захар Петрович, вы как мальчишка, ей-богу! — сделал мне внушение Гурков. — Для чего нам лишняя головная боль? Тем более эта женщина, как я понял, вернуть старое не намерена...

«В своем репертуаре!» — разозлился я про себя и прервал разговор, лихорадочно соображая, что делать дальше.

Рунов! Вот к кому нужно стучаться! Он поймет. Я тут же набрал его номер. Ответил его помощник:

— Анатолий Филиппович в отъезде, будет только завтра. Что ему передать?

— Сам свяжусь с ним...

Я выскочил из будки и бросился к воротам порта. Надо успеть кое-что выяснить, пока потерпевшая не отбыла за границу. Я подбежал к носильщикам, курившим в ожидании пассажиров.

— Где она? — спросил у того, кто обслуживал Гринберг.

— Кто? — уставился он на меня.

— Та женщина, чернявкая, с двумя чемоданами?

— А-а, — бросил он на землю окурки и придал башмаком. — Вон там, — показал носильщик.

Я помчался туда, моля Бога, чтобы Фаина Моисеевна не успела еще пройти таможенный досмотр.

На мое счастье, Гринберг была еще, так сказать, на нашей территории.

— Фаина Моисеевна, прошу вас, опишите того офицера милиции, — запыхавшись, попросил я.

— Для чего? — удивилась она.

— Извините, у нас мало времени... Какой он из себя?

— Да как сказать, — задумалась она на секунду. — Выше меня на голову, худощавый, шатен.

— Еще? — торопил я.

— Глаза светлые, кажется, серые.

— Возраст?

— Лет тридцати. Может, немного больше.

— А какие-нибудь особенности, приметы?

Фаина Моисеевна потерла лоб, посмотрела куда-то наверх.

— Ямочка на подбородке. И кадык сильно выпирает... Простите, больше ничего не могу сказать.

— Еще задержу вас на минуточку... Не можете составить приблизительный список вещей, которые он у вас взял?

— Попробую. — Она достала записную книжку, вырвала несколько чистых листов.

— Самое главное — кольцо с черным бриллиантом. Между прочим, не простое, а с секретом. То самое, что мне подарила свекровь. Хрустальная ваза, оправленная в золото. Ну, как виноградная лоза... Старинные часы в виде пасхального яйца...

— Пишите, пишите, — попросил я. — Об-

рисуйте, по возможности, каждую вещь.

На то ушло еще минут пять. Тут по радио объявили, что заканчивается оформление на ее рейс. Гринберг сунула мне исписанные листки, мы еще раз попрощались, и она поспешила к стойке таможенника.

Весна к нам приходит уже в конце февраля. В предгорьях зацветает мимоза, на которую слетаются, как пчелы на мед, бойкие молодцы на личных автомобилях, увозя в другие города ветки с душистыми шариками. Прибавилось и курортников, что нас, таксистов, очень даже радовало.

В ту ночь я подгадал прибыть на вокзал к московскому поезду, который, как всегда, опоздал. Показались первые пассажиры. «Волги» с шашечками одна за другой направлялись в город. Вдруг я заметил в толпе прибывших знакомое лицо.

Так и есть — Светлана, внучка Шмелева. Она почти каждое лето отдыхала у деда, несколько раз заходила в прокуратуру.

Вместе со Светланой шел высокий мужчина, нагруженный чемоданами. Оба озирались по сторонам, кого-то высматривая.

— Света! — крикнул я.

— Здравствуйте, Захар Петрович! — обрадовалась девушка. — Подвезете?

— Конечно, — открыл я дверцу заднего сиденья.

— Познакомьтесь, мой муж, — представила она спутника.

— Аскольд, — протянул руку мужчина.

— Очень приятно, — ответил я. — А меня Света уже назвала.

Мы с Аскольдом определили чемоданы в багажник и сели в машину.

— Ничего не понимаю, почему нет дедушки? — сказала Светлана, когда машина тронулась с места.

— Может, забыл? — предположил я.

— Что вы! Он очень обязательный человек...

— Ну, значит, телеграмма не дошла.

— Я лично с ним разговаривала по телефону позавчера утром, — сказала девушка. — Он записал номер поезда, вагона... Обещал обязательно встретиться... А вы с ним давно виделись?

— Третьего дня. В магазине случайно встретились... Между прочим, Николай Павлович задумал интересное дело. Создать что-то вроде юридического бюро для консультации кооператоров. Меня приглашал...

— Мне он тоже говорил об этом, — отозвалась Светлана. — Уже подал бумаги в исполком, чтобы получить разрешение.

Я был рад, что она не задавала дурацких вопросов, почему я на такси.

— А что вы надумали к нам в такое время? Ни искупаться, ни позагорать...

— Понимаете, Захар Петрович, — ответила Светлана, — через две недели отъезжаем за границу. Аскольд получил назначение. Ну как я могла уехать, не повидавшись с дедом?

— Правильно, — одобрил я. — Ты у не-

го — свет в окошке.

Дом Шмелева находился недалеко от вокзала. Добрались минут за десять.

Я тоже взял один из чемоданов и двинулся к подъезду.

— Что вы, Захар Петрович, неужели мы сами не донесем? — запротестовал Аскольд.

— Ладно уж, — сказал я. — Заодно попадаюсь с бывшим сослуживцем.

Мы поднялись на четвертый этаж. Светлана нажала кнопку звонка. За дверью раздалась громкая трель. Мы подождали минуту-другую. Шмелев не открывал.

— Спит, что ли, без задних ног? — сказала внучка и опять позвонила.

Изнутри ни звука.

— Ничего не понимаю, — недоуменно оглядела нас Светлана. — А где Дик?

— Какой Дик? — не понял Аскольд.

— Собака, овчарка, — пояснила жена. — Он всегда лает, когда звонят... Может, соседи что знают?

Аскольд стал колотить в дверь кулаком, и та вдруг неожиданно открылась.

В комнате было темно. Первой в коридор вошла Светлана. Мы — за ней.

— Деда! — окликнула девушка.

Никто не отозвался.

Светлана двинулась дальше, отворила дверь в комнату, включила электричество. И вдруг раздался ее истошный крик.

Мы с Аскольдом бросились к Светлане. Посреди гостиной висел в петле хозяин

квартиры.

Светлане стало плохо. Муж едва успел подхватить обмякшее телр. Мы отнесли Светлану в спальню, уложили на кровать. Я выскочил на кухню за водой и в коридоре столкнулся с незнакомой пожилой женщиной. Выяснилось — это была соседка. Она прибежала на крик.

— Что случилось? — спросила она. — И кто вы?

— Пожалуйста, займитесь внучкой Николая Павловича, — попросил я соседку и проводил в спальню.

— А где сам Палыч? — спросила она.

— Потом... — сказал я.

— Может, до сих пор Дика ищет? — высказала предположение соседка. — Вчера паз пропал и с тех пор как в воду канул.

Я не стал ввязываться в разговор. Соседка осталась со Светланой, уже приходившей в себя, а мы с Аскольдом вернулись в гостиную. При виде покойного деда жены Аскольд пошатнулся, ухватился за спинку кресла.

— Вам лучше присесть, — предложил я. — И прошу ни к чему не прикасаться.

Аскольд просто рухнул в кресло, покрылся мелкими капельками пота и старался не смотреть на покойника.

Николай Павлович был в домашних штанах, потертой вельветовой куртке, одетой на голое тело. Рядом валялся опрокинутый стул. Тапочки без задников лежали друг на друге, свалившись, видимо, с вытянутых ступней ног.

Конец веревки был привязан за крючок, на котором висела дешевенькая трехрожковая люстра.

Подойдя к письменному столу, на котором стоял телефон, я заметил в каретке пишущей машинки вложенный листок бумаги. На нем было отпечатано: «Никто не виноват устал», — одним предложением, без знаков препинания.

Я снял трубку, предварительно накрыв ее носовым платком, и набрал «02».

Рунов не любил, чтобы его встречал кто-либо из домашних. Достаточно было помощника, подполковника Хрусталева, и шофера. Когда поезд подошел к Южноморску, оба встречающие прорвались в вагон первыми. Честно говоря, за время почти месячного отсутствия Анатолий Филиппович был рад видеть людей, что по долгу службы находились к нему ближе всего. Поздоровались сердечнее, чем это полагалось по официальному этикету.

— Как съездилось, товарищ генерал? — спросил Хрусталева, когда они шли по перрону.

— Больница она везде больница, — вздохнул Рунов.

В шинели, хоть и нараспашку, было жарко. Там, в Москве, зима только начинала сдавать свои позиции, а тут почти уже властвовало лето. Асфальт был мокрый, недавно шел дождь и, видимо, еще зарядит не раз за день.

— Врачи постарались, — улыбнулся помощник. — Выглядите на все сто!

— Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, — отозвался генерал.

— Сразу у выхода стояла его надраенная до блеска служебная «Волга» с антенной на крыше.

— Куда? — спросил шофер, когда все устроились в машине.

— В следующее воскресенье я, может быть, и буду работать, — усмехнулся Рунов, — а сегодня — домой.

— Ваши на даче, — подсказал Хрусталева.

— Еще лучше, — обрадовался генерал. — Соскучился по лопате и граблям. — Он был завзятый садовод.

Машина тронулась. Генерал рассеянно смотрел по сторонам. На душе было спокойно и радостно. От того, что вернулся домой, от тепла, которое каждый раз приятно удивляло после северных холодов, от предвкушения встречи с родными. Не тароватый на подарки, он нынче вез их целый чемодан.

— Ну, что в управлении, в городе? — спросил Рунов. — Надеюсь, никаких особых чрезвычайных происшествий?

— Порядок, Анатолий Филиппович, — отозвался помощник.

— Бережьшь покой начальника? — покосился на него генерал.

— Все в норме, — спокойно подтвердил Хрусталева.

При выезде из города, почти у самого кладбища, они нагнали похоронную про-

цессию. Народу за грузовиком с открытыми бортами, в кузове которого стоял утопающий в цветах гроб, шло немного. Шофер пошел было на обгон, но Рунов сказал:

— Неудобно обгонять. Сейчас свернут... «Волга» поплелась сзади толпы.

— Шмелева небось хоронят, — вздохнул водитель.

— Какого Шмелева? — вскинулся генерал.

— Николая Павловича, бывшего следователя облпрокуратуры, — пояснил Хрусталеv.

— Да вы что? — не поверил Рунов. — Шмелев?! Совсем ведь еще крепкий был... Каждый день видел его в парке с овчаркой. Бегал трусцой.

— Здоровье тут ни при чем — повесился, — грустно проговорил подполковник.

— Как?!

— У себя дома, на люстре...

— И вы...—Анатолий Филиппович изменился в лице.—И вы говорите «в норме»?!

От волнения у него перехватило горло. Рунов с трудом справился с приступом астмы.

— Стой! — приказал он.

«Волга» подалась к обочине, стала. Рунов вышел из машины, Хрусталеv за ним.

— Подробности знаете? — спросил генерал, глядя исподлобья на помощника.

— Не все... Обнаружили его внука с мужем и Захар Петрович Измайлов, бывший прокурор...

— Постой, постой, — насторожился генерал. — При чем тут Измайлов? Как они оказались вместе?

— Случайно. Внучка с мужем приехала на поезде, а Захар Петрович как раз поджидал клиентов... Подвез их, ну и... Зашли в квартиру — висит. Записку оставил. Мол, устал от жизни, никого не нужно винить...

— Та-ак, — прикрыл глаза рукой генерал.

— Но, понимаете, там не все ясно... Прибывшая следственно-оперативная группа обнаружила, что в квартире что-то искали. Сам Шмелев или кто другой.

— Записку исследовали?

— Отпечатана на машинке.

— А что судмедэксперт?

— Установил, что самоубийство. Но внучка уперлась: не может, говорит, такого быть, дед никогда бы не наложил на себя руки... Короче, сразу хоронить не стали. Муж внучки дипломат. Родственники у него — шишка на шишке. Поставили в Москве всех на ноги. Позавчера прилетел главный судмедэксперт Минздрава и следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры... Между прочим — женщина.

— Фамилия?

— Простите, не знаю...

— Э-эх, — осуждающе покачал головой Рунов. — Это даже не ЧП, а... — Он не смог подобрать нужного слова и только махнул рукой. — Ждите меня у ворот кладбища.

— Так точно, товарищ генерал! — вытянулся подполковник.

— Кто из наших медиков давал заключение о смерти Шмелева? — чуть задержавшись, поинтересовался генерал.

— Хинчук. Слышали о таком?

— Знаю, — кивнул Рунов.—Вроде опытный...

— Кандидат наук, — подтвердил Хрусталеv.

Генерал как был, без головного убора, поспешил за скорбной процессией, которая уже сворачивала к широко открытым воротам, за которыми нашли успокоение многие поколения южноросов. Среди провожающих в последний путь Шмелева было много знакомых, с которыми Рунов обменивался молчаливыми поклонами.

В числе прощающихся с бывшим следователем был и я. Заметив меня, Рунов приблизился, пожал руку.

— Только что с поезда, — пояснил он. — Узнал, что хоронят Шмелева, решил отдать последний долг... — Генерал огляделся. — Что-то не вижу никого из облпрокуратуры.

— Пока мы вкальваем, о нас еще вспоминают иногда, а как ушел на пенсию — словно в тираж списали...

— Это точно, — со вздохом проговорил Анатолий Филиппович и дал мне знак поотстать. — Хрусталеv сообщил, что здесь что-то не чисто. Так?

— Говорят, судмедэксперт из Москвы обнаружил при вскрытии тела следы прижизненной борьбы, — поделился я сведениями, которыми снабдил меня по старой дружбе один из бывших сослуживцев.

— Выходит, Николай Павлович не сам, а его?..

— Думаю, Дагуровой придется сильно поломать голову, — сказал я.

— Это та следователь из Москвы? — уточнил генерал. Я кивнул. — Знаешь ее?

— Лично не знаком. Чикуров рассказывал. Маленькая, говорит, да удаленькая... Ну, а у тебя как? — спросил я нетерпеливо.

— Не знаю, что и сказать...

Поездку в колонию к Ларионову Анатолий Филиппович предпринял именно после моего сообщения об ограблении Гринберг.

Он коротко поведал мне о разговоре с бывшим оперуполномоченным ОБХСС, а ныне заключенным. Больше всего настораживало генерала, что Ларионов причислял его к «своим»...

— Алиби Ларионова проверили? — спросил я.

— Проверили, — протянул грустно Рунов. — Действительно, в том году Ларионов с семьей проторчал весь сентябрь в Звенигороде. — Он вздохнул. — А что, Захар, может, мне пора на пенсию? Дисквалифицировался...

— Для Ларионова слетать из Москвы в Южнороск и обратно было бы проще пареной репы, — не обращая внимания на последние слова Анатолия Филипповича,

сказал я. — За день мог бы управиться.

Разговор пришлось прервать — процессия подошла к месту захоронения. Гроб был снят с машины и установлен на специальный постамент, чтобы родные и близкие простились с покойным. Многие женщины прикладывали к глазам платочки, кое-кто плакал открыто. И словно бы небо тоже присоединилось к ним — стало накрапывать. Над толпой раскрылись зонтики.

Рунов начал тихо расспрашивать, кто был у самого гроба. Когда я дошел до сына усопшего, Павла, Анатолий Филиппович немного удивился.

— Ты ж говорил, что у Шмелева был с сыном разлад?

— Как видишь, смерть примирила... Прилетел буквально на следующий день.

— Не умею говорить слова сочувствия, но надо.

Генерал протиснулся к родственникам.

— Здравствуйте, Захар Петрович, — раздалось возле меня.

Я обернулся. Савельева, лучший наш мастер по цирюльным делам.

— Здравствуйте, Капитолина Алексеевна, — ответил я вежливо.

В длинном черном платье, черном кружевном платочке, она, право же, смотрелась сеньорой. Красива, тут уж ни прибавить, ни убавить. Но красота ее была какая-то холодная.

Савельева оглядела мою униформу — кожаную куртку и кепку с эмблемой таксиста — и заметила:

— Давненько не заглядывали в мой салон.

— Может быть, загляну на днях, — ответил я.

— На днях, увы, не получится, — улыбнулась Капитолина Алексеевна. — Отбываю в заграничный круиз.

Мы отошли друг от друга. Тут оркестр заиграл шопеновский похоронный марш. Невольно сдавило горло.

Ко мне снова подошел Рунов. Он явно был чем-то взволнован.

— Как-нибудь приблизься к Светлане, — шепнул мне на ухо генерал.

— Зачем? — не понял я, так как давно уже выразил ей свое сочувствие, а зря на глаза лезть не хотелось.

— Перстень, — еще тише проговорил Анатолий Филиппович. — По-моему, тот.

Я пробрался к родственникам Шмелева. Светлана неотрывно смотрела на восковое лицо деда, одной рукой прижимая к лицу платочек, а другой держа зонт.

На одном из пальцев, обхвативших пластмассовую ручку, красовался золотой перстень с крупным камнем. Камень был почти черный и в то же время из него исходили лучи...

«Неужели?» — перехватило у меня дыхание.

Я вспомнил Фаину Моисеевну Гринберг, ее темпераментное описание любимого укращения, похищенного грабителем.

Когда после погребения мы с Руновым

шли с кладбища, я сказал:

— Рано тебе на покой, Толя. Перстенок-то, сдастся, бывшей южноморской гражданки, а ныне — сицилийской дамы.

— Интересная шарада закручивается, — с каким-то азартом проговорил генерал. Он словно бы помолодел.

В Южноморске Ольгу Арчиловну Дагурову как бы постоянно сопровождал дух Чикурова. Во-первых, причина, по которой она была послана в этот курортный город: расследовать обстоятельства смерти Шмелева, начинавшего уголовное дело, ставшее роковым для Игоря Андреевича. Во-вторых, ей предоставили в областной прокуратуре кабинет, который занимал ее учитель (а она считала Игоря Андреевича таковым). И в-третьих, самое удивительное, Ольгу Арчиловну поселили в гостинице в тот же номер, где жил Чикуров.

Вылетая в Южноморск, она не успела переговорить со своим наставником и другом — так внезапно был отъезд. А поговорить бы не мешало.

Заключение главного судмедэксперта Минздрава разошлось с первоначальным. Сделанным Хинчуком. В опыте московского специалиста сомневаться было трудно, но и здешний медик, по разговорам, тоже являлся авторитетом в своей области.

«Кто прав? — думала Дагурова. — Допустим, столичный светило. Тогда как квалифицировать заключение Хинчука? Ошибка или что-то другое?..»

А тут еще история с перстнем ограбленной эмигрантки. Если он действительно принадлежал Гринбергу, то каким образом оказался у внучки Шмелева?

Короче, было над чем поломать голову.

Получив сведения от генерала Рунова, Дагурова на следующий день пригласила в облпрокуратуру Светлану Павловну. Внучка покойного пришла в траурной одежде. Выразив сочувствие молодой женщине, Ольга Арчиловна извинилась за то, что была вынуждена в эти скорбные дни побеспокоить Светлану.

— Я вас понимаю, — сказала та. — Спрашивайте, отвечу на все вопросы.

— Откуда у вас этот перстень? — указала следователь на украшение, сверкающее на безымянном пальце молодой женщины.

— Ах, это? — почему-то смутилась она. — Конечно, не следовало бы сейчас надевать, но это память о дедушке. Его подарок.

— И давно он сделал этот подарок?

— Давно? Нет. В день свадьбы.

— А точнее?

— Двадцать восьмого августа прошлого года. В день моей свадьбы.

— Можно рассмотреть получше? — попросила Ольга Арчиловна.

— Пожалуйста, — сняла перстень с пальца Светлана и протянула следователю.

Дагурова невольно залюбовалась антикварной драгоценностью, тем более что никогда не видела черный алмаз. У какой женщины не дрогнет сердце при виде подобной редкости?

Но у следователя оно дрогнуло еще и по другой причине: эта уникальная штука-вина очень напоминала, по описанию, перстень Гринберг.

— Николай Павлович говорил вам, откуда у него этот перстень? — спросила Дагурова.

— Я спрашивала. Дедушка отшутился: мол, дареному коню в зубы не смотрят... Больше к этому вопросу мы не возвращались.

— Вы раньше не видели у него эту вещь?

— Никогда. Но почему перстень так заинтересовал вас?

— Понимаете, Светлана Павловна, — не ответив на вопрос, сказала Дагурова, — в интересах следствия мы вынуждены его изъять.

— Нет-нет! — аж привскочила Светлана. — Ни за что! Память...

— Понимаю, жаль расставаться, — спокойно, но властно проговорила Ольга Арчиловна. — Однако это очень серьезно, уверяю вас.

— Да? — стушевалась Светлана, на которую сильно подействовал тон Дагуровой. — Что, связано со смертью дедушки?

— Вполне вероятно. И прошу: никому ни под каким видом о том, что перстень изъят, не говорить. Вы меня поняли?

— Хорошо, — покорино кивнула молодая женщина, провожая грустным взглядом перстень.

— А теперь приглашу понятых, и составим протокол изъятия...

Потом Ольга Арчиловна расспросила Светлану, что ей известно о последних днях деда. Но что могла рассказать внучка, жившая за тысячи верст от Южноморска?

Прощаясь, следователь поинтересовалась, когда Светлана уезжает.

— Уехала бы завтра, да надо пристроить Дика.

— Какого Дика? — не поняла Дагурова.

— Дедушкина овчарка, — пояснила Светлана. — Понимаете, Дик исчез накануне его смерти. И, представьте себе, сегодня появился. Грязный, ободранный, хромотает... Я бы забрала его в Москву, но мы с мужем отбываем в Амстердам, где Аскольд будет работать в посольстве. Так хочется пристроить собаку к хорошим людям. Дик любил дедушку, можно сказать, был верным телохранителем...

Оставшись одна, Ольга Арчиловна достала из сейфа перстень. Любуясь старинной работой, подумала: а что, если этот перстень вовсе не тот, который похитили у Гринберга? Похожий? Правда, мастера прошлого не повторялись...

Хотелось бы знать наверняка.

Дагурова позвонила в Москву, Вербикову. Начальник следственной части Прокуратуры республики был на месте. Ольга Арчиловна доложила о первых результатах расследования и сказала:

— Юрий Львович, срочно нужна командировка.

— Куда? — машинально поинтересовался Вербиков.

— В Италию...

— Куда-куда?! — переспросил начальник следственной части, и Дагурова представила его изумленное лицо.

— Точнее — в Сицилию, в Палермо, — спокойно продолжала следователь.

— Кроме шуток? — все еще не мог прийти в себя шеф. — Что, хочешь покончить с ихней мафией?

— Дай бог к нашей подступиться... Юрий Львович, позарез нужно идентифицировать перстень и предъявить Гринбергу для опознания фотографию Ларнонова.

— Неужто нельзя как-нибудь по-другому? — после некоторого размышления спросил Вербиков.

— Кто, кроме нас, сделает это? Интерпол? Мы, к сожалению, с ним еще не контактируем. Впрочем, можете вызвать Гринберг в Союз повесткой, — с иронией произнесла Дагурова.

— А где валюта? — серьезно воспринял слова Ольги Арчиловны патрон.

— Это уж ваша забота. А лететь надо...

— Ну, Дагурова, с тобой не соскучишься, — вздохнул Вербиков. — Ладно, доложу начальству.

— Как там Ян Арнольдович Латынис?

— Какой? — не понял Юрий Львович.

— Старший оперуполномоченный МВД СССР. Мы с ним уже работали раньше. Вы же обещали позвонить его начальству...

— Да, да... — вспомнил Вербиков. — Я звонил. Сегодня он вылетел в Южноморск.

— Вот спасибо, что ускорили его приезд. Кстати, Латынис и будет заниматься делом, когда я отправлюсь в Палермо.

— Не кажи гоп...

— Я же знаю: стоит вам взяться — получится, — польстила шефу Ольга Арчиловна.

Вербиков для порядка поворчал, но Дагурова поняла: идея ему понравилась. Начальник следственной части любил неординарные решения.

(А в это время новоиспеченный замначальника городского УВД теперь уже подполковник Киреев отправился в отпускное путешествие-круиз на океанском лайнере «Михаил Пришвин». В соседней с ним каюте оказалась, вроде бы случайно, Капитолина Алексеевна Савельева.)

От гостиницы до областной прокуратуры было всего три квартала, так что не приходилось пользоваться услугами городского транспорта.

В то утро Дагурова, как обычно, спешила на свое рабочее место, погруженная в мысли. Прохожих было мало. Ольга Арчиловна почему-то обратила внимание на молодую маму, шедшую впереди и толкавшую перед собой широкую детскую коляску. Дагурова подумала: повезло, сразу родила двойню. Ольга Арчиловна обогнала ее, глянула на двух младенцев, дружно сосавших пустышки...

И вдруг что-то просвистело возле головы Дагуровой, с треском разорвавшись на брусчатке тротуара между ней и коляской.

Ольга Арчиловна даже не успела испугаться. А когда увидела ком земли, обвитый корнями, с обломанным пышным кустом гортензии и распавшийся на черепки цветочный горшок, инстинктивно бросилась к коляске.

С малышами было все в порядке.

Их мать, на мгновение оцепенев, очнулась и, грозя кому-то вверх кулаком, разразилась бранью.

— Ну, гады! Я вам покажу!

— Скорее идемте! — ухватилась за коляску Ольга Арчиловна и силком потащила женщину вместе с детьми подалее от злополучного места.

— Пьяны! Алкоголики! — продолжала кричать молодая женщина, оглядываясь на пустые балконы многоэтажного дома.

Ни из одного окна даже не выглянули. Детишки не испугались? — спросила Дагурова, когда они отошли на порядочное расстояние. О себе она почему-то не думала.

— Слава богу, — придириливо оглядела своих чад мамаша. — А если бы в коляску? — Она содрогнулась от страшного предположения. — Убила бы своими руками! — И снова погрозила неведомо кому.

— Впредь держитесь подалее от домов, — посоветовала ей следователь.

— Скоро вообще нельзя будет ходить по улицам из-за алкашей, — возмущенно откликнулась мамаша.

Почему вино за происшествие она валила на любителей выпить, Ольга Арчиловна так и не поняла. Ведь горшок мог уронить нечаянно и трезвый человек, ребенок...

Возле кабинета Дагурову уже поджидал Латынис.

Ольга Арчиловна поведала ему о происшествии с цветочным горшком, постаравшись вложить в свой рассказ как можно больше юмора.

— Где это произошло? — помрачнел Латынис.

— За углом, — пояснила Дагурова. — Десятэтажка, на первом этаже булочная...

— Вот вы шутите, — укоризненно произнес подполковник, — а тут дело серьезное.

— Вы так считаете? — растерялась следователь.

— Уверен, — твердо сказал оперуполномоченный. — Это первое предупреждение. Если не попытка...

Ольга Арчиловна вспомнила аварию, в которую попал Чикуров, охоту за ним под водой...

— Я настаиваю, чтобы вы перешли в мою гостиницу, — продолжал Латынис.

— Вы же сами говорите: совсем захудалая, ни комфорта, ни удобств.

— Черт с ним, с комфортом! Безопасность важнее. И еще. Вы звонили из номера своему начальству?

— Нет, а что?

— Понимаете, очень подозрительно, что вас поместили в тот же номер, где жил Игорь Андреевич. Он уверен, что все сведения, сообщаемые им в Москву, становились известными здесь... Тем, кому знать их было категорически нельзя.

— Игорь Андреевич мне этого не говорил.

— Не знал, что судьба забросит вас в Южноморск. Да еще в самое пекло, в котором он сам сварился... Чикуров, между прочим, просил передать, чтобы вы пользовались только телефоном-автоматом, говоря с Москвой.

— Вы меня убедили, — сказала Дагурова. — Завтра же поменяю гостиницу.

— Не завтра, а сегодня, — настаивал Латынис.

— Хорошо, Ян Арнольдович. И насчет переговоров учту...

— Вчера вас разыскивал эксперт, нашел?

— Нет. А что, уже готово заключение?

— Не знаю. Очень странный человек. Я говорю ему, что вместе с вами из Москвы по одному делу, а он не доверяет. Лично, сказал, хочет встретиться с Дагуровой.

— Я заметила, многие здесь испуганные.

— Я тоже обратил внимание... Теперь о Хинчуке. Скажите, что вы о нем думаете?

— Тут не думать надо, а проверять. Не верю я его заключению. Вчера ознакомилась с делом Ларионова и обратила внимание, что заключение о смерти Скворцова, ну, того директора магазина «Детский мир», что проходил по делу Киреева, тоже давал Хинчук.

— Что вас настораживает?

— Видите ли, Ян Арнольдович, Скворцов пожелал исповедаться во всех своих грехах. И внезапно умер. Инфаркт...

— Хотите сказать — инфаркт ли?

— Вот именно. А для этого, как вы сами понимаете, нужно...

— ...произвести эксгумацию трупа, — закончил за следователя Латынис.

— Да, — Ольга Арчиловна вынула из сейфа бланки. — Постановление вынесу, так сказать, не отходя от кассы.

— А кому поручите повторную судебно-медицинскую экспертизу?

— Попрошу главного судмедэксперта Минздрава. Благо он еще здесь.

— Не по телефону, а лично! — поднял палец Латынис.

Дагурова кивнула и сказала:

— На вас будет лежать организация этого мероприятия. И еще одно задание. Поинтересуйтесь окружением Хинчука, образом жизни.

— Уже поинтересовался, — спокойно отвел подполковник.

— Ну, Ян Арнольдович, — развела следователь руками, — нет слов.

— У Хинчука две страсти: фотографирование и яхта. Коллекционирует дорогие фотокамеры. Очень любит снимать полароидом. Щелкнет смазливую девицу — и тут же ей портретик на память.

— Но ведь хорошая камера, особенно японская, — это большие деньги!

— А яхта из красного дерева, сделанная в Португалии, — вообще целое состояние.

— У него яхта? — удивилась следователь.

— Не с зарплаты же кандидата наук!

— Откуда — стараюсь выяснить. Хинчук ухитряется содержать на своей «Элегии» целую команду. Капитан — из бичей, некто Семен Кочетков.

— Что за личность?

— Неудачник. Был неплохим моряком, ходил в загранику. А дальше — довольно распространенная история. Узнал, что жена изменяет, когда он в плавании, ну и запил. Раз жена шлоха, значит, решил он, дети не его. И ни копейки в дом. Она подала на алименты. Кочетков ударился в бега. Приютил его Хинчук. Капитан живет на яхте.

— Без прописки, естественно?

— Естественно.

— И милиция не шевелится?

— Только попробовала, Хинчук цыкнул на нее. Да так, что отбил охоту совать нос на яхту.

— Кочетков, Кочетков, — задумчиво проговорила следователь. — По-моему, это зацепочка.

— Вот и хочу за нее ухватиться.

В дверь постучали.

— Да, войдите! — откликнулась Дагурова.

В кабинете появился нескладный человек с портфелем, который он бережно прижимал к себе.

— Здравствуйте, товарищ Галушкин, — поздоровалась Ольга Арчиловна. — Легки на помине. Только что о вас говорили.

— Добрый день, — застыл у порога эксперт.

— Неужто готово заключение? — порадовалась следователь.

— Еще вчера, — ответил Галушкин, не смело двигаясь к столу и открывая на ходу портфель. При этом он весьма недоверчиво смотрел на Латыниса.

Тот поднялся.

— Ну, я пошел, Ольга Арчиловна, — сказал подполковник. — Подышу морским воздухом. На берегу...

— Хорошо, — поняла Дагурова оперуполномоченного: отправляется в яхт-клуб. — Потом поделимся впечатлениями.

Латынис вышел, а следователь обратилась к эксперту:

— Ну, Геннадий Мефодиевич, с чем пожаловали?

— Кое-что интересное сообщу. — Эксперт как-то робко, бочком, пристроился на стуле и разложил перед Ольгой Арчиловой свои бумаги. — Итак, первое. Предсмертная записка: «Никто не виноват устал» — отпечатана на машинке Шмелева.

— Лист находился в каретке, — чуть заметно усмехнулась Дагурова.

— Но ведь могли отстучать на другой и вставить в шмелевскую машинку, — пожал плечами эксперт.

— Извините, — несколько смутилась следователь. — Продолжайте.

— Однако печатал записку не покойный.

— Не Шмелев? — заволновалась следователь.

— Да, кто-то другой. И вот почему. Печатали двумя пальцами, и сила удара совсем другая, чем у покойного. Вот для сравнения текст, выполненный самим Шмелевым. Я взял из одного уголовного дела, которое он вел. Покойный же печатал, как заправская машинистка, всеми десятью пальцами. Понятно? — показал сравнительные диаграммы Галушкин.

— Понятно.

— Второе. На тех клавишах, по которым стучал неизвестный, и на табуляторе имеются отпечатки пальцев. Они принадлежат не Шмелеву.

«Вот это действительно фактик!» — ликовала Дагурова.

— Хорошо, — кивнула она, — дальше.

— Помимо отпечатков я обнаружил на бумаге с текстом предсмертной записки потожировые выделения, тоже не принадлежащие покойному... Вот, собственно, и все.

— Ничего себе — все! Наиважнейшие сведения! Вы же сами это отлично понимаете.

— Понимаю, — скромно потупился эксперт. — Но...

— Спасибо вам, — не сдерживала эмоций Ольга Арчиловна. — Огромное! И за сроки — тоже. А они в нашем деле...

— Но... — опять негромко произнес Галушкин, почему-то настороженно оглядываясь. — У меня еще... Вернее, я хотел сказать... — Он замолчал в нерешительности.

— Выкладывайте, выкладывайте, — подбодрила его Дагурова.

— Мне вчера позвонили и предложили деньги. — Эксперт стал говорить так тихо, что следователь едва разобрала слова.

— Деньги? — переспросила она. — За что?

— Чтобы я написал в заключении о невозможности определить рисунок оставленных отпечатков пальцев.

— Как это?..

— Ну якобы капиллярные линии смазаны, — пояснил Галушкин. — И знаете, сколько обещали за это? Пятьдесят тысяч! Представляете!

«Искушение серьезное», — подумала следователь.

— И вы?..

— Ольга Арчиловна! — глазами обиженного ребенка посмотрел на нее эксперт. — Как вы могли подумать?! Чтобы я свою честь и совесть...

— Что вы, что вы, Геннадий Мефодиевич, — стала успокаивать его Дагурова. — И в мыслях не было!

— Категорически отказался, — продолжал Галушкин. — Мол, как вы смеете, и прочее. Бросил трубку. Тут же опять звонок. Теперь уже предложили сто тысяч. Да хоть бы миллион, ни за что бы не продался... Вот, побежал скорее к вам, чтобы вручить заключение. А то, чего доброго, как Николая Павловича...

— Не догадываетесь, кто вам предлагал взятку?

— Голос вроде знакомый, — начал эксперт и осекся.

— Ну? Ну? — подстегнула Галушкина следователь.

— Нет, нет, нет! — замахал руками эксперт. — Это только предположение. Телефон искажает... И потом, может, пошутили... Словом...

Галушкин смеялся и замолчал. Ольга Арчиловна так и не услышала от него признания, пусть предположительное... Хотя была почти уверена, что эксперт знал предлагавшего взятку.

Яхт-клуб размещался на окраине Южно-морска. Причал находился в небольшой бухте, защищенной от бурь и штормов естественной косой. К берегу приткнулись многочисленные катера, яхты, моторные лодки, парусники — каких только не было названий. Причем, как отметил Латынис, чем меньше суденышко, тем пышнее имя, присвоенное хозяевами.

«Элегию» подполковник заметил изда-лека. Впрочем, не удивительно. Яхта Хничука выделялась своими размерами и изяществом линий. Ян Арнольдович потолкался на деревянном причале среди зевак, поболтал с владельцами, любовно дравшими свои суда или делавшими ремонт, поспрашивал, можно ли приобрести какое-нибудь подходящее плавсредство. Через час-другой он уже примелькался и только тогда пошел к великолепной яхте судмедэксперта. Она чуть покачивалась на легкой зыби, надежно пришвартованная к причалу. На корме «Элегии» сидел Кочетков и смолит сигарету. На нем была тельняшка, фуражка с «крабо́м».

— Здорово, матросик! — крикнул Латынис.

Кочетков сплюнул сигарету в воду и произнес, дотронувшись до кокарды:

— Не сечешь ты в званиях, мужик.

— Здравия желаем, товарищ капитан! — весело поздоровался подполковник.

— Вольно, — осклабился Кочетков. — Что zenки вытаращил, нравится?

— Хороша посудина! — восхищенно произнес Ян Арнольдович. — Таковую я и при-сматриваю.

— Чего, чего? — с изумлением оглядел его бич.

— Продай, говорю. На кой она тебе такая огромная?

— А тебе на кой? — парировал Кочетков.

— По правде — мне и даром не нужна Я сухопутный. К тому же, в Москве живу.

— Кому торгуешь? — втягивался в разговор Кочетков заинтригованный, у кого это хватает нахальства прицениваться к «Элегии».

— Одному академику. Назову фамилию — свалишься за борт.

— Видали мы академиков, — усмехнулся бывший моряк. — У всех у них кишка тояка для этой ласточки. Лучше ты купи ему

вот то корыто, — показал он на облезлый катерок, качающийся рядом с красавицей яхтой.

— Кэп, я серьезно...

— Нет, ты совсем того, — покрутил пальцем у виска Кочетков. — На солнце перегрелся.

— Академик башлевитый. Подумай, хозяини.

— Хозяин на даче «Изабеллу» попивает...

— А ты кто будешь?

— Сам же угадал — капитан.

— Хотел бы посмотреть на владельца. Небось кооператор?

— Сдались тебе кооператоры, — поморщился бич. — Врач. Да не простой, кандидат наук.

— Не смеди меня? — хлопнул себя по коленям Латынис. — Так я тебе и поверил, чтобы у кандидата была такая шикарная яхта.

— Послушай, приятель, — подозрительно глянул на подполковника Кочетков, — ты случаем не из конторы?..

— А что, не видно? — с вызовом произнес Ян Арнольдович и подмигнул. — Вылитый конторщик... — И уже серьезно добавил: — Послушай, как бы свести моего академика с твоим хозяином? Может, адресок дашь, телефончик?

— Дохлый номер, — отмахнулся Кочетков. — Не продаст.

— Да как только он узнает, кому...

— Ты чудик, — приосанился бич, — на нашей ласточке такие знаменитости бывают — тебе и не снилось.

— Заливай!

— Хочешь убедиться? — взыграло самолюбие у Кочеткова.

— А мне до лампочки...

— Нет, ты полезай сюда, — настаивал бич. — Тут оставили автографы такие люди!

Второго приглашения Ян Арнольдович дожидаться не стал. Когда он оказался на борту «Элегии», Кочетков повел его вниз, в салон-бар. Ступив на пушистый ковер, Латынис присвистнул:

— Внутри еще шикарнее, чем снаружи!

Притворяться ему и играть не понадобилось — видел подобную роскошь впервые.

— Да ты сюда смотри, — показал Кочетков на обитую светлой кожей стенку салона. — Вот автограф вице-президента Академии художеств, а вот приложил свою руку министр, тут — космонавт... Артистов, писателей полно... Сашу Белова знаешь? Прошлым летом отдыхал. Концерт такой закатил, получше, чем в театре.

— Это тот Белов, который «Джульетта»? — назвал самую популярную песню певица Латынис.

— А какой же еще. Вот его загогулины, — ткнул в замысловатую роспись Кочетков.

— Одни автографы стоят миллион, не меньше, — польстил добровольному гиду Ян Арнольдович.

— Факт, — откликнулся тот. — Так что подбери своему академику что-нибудь попроще.

— Может, присоветуешь?

— Один хмырь тут продает яхту. Ништяк...

Они поднялись на палубу. Кочетков показал судно, от которого хотел избавиться владелец. Латынис поблагодарил за справку и решил доиграть роль до конца — чтобы не вызвать подозрений, он отправился торговаться. Хозяин продаваемой яхты охотно показал Яну Арнольдовичу судно, даже продемонстрировал на ходу. Сделка, естественно, не состоялась. Латынис покинул яхт-клуб глубоким вечером.

До остановки автобуса следовало пройти небольшим сквериком. Аллеи были пусты. Единственная мысль — поскорее добраться до гостиницы, пока не закрыли буфет. Подполковник был голоден как волк. Перекусил лишь утром, да еще весь день провел на свежем морском воздухе. Латынис поравнялся с ларьком. Он помнил, что там продавали лимонад и пирожки. Но ларек уже был закрыт. Ян Арнольдович сглотнул слюну и прибавил шагу.

И тут вдруг со стороны ларька раздались выстрелы. Один, другой... Реакция сработала мгновенно: оперуполномоченный одним прыжком спрятался за ближайшее дерево и выхватил из кармана пистолет.

Из-за фанерного сооружения выскочили два человека и бросились к шоссе.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул Латынис, устремляясь за ними.

Но беглецы припустили еще сильнее.

«Идут!» — мелькнуло в голове подполковника.

Первый выстрел он сделал на бегу. В воздух. Однако это не возымело никакого действия. Впереди открылось шоссе. Там автомобили, автобусы и тогда — пиши пропало, смоятся. Ян Арнольдович на мгновение задержался, прицелился в ноги того, кто был ниже ростом. Раздался выстрел, и бежавший упал. Второй же успел вскопчить в стоявшие у обочины «Жигули». Машина тут же рванула с места.

Только теперь Латынис почувствовал, что левый рукав рубашки намок от теплой липкой жидкости.

Ян Арнольдович, можно сказать, отделался легко: была повреждена лишь мягкая ткань плеча. А вот стрелявшему в подполковника повезло меньше: пуля, выпущенная из пистолета Латыниса, задела костя голени. Задержанного доставили в больницу, сделали операцию и поместили в отдельную палату под надежной охраной. Им оказался Евгений Мухортов двадцати шести лет, нигде не работающий. Латынис и Дагурова решили допросить его не откладывая — случай был особый, так как напарник Мухортова исчез. Врач дал «добро». Но тут случилось непредвиденное. Задержанный, оказывается, находился в состоянии наркотического опьянения, действие его кончилось, и у Мухортова началась абстиненция. «Ломка» скрутила задержанного так, что потребовалась помощь врачей.

— Когда можно будет его допросить? —

спросила Ольга Арчиловна у главного нарколога города, поднятого с постели.

— Не знаю, — ответил тот. — Очень запущенный больной. На руках живого места нет, все вены исколоты. Тяжело нам будет вывести из абстиненции. По всему видно, сел на иглу давно и прочно...

Следователю и оперуполномоченному оставалось одно: набраться терпения. По настоянию Латыниса, Мухортова перевели в Бузанчи, курортный городок километрах в пятидесяти от Южноморска. От греха подальше.

Буквально на следующий день Дагуровой позвонил Вербилов и сообщил: вопрос с командировкой в Италию решен. Ей нужно срочно вылетать в Москву.

(В Палермо Дагурова установила, что кольцо с черным бриллиантом действительно принадлежит Фаине Моисеевне, которая опознала по фотографии и грабителю — Ларионову.

А Латынис в это время отправился в Москву, чтобы поговорить с Беловым о яхте «Элегия» и проверить алиби Ларионова.

Вернувшись из командировки, Дагурова отправилась в больницу, чтобы допросить задержанного Латынисом Мухортова...)

При появлении Ольги Арчиловны в больной палате на лице Мухортова появилось нечто вроде вымученной улыбки.

— Когда пристрастился к наркотикам? — заинтересовалась Ольга Арчиловна.

— После армии. До этого я даже грамма вина в рот не брал.

— Как тебе это удавалось?

— Не имел права, — серьезно ответил Мухортов. — Тут же бы турнули из спорта.

— Чем занимался?

— Подводным плаванием. Был кандидат в мастера спорта. Когда вернулся на гражданку, устроился в ресторан. Первое время держался. Вернее, старался держаться, — поправился Евгений. — Ну а потом пошло-поехало.

— И долго это продолжалось?

— Сгорел за полтора года, — горько усмехнулся Евгений. — Из ресторана выперли. Никуда устроиться не мог: кадровики по физиономии определяли, что алкаш. Перебивался в порту, грузил по ночам бочки, мешки. Только бы на пузырь хватало. А потом — на опохмелку. Выпивка дорогая, потреблял всякую дрянь.

— Одеколон?

— Одеколон? — снова усмехнулся Мухортов. — Это, считайте, как коньяк. Политура, клей, клопомор... — Он перевернул плечами. — Жуть! Ну и как-то попробовал сестра на иглу. Знакомые ребята поделились мулкой. Тоже кайф. Не нужно глотать всякую гадость и закуски не требуется. Так и втянулся. Вам не нужно объяснять, что такое.

— Где брал наркотики?

— Мир не без добрых людей, — уклончиво ответил Евгений.

— На наркотики нужны деньги. Много денег...

Мухортов не ответил.

(Окончание следует)

Полковник в отставке А. ФАТЬЯНОВ

СЛЕД ЗВЕЗДЫ

РАССКАЗ

1

В НАЧАЛЕ девятнадцатого года Арсений Зарубин, разведчик из кавбригады, действовавшей на Южном фронте, был внедрен в штаб белогвардейского генерала Мамонова. Что для этого понадобилось, и сколько сил было затрачено — тут не то что рассказ, а и роман написать можно. Но я хочу поведать о другом и начну вот с чего. В том же девятнадцатом, ближе к осени, один из перебежчиков опознал Зарубина, того арестовали и засадили в застенки контрразведки.

Засадили — конечно, не то слово. Капитан Боярский, молодой длинноногий красавец, с усиками, будто нарисованными на бледном лице, сидел за столом, хохлил пилочкой свои ногти и говорил только две фразы: «Будешь молчать? Тогда получай!»

И наполучал Зарубин так, что не осталось целым ни одного ребра, и кровь днями не засыхала на губах, и от постоянных побоев боль в левом виске была такая, что не сомкнуть глаз в короткие часы между пытками. Бил Арсения Лось — то ли фамилия, то ли кличка такая была у здорового мордоворота, примерно зарубинских годов, с тусклыми, безразличными глазами. Бил — как исполнял повседневную монотонную работу: без особой, может, ярости

и рвения, но и сил не жалея. И только однажды Лось вышел из себя. Случилось это, когда красавец капитан, и сам устав от однообразия своих вопросов, заговорил на общие темы.

— Зарубин, ну чего ты молчишь? Показания — твой единственный шанс остаться в живых, неужто не понимаешь? Или ты такой идейный, что за идеи и на Голгофу пойдешь?

— Идеиный, — ответил Арсений. — Пойду.

— Вот за это уважаю. Кроме шуток. А то у нас ведь как... Того же Лося возьми. Что ему классовые интересы?! Ему жить надо, чтоб женщина была рядом красивая, чтоб сад с вишнями и наливочка к праздникам. Кого лупить за такое будущее — все равно, лишь бы только оно было. Инстинкт самосохранения.

— Животный инстинкт, — сказал Зарубин. — Это когда довольствуешься уровнем развития обезьяны.

Боярский, продолжая шлифовать ногти, как бы между прочим спросил Лося:

— Ты-то хоть понял, что наш красивый товарищ именно тебя с обезьяной сравнил, а? И ничего не хочешь ему ответить?

Ответ был страшен. Зарубин мешком лежал на полу, уже не реагируя на удары кованых сапог, сознание волнами ухо-

дило от него и опять возвращалось, и тогда словно издали, из поднебесья, доносились слова:

— Разрешите... Звезду на спине... Идею... Один черт завтра расстреляем... Чтоб и на том свете помнил... Идеальный...

Ночь. Зарубин умирал в холодном сыром подвале, а перед рассветом его родная кавбригада сабельным ударом выбила мамонтовцев из городка. Арсения на одеяле, как на носилках, вынесли из подвала, уложили на санитарную повозку. Начальник штаба полчаса топтался около, то солому поправлял, то мух от раненого отгонял и все говорил, говорил:

— Не ушел Боярский, зарубили его, ага. А этого гада Вахрушева, который тебя предал, взяли. Под трибунал пойдет, хотя его ребята хотели было на месте, значаща... Ты поправляйся, Арсений, я на орден тебя напишу, ага. Ты герой у нас и будешь внукам рассказывать, что награда эта тебе дадена за то, что ради идеи шел ты на смертный бой, ага...

Через день начальник штаба погиб, не успев представить Зарубина к ордену. А представил бы: толковый был мужик.

Сам же Зарубин полгода валялся в госпиталях, потом его списали подчистую.

2

ДЕРЕВНЯ Бугровка, стоявшая на высоком берегу речки, славилась красивыми домами. Мужики тут считались лучшими кладчиками, их со всей округи приглашали поработать, а уж себе, конечно, они делали не дома, а картинки. Идешь по улице — душа радуется: белый плитняк, кирпичные узоры...

И только с краю, уже оторванная от улицы, стоит избушка, не то чтоб на ладан дышавшая, но болезненно скособоченная, неухоженная. Под стать ей и хозяин: живет один, зимой и летом ходит в одной одежке: длинной кавалерийской шинели и фуражке. Три-четыре года назад был он при деле: пас деревенское стадо. Но разбежались у него коровы, потрапу допускали, да и сам пастух все меньше доверяя вызывал у хозяек Бугровки. Все чаще слова у него, как говорили, «не в рядок» складываются. Словом, совсем безработным стал Арсений Зарубин. Личным хозяйством жить начал. А это — десяток кур, огненной окраски кочет, злой как цепной пес, старая грушадичка, пяток вишневых деревьев да овошная грядка. Грядкой, правда, больше сноха Арсения занималась, братова жена Марья. Она же и обшивала, обстирывала Зарубина, часто на горячие борщи звала. С соседками нещадно ругалась: «Дуры вы, бабы, кого бездельником-то называете? Он, знаете, какой с войны пришел? И в чем только душа держалась. Слова «не в рядок»? А вы швы на его голове посчитайте, он же по ночам в подушку от боли орет... Жалеть человека такого надо, а не языки в его адрес чесать».

Но бабы есть бабы, что с них возьмешь?

И прицепилась за Арсением нехорошая клычка «Тронутый».

Пацаны Зарубина любили. Забегали в его двор, как в свой собственный, с кочетом воевали, кур кормили, а потом вопросами атаковали. Да не простыми, а философскими. Что есть бесконечность или истина, к примеру. Слов этих они от Зарубина же и нахватались, а тот каждый раз их по-новому трактовал, говорил с сопляками как с ученым людом, иной раз даже на «вы» каждого величал. Может, и ахинею нес, но до того складную, что слушатели рты разевали.

— И что есть идея, дядя Арсений?

— А навроде мечты. Штука эта только нам с вами, то есть людям, дадена. Но мечта дело пустое, а тут... Вот луну видишь? Или звезду какую? Поставь цель до нее добраться. Садись, сколоти такой аэроплан да продумай, чтобы еды хватило. И лети по мирозданию, и думай уже, как на той звезде жизнь обустроить, чтоб не было там ни царей, ни мамонтовых, а правил пролетариат и крестьянин.

— А чего ж ты воевал-воевал, а не правьшь, а? И в сарае вон живешь?

— Так не всем же править! У меня, может, в жизни другое предназначение. Книжку вот хочу написать. Про жизнь за идею.

— Напишешь, как воевал, а? Расскажи... А правда, бают, что звезду тебе на спине вырезали?

И вот тут накатывались на Зарубина воспоминания, и белел он лицом, и височная боль пронизывала все тело, так, что начинал он стонать, раскачивая головой из стороны в сторону. Пацаны разбежались, кто-то из них обязательно заскакивал к младшему брату Арсения:

— Дядя Федя, ваш брат опять замычал! Спешил Федор к скособоченной избушке, возился с братаном, успокаивал его как мог, укладывал спать и все боялся, чтоб тот не спустился в подвал, не принялся собирать стоявшую там в разборе одностволку, выкрикивая при этом:

— Есть еще враги, есть, сидят, мать их... Над идеей нашей смеются...

Было такое, и не раз. Силой тогда отымал Федор у брата оружие, грозился сломать его или забросить куда, но Зарубин-старший, успокоившись, просил жалобно:

— Оставь, братуха, разбери и оставь. Я-то, один черт, не соберу в таком состоянии, меня всего колотит, не вижу ничего. А ружье батино, не могу с ним расстаться, память.

Быстро управившись по хозяйству и что-нибудь состряпав, прибежала и Марья:

— Попей, поешь, Арсений. И гони от себя пацанов, шумные они, а тебе покой нужен. А лучше делом займись. Хотел же книжку писать? Вот и пиши. За курами твоими я и сама послежу, а ты сочиняй. Вот подрастут наши парни и всем будут говорить, что их родной дядя писатель, очень идейные книги пишет.

Успокоенно улыбался Арсений и засыпал.

3

ВСЕ ЧАЩЕ оставалась крайняя изба Бугровки без хозяина. Пропадал Арсений и на три дня, и на пять, и на неделю. Рассовывал по карманам шинели сухари, яблоки и ходил по окрест лежащим от Бугровки селам да деревням. Весть о нем, как это обычно и водится, чуть-чуть впереди него самого летела, и потому относились к Зарубину уважительно: хоть и малость чокнутый, а все ж — писатель. И за стол сажали, и спать пускали, и на завалинку по вечерам усаживали: там-то байки и травил. Кто чего самое древнее помнит и знает, поскольку решил писать Арсений об истории. Все записывал: когда какую деревню поставили, кто мельником был, сколько пудов хлеба чей двор собрал. Бывало, мужики по всем этим вопросам так заспорят, что кулаками уже махать принимаются, а он и это начинает писать, по-мудреному называя такие строки нравами. Остепеняются драчуны: кому хочется ославиться? Стол соображают, в знак мировой бутылку ставят: «Садись, Зарубин».

Арсений садится, но пить не пьет: голова от самогонки работать отказывается. Все это знают и не больно настаивают на угощении. Сами стаканами звенят, а писатель Зарубин строчит, строчит в шитые драгтой тетради. И на кучу вопросов отвечать пробует.

— Арсений, а что такое коллективизация, объяснить можешь? Вроде жить начали, у каждого, кто не ленится, хозяйство вон какое. Чего еще объединяться, а? Как твои идеи насчет этого? А в храме божем — конюшня. Зачем же так? Ты пропиши это: мы, конечно, в бога уже не верим, но бабки наши должны в церковь ходить, не надо их обижать. Сам как думаешь?

Объяснял им Зарубин все по своему пониманию. Колхоз — и хорошо, и плохо. За какую идею мы бились? За равенство. Вот я, бывший чоновец-разведчик, очень пострадавший от мамонтовцев, как бы ни хотел, а не могу с землей работать по причине слабого здоровья. И если жить каждый за себя, то меня, и таких, как я, и одиноких старух, и детей-сирот надо живыми в могилы укладывать. А если одной семьей жить будем, то каждый из нас на что-то сгодится. Моя идея — поддерживать друг друга. А вот когда не будет у нас ни больных, ни сирот, тогда и не нужны колхозы. А про храмы — не дело их рушить, конечно. Бога, может, и нет, но русские монастыри завсегда с врагом бились, оплотом нашим были, и на бой с Мамаем святой Сергей Радонежский князя Дмитрия благословил...

Сергием Зарубин серьезно заинтересовался. Много раз ходил он за город Данков, на поле Куликово, рылся в курганчиках на берегу Непрядвы, чтоб хоть какие-то следы битвы отыскать. Захотел большую книгу написать о том, как дух, вера и идея

помогли народу победить врага. Такие, как Сергей, были носителями всех этих лучших качеств человеческих.

Возвращался как-то Арсений с поля, вышел на окраинную улочку Данкова и... И шинель пудовой показалась, и фуражка горячее, а сердце затихло совсем. Прямо на него шел капитан Боярский, такой же длинноногий, бледнолицый, такой же молодой и красивый. Шел, в глаза ему смотрел и улыбался.

Поравнялся уж совсем, и бросился тогда на него Зарубин, заорал дико, затрясся, и пальцы мертвой хваткой вцепились в чужой пиджак...

В отделе НКВД парни в тужурках над ним, конечно, поржали малость, но начальник их, седой, с рубцом через всю щеку, цыкнул на подчиненных, а Арсения к чаю пригласил. Что ж ты, сказал, старый боец, так ошибся? Неужто не дошло до тебя, что с гражданской десять лет прошло, и был бы жив Боярский, он бы тоже на десять лет постарел, и усы б небось седыми были... А этого — Николаем зовут, он сын учителей, и надо бы тебе пойти извиниться перед ними.

Пошел Зарубин... Все хорошо закончилось. Заночевал там, и почти до рассвета с учителями этими говорили про Сергея. Славные люди. Оттого еще стыднее стало бывшему разведчику за свою ошибку.

4

ДУРНАЯ история вышла, а разговоров вокруг Зарубина прибавила. В какой бы деревне ни был, с кем бы речь ни завел, а обязательно услышит к себе вопрос: «Правда, мол, что в НКВД забирали?» Попробуй объясни всем, как вышло на самом деле.

И с книгой — проблемы. Все тяжелее и тяжелее строки рождаются. В голове одна идея, а по жизни не так выходит, и все тут. Ежели прикинуть, то рай бы уже в стране настать должен, а мужики стонут. Начальства на них много развелось, куда ни пойдешь, к чему ни потянись — все по рукам шлепают и худшими карами страшают. Земля — вроде как уже не твоя и хлеб не твой.

А тут вообще нехорошее событие произошло. Вызывают Зарубина в районный отдел НКВД и говорят: как бывший боец Красной Армии, чоновец, ты должен проявить сознательность. Ходишь же везде, разговариваешь с народом, и не боится тебя, потому как чокнутым считают — привык уже к таким словам Арсений, не обиделся, — вот и ждем от тебя, говорят, информации. Кто на нашу власть недоволен, кто решения партии ругает — тех бери на заметку, говори нам.

Отказался, конечно, Арсений, да так наорался там, и про идею, и про недоверие своим, что прежде чем расстаться, сказали ему: «Ну, смотри, не пожалей!»

Два дня валялся с височной болью он в постели, и нестерпимо горела звезда на

спине, будто ее заново резали мамонтовским ножом. Выстанывал Федору:

— Братуха, дураки у нас в районе засели, меня, бывшего разведчика, пужать вздумали! Напишу о них, пусть потом от стыда стреляются... А еще лучше в область поеду, пусть начальство порядок наведет.

— Лучше не надо, Арсений, ты вон про Куликово поле пиши да про природу. Не лезь со своей идеей. Сейчас знаешь же, как сажают тех, кто выпендривается.

— Я за Советскую власть пострадал, меня не посадят. Сажают, Федя, врагов, и правильно, скажу тебе, делают. Тех, которые меня на беседу приглашали, в Сибирь надо, чтоб поумнели.

Встал Арсений с постели, собрал в холщовую сумку тетради и отправился в Данков посоветоваться с тем седым, с рубцом, энкаведэшником.

И надо же такое: в тот день туда из области начальство приехало. Зарубин к порогу, а начальник — к «эмке» из здания вышагивает. Остановился у дверцы...

Лось! Заколотилось сердце, зашаталась земля, но пересилил себя бывший развед-

чик, постарался и виду не показать, что узнал того, кто мучил его в белогвардейских застенках. Поднялся по ступенькам, и лишь когда дверь распахнул, оглянулся. Не садится Лось в машину, стоит, в спину ему смотрит.

Арсений — к дежурному: где, мол, ваш этот... со срамом?

— Игнатьев? — спросил тот.

— Ну да, — вспомнил наконец фамилию Арсений.

— Нету его уже.

Это слово уже резануло слух, но не до расспросов было Зарубину.

— Кто за него?

— Поднимитесь на второй этаж.

В кабинете Игнатьева почти мальчишка сидит, в бумагах копается. Но узнал посетителя, заулыбался.

— День добрый, Зарубин. Ну что, больше не встречали вашего Боярского? Или еще какого-нибудь врага народа?

— Погодите смеяться. Кто к вам приехал? На «эмке»?

— В нашей конторе вопросы задаем мы, Зарубин, — уже без улыбки сказал че-

кист. — Но вообще-то это большой начальник.

— Это Лось. Он пытал меня. Он гад! Возьмите его!

— Молчать! — взвился со стула парень в кожанке. — Такие шутки и чокнутым не прощаются, дядя. Он... Ты знаешь, сколько он дел раскрыл? Это же...

Дверь кабинета открылась, вошел Лось, спокойный, добродушный:

— Назаров, — обратился к тому, кто за столом. — Я что вернулся-то... — и замолчал, увидев посетителя. — Это кто к нам пришел и с чем?

— Да так... — держа руки по швам, сказал Назаров. — Герой гражданской, белые ему звезду на спине вырезали. После этого приболел, и вот...

Арсений думал об одном: только бы не пришла сейчас височная боль, только бы не потерять контроль над собой.

— Что вот? — спросил Лось, глядя в окно.

— Большой он, вроде как чокнутый. Все и всех подозревает.

— А вы у меня спросите, — прохрипел тихо Зарубин. — Я все расскажу.

— Выйди вон! — крикнул Назаров.

— Не надо так с людьми, нехорошо, — словно бы устало растягивая слова, сказал Лось. — А спросить — спрошу. Товарищ Назаров, пойдите дайте распоряжение, чтоб моего шофера пока покормили.

Лось и Зарубин остались в кабинете одни. Лось сел на краешек стола, вытащил портсигар:

— Курить будете, товарищ... Как вас, простите?

— Легкие мне наполовину отшибли, дыму не переносят. А память осталась, осталась, Лось!

— Лошкарев. Моя фамилия — Лошкарев, Кирилл Иванович. Садитесь, Зарубин, и успокойтесь.

— Ага, и меня вспомнил!

— А как же, — не стал ломаться тот. И уже другим, жестким, грозным тоном продолжил: — Как же ты, Зарубин, такой идейный — и оборванный весь, худой, заросший, а?

— Не за то сражался, чтоб брюхо толстым было.

— А за что, можешь сказать, за что? Дворец себе построил, детей в академики вывел, человечество счастливым сделал?

Зарубин даже растерялся от таких вопросов, чуть ли не оправдываться начал:

— Я книгу пишу, здесь обо всем будет.

— При чем здесь это? Хотя, дай посмотреть. Выхватил из рук Арсения тетради, залистал, цепко, профессионально водя глазами по строкам.

— Интересно, интересно. Попов пропагандируешь, Сергея какого-то. И вообще, властью, видно, не доволен. За такие книжки, Зарубин, авторы у нас в расход идут: мы никому не позволим смущать народ, понял?

— Вы?

— Мы. И не смотри на меня так. Я в

партии с двадцать третьего и столько для блага Родины сделал... А ты — ты самый настоящий уличный дурачок, чокнутый. И никому ты не нужен, и никто тебе ни в чем не поверит, даже если допустить, что выпущу я тебя сегодня отсюда, слышишь, идейный? Ты за общее счастье и братство, кажется, сражался? Так скажи, кому ты сейчас нужен, кто о тебе побеспокоится, кроме родственников, а?

— Это что ж меня, идея предала? — не отрывая глаз от пола, сам себя спросил Арсений. — Нет, врешь!..

Зарубин повернулся и вышел из кабинета. Лось, прищурив глаза, следил за каждым его шагом.

Тут же вошел Назаров.

— Простите, товарищ Лошкарев, я не успел вас предупредить. У Зарубина — шизофрения, он на людей бросается: все ему кажется, что это мамонтовцы. Вот и вас, простите, заподозрил. А так он тихий, книгу вот пишет.

— Книгу я посмотрел, товарищ Назаров. Вредная книга. И он сам мне тихим только с виду оказался, а сейчас, я уверен, он в таком состоянии... Ты бы все-таки приставил к нему человека своего, хотя бы на пару дней. Сдается мне... В общем, держи его на виду, хорошо? Чутье мое ты знаешь, не думаю, что оно меня сейчас обманывает.

5

БЫСТРЕЕ, быстрее домой!

Залетел Зарубин во двор, так, что шустрый кочет еле успел из-под его ног выскочить, закудахтал возмущению. А Арсений сразу в подвал полез, вытащил оттуда одностволку. «Поверят не поверят, — бурчал себе под нос, — а Лося я уложу. Не место гаду на земле. Потом пусть разбираются».

Ах, найти бы кого из командиров, из тех, кто посылал его в мамонтовский штаб. Но кто ж знал, что понадобится это. Что просто на слово не поверят бывшему разведчику. А у Лося небось куча доказательств того, что он истинный большевик. Нет, шлепнуть его — и все. А там разберутся. Нельзя упускать: убежит, затаится...

Ружье завернул в мешковину, предварительно зарядив жаканом. Так же спешно выскочил из двора, поспешил в сторону города по знакомой дороге. Так спешил, что совсем не заметил, что следом за ним увязался длинноногий парень в надвинутой по глаза кепке.

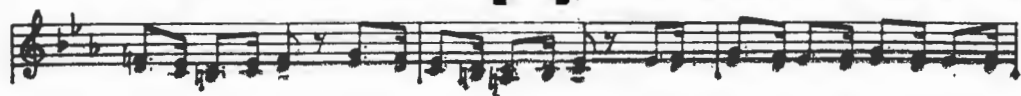
На полпути устал, решил присесть, перекусить. Рванул мешковину, чтоб не в пыли небогатый обед свой разложить. При этом дернулось ружье, повело черным зрачком из стороны в сторону.

Длинноногий парень обладал отменной реакцией. Видя, как колыхнулся в его сторону ствол, он выхватил из-за пояса наган и нажал на спуск...

Рисунки А. Кривенко,

ВОЕННОГО УЧИЛИЩА ОРКЕСТР ДУХОВОЙ

ШЕФСКАЯ РАБОТА

СОЮЗ ЗВЕЗДЫ И ЛИРЫ

В свое время А. В. Суворов отмечал, что музыка удваивает и даже утраивает силу армии. Именно так понимают свое предназначение военные музыканты духового оркестра Владикавказского высшего военного командного Краснознаменного училища имени С. М. Кирова МВД СССР, старейшего, с богатыми традициями творческого коллектива внутренних войск. В репертуаре его шестнадцать программ — для курсантов-первокурсников, для выпускников, для личного состава батальона обеспечения учебного процесса, для офицерско-преподавательского состава, для гражданского населения республики... И все они исполняются на профессиональном уровне, доступном лишь людям, по-настоящему влюбленным в музыку и безгранично преданным ей.

Тон в коллективе задают прапорщик В. Игнатьев, старшины Б. Беляев, А. Покидов, А. Цилидас, Э. Колкоров, Л. Шефер, Г. Цалиев, Ю. Рудич. Гордятся здесь своими ветеранами А. Никитиным, В. Савиним, А. Бутырским. Уволившись в запас, они не порывают связей с коллективом, помогают ему.

Душа оркестра — его руководитель заслуженный деятель искусств СО АССР майор К. Тугушев. Он не только прекрасный дирижер, но и талантливый композитор, автор ряда произведений для духового, эстрадного оркестров, музыки к песням. Союз композиторов и Министерство культуры СО АССР приняло решение о постановке его мюзикла «Еще раз о мечте» на профессиональной сцене. Песня «Цветы на кургане», написанная Тугушевым в содружестве с лауреатом премии имени К. Л. Хетагурова Б. Кеворковым, вошла в репертуар концерта на пленуме Союза композиторов республики.

Калим Халимович — лауреат II Всесоюзного фестиваля народного творчества. В рамках III Всесоюзного фестиваля состоялся парад-концерт духовых оркестров Северной Осетии, режиссером и главным дирижером которого был майор Тугушев. Оргкомитет праздника отметил оркестр училища и наградил его руководителя дипломом начальника военно-оркестровой службы Министерства обороны СССР.

...Известный русский музыкальный критик В. Стасов писал, что «духовая музыка... принадлежит всем. Военные оркестры — проводники не только одной военной, но и всяческой музыки в массу народную». Одним из таких коллективов и является оркестр Владикавказского высшего военного командного Краснознаменного училища.

Подполковник В. ЖОЛОбОВ.

Сегодня давние и традиционные шефские связи между вооруженными защитниками страны и представителями творческой интеллигенции проходят серьезное испытание на прочность.

У нас в Ленинграде, например, большинство работников культуры понимают, что армия, внутренние войска подвергаются незаслуженному прессингу. И своей дружбы с ними порывать не собираются.

Постоянно общаются с военнослужащими представители Государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького, многих музеев, библиотек города на Неве. Областная шефская комиссия, стараясь в полную меру использовать возможности учреждений культуры и искусства Ленинграда, активно привлекает к своей работе творческие союзы, фонд культуры, фонд возрождения города, вновь созданные общества.

По инициативе Ленинградской писательской организации в городе создано несколько военных литературных объединений под руководством известных мастеров слова. Только за последние два года в них состоялось свыше трехсот встреч с военнослужащими, издано и опубликовано более 60 произведений по военно-патриотической тематике.

Актеры, писатели — частые гости в наших подразделениях. Причем они не только выступают перед благодарной солдатской аудиторией, но и нередко занимают места в зрительном зале — с пристальным, профессиональным интересом следят за выступлениями самодетельных артистов.

Шефов интересует все. Какие формы общения предпочитают воины с актерами: концерты, комплексные встречи, спектакли! Какие бы спектакли хотели увидеть на театральной сцене, на подмостках солдатского клуба! С какими психологическими трудностями сталкиваются воины в своей нелегкой службе! И даже — почему воины, будучи в увольнении, обходят театр стороной!

Капитан И. АКИМОВ.

ЖИТНИКОВ

КАДЕИДОСКОШ

Общеизвестно, что боевая служба и стрессы нередко соседствуют. А стрессы — это ухудшение самочувствия, головная боль, рассеянность, страх, напряжение мышц, снижение остроты зрения. Но стоит ли сразу же обращаться к врачу или можно своими силами справиться с пагубным воздействием стресса? А если можно, то как! На эти и другие вопросы нашего корреспондента отвечает врач-рефлексотерапевт ГОРОЖАНИНА Лариса Федоровна.

Рефлексотерапевт Л. ГОРОЖАНИНА:

«ПРОТИВ СТРЕССА — ТОЧЕЧНЫЙ МАССАЖ»

СТРЕСС — это еще не болезнь, а лишь ответная реакция организма на внешние раздражения. Но отмахиваться от него нельзя, наоборот, надо эти раздражения устранять, не позволяя им скапливаться. Эффективны здесь точечный массаж и акупрессура (пальцевое давление) рефлексогенных зон или точек, расположенных на коже лица, головы, рук, ног и туловища. Думаю, уместно напомнить, что рефлексогенная зона — это ограниченный участок кожи, имеющий связь с определенным органом или системой.

К проведению точечного массажа и акупрессуры есть противопоказания. В частности, злокачественные и доброкачественные новообразования любой локализации, острые лихорадочные заболевания, активные формы туберкулеза, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, резкое истощение, кровотечения и кровоточивость, гнойничковая сыпь, кожные заболевания, повреждение или сильное раздражение кожи, воспаление вен, тромбоз и варикозное расширение вен. Иными словами: при заболеваниях внутренних органов не следует пренебрегать консультацией у врача. Советую также не проводить процедуры натощак, в состоянии даже легкого опьянения, при резких переменах атмосферного давления.

Наиболее доступные приемы массажа: касание или легкое безостановочное поглаживание, напоминающее катание под пальцами маленького шарика; легкое надавливание, когда используется тяжесть пальца или кисти (палец от кожи не отрывается); глубокое надавливание, когда на коже под пальцем образуется заметное углубление.

Движение пальцем — горизонтально-вращательное по часовой стрелке или вибрирующее, всегда безостановочное. Темп вращения или вибрации, замедляющийся или ускоряющийся, сочетается с некоторым давлением на точку или зону. Частота в среднем 60—120 вращательных движений в минуту.

Помните также: чем сильнее воздействие, тем короче оно по времени. Каким все же должно быть усилие? Попробуйте надавить на глазные яблоки, не вызывая неприятных ощущений. Попробовали? Это и есть необходимое усилие.

Давление производится подушечкой большого или среднего пальца, хотя можно помогать и другими пальцами. Ногти коротко острижены, чтобы не нарушить кожный покров.

Лягте на кушетку, устройтесь поудобней, расслабьте мышцы, отвлекитесь от постороннего. Приступайте к делу. И не волнуйтесь, если во время процедуры вы почувствуете боль или ломоту в пограничных участках — эти ощущения называют предусмотренными или преднамеренными.

В зависимости от того, какую цель вы преследуете, используйте различные методы точечного массажа и акупунктуры. **Успокаивающий** (тормозной) — медленное, плавное движение в замедляющемся ритме. Действие непрерывное. Можно просто надавливать подушечкой пальца с постепенным нарастанием силы давления и задержкой пальца на этом уровне. Прием повторять 3—4 раза, возвращаясь каждый раз к исходному положению, не отрывая пальца от точки или зоны. Длительность процедуры — 3—5 минут. **Тонизирующий** (возбуждающий) — короткое сильное надавливание и быстрое резкое удаление пальца от точки или зоны. Длительность воздействия — 1/2—1 минута на каждую точку или зону.

На Востоке в древности рекомендовали во время полнолуния делать только успокаивающий массаж, а во время новолуния — тонизирующий. После захода солнца делается успокаивающий массаж.

Ежедневно можно проводить 10—12 процедур.

Одновременно с точечным массажем и акупунктурой проводят и фитотерапию (траволечение). При этом рецепты подбираются с учетом самочувствия и тех зон, на которые собираются воздействовать.

Расположение рефлексогенных зон указано на рисунках.

УТОМЛЕНИЕ ГЛАЗ

Возбуждающий массаж на зоны: рук — 1, 3, 8; головы — 1, 4; лица — 7, 6, 9, 10, 11 (давление всей ладонью, глаза закрыты).

Фитотерапия: сок цветущего зверобоя (из всего растения) по 1 ст. ложке 2 раза в день после еды. Можно водный настой зверобоя (10 г сухой травы заварить в 1 стакане кипятка, настаивать 20 минут) по 1 ст. ложке 3—4 раза в день после еды.

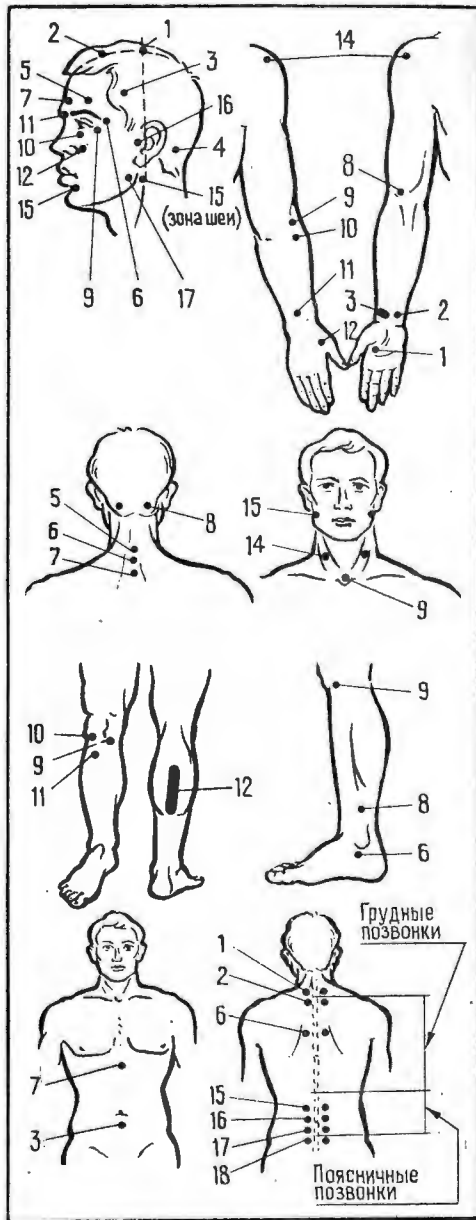
БОЛИ В МЫШЦАХ ШЕИ

Возбуждающий массаж на зоны: рук — 2, 10; головы — 4; лица — 17; шеи — 5, 6, 7; спины — 1, 2. За два-три часа до сна можно на болезненные места шеи положить теплую грелку или горячее полотенце.

Фитотерапия: сок петрушки (из листьев и корней) по 2 ст. ложки 4 раза в день. Сзади на шею — компресс из тертой редьки.

БОЛИ В НОГАХ

Успокаивающий массаж на зоны: рук — 12; ног — 11, 8, 6 (при спазме икроножных мышц ног дополнительно — 12).

Фитотерапия: березовый сок по 1 стакану 3 раза в день или сок зверобоя (из всего цветущего растения) по 1 ст. ложке 2 раза в день через 1 час после еды. Если сока нет, применяют компресс из березовых листьев на икроножные мышцы и подошвы стоп.

БОЛИ В РУКАХ

Успокаивающий массаж на зоны: рук — 1, 3, 8, 11, 14; шеи — 5, 6, 7.

Фитотерапия: березовый сок по 1 стакану 3 раза в день или сок зверобоя по

1 ст. ложке 2 раза в день. Зверобой и сок заменяемы компрессом из березовых листьев на всю руку, но эффект будет незначительным.

СНИЖЕНИЕ ОБЩЕГО ТОНУСА (вялость)

Возбуждающий массаж на зоны: рук — 1, 9, 14; ног — 11, 8; живота — 3; спины — 15, 16, 17, 18.

Фитотерапия: сок овса (свежего зеленого растения) по 1/2 стакана 2 раза в день между приемами пищи. Можно принимать водный настой или отвар шиповника по 1 стакану 2 раза в день после еды.

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ

Успокаивающий массаж на зоны: а) головы — 1, 2; лица — 5 (при боли в лобной области); б) головы — 1, 3; лица — 16 (при боли в височных областях); в) головы — 1, 4 (при боли в затылочной области); г) головы — 1 (при боли в теменной области).

Фитотерапия: сок боярышника (из цветков, листьев, ягод) по 1 ст. ложке 3—4 раза в день; сок тысячелистника (всего цветущего растения) по 1 ст. ложке 2 раза в день. Если соков нет, принимают водный настой сбора: трава пустырника — 1 ч., цветы боярышника — 1 ч., трава сушеницы — 1 ч. (4 ст. ложки смеси залить 1 л крутого кипятка, настоять 8 часов, процедить). Пить по 1/2 стакана 2 раза в день через час после еды.

Головокружение

Возбуждающий массаж на зоны: головы — 1, 2, 15; рук — 9; шеи — 8; спины — 6 (при тошноте воздействовать на зоны шеи 9, 14).

Фитотерапия: сок боярышника (из цветков, листьев, ягод) по 1/2 стакана 1 раз в день; сок тысячелистника (всего цветущего растения) по 1 ст. ложке 1 раз в день через час после еды. Применим водный настой сбора: трава пустырника — 3 ч., трава сушеницы — 3 ч., цветы боярышника — 3 ч., цветы ромашки аптечной — 1 ч. (4 ст. ложки смеси залить 1 л крутого кипятка, настоять 8 часов, процедить). Пить по 1/2 стакана 3 раза в день через 1 час после еды.

НАСМОРК

Успокаивающий массаж на зоны: рук — 10; лица — 12, 10, 6. Давление проводят подушечками указательных пальцев, в симметричных зонах одновременно с обеих сторон в течение 1 минуты.

Фитотерапия: сок малины (из ягод) по 1/2 стакана 2 раза в день. Можно пить водный настой сбора: ягоды малины — 2 ч., листья мать-и-мачехи — 2 ч., цветы липы — 3 ч. (1 ст. ложку смеси залить 1 стаканом крутого кипятка, настоять 20 минут,

процедить). Пить теплым по 1 стакану утром и вечером.

НОСОВОЕ КРОВОТЕЧЕНИЕ

Успокаивающий массаж на зоны: рук — 12; лица — 10, 11. Небольшое кровотечение останавливают прижатием крыла носа к носовой перегородке.

Фитотерапия: сок крапивы (из свежих растений) по 1 ст. ложке 3 раза в день после еды. Заменитель — водный настой сухих листьев крапивы (1 ст. ложку настоять 1 час в 1 стакане кипятка, процедить). Пить по 1 ст. ложке 3—4 раза в день за 1/2 часа до еды. Кровотечение останавливает порошок из семян липы. Его вдвуют в носовые ходы.

СТРАХ

Успокаивающий массаж на зоны: рук — 12, 10; ног — 11; головы — 1, 4.

Фитотерапия: сок валерианы (свежих корней) по 1 ст. ложке 4 раза в день или 50 г за один прием в течение 5 дней. Применим и водный настой сбора: трава пустырника — 4 ч., трава сушеницы — 3 ч., трава чабреца — 2 ч., листья ежевики — 5 ч. (4 ст. ложки смеси настоять 2 часа в 1 л кипятка). Пить по 1/2 стакана 4 раза в день через 1 час после еды.

УКАЧИВАНИЕ В ТРАНСПОРТЕ

Возбуждающий массаж на зоны: а) рук — 10, 12; ног — 9, 10, 11; головы — 4; шеи — 8, 9, 14 (при повышенном слюноотделении); б) рук — 12; ног — 11; головы — 4; шеи — 8, 9, 15 (при тошноте); в) рук — 12; ног — 11; головы — 4; шеи — 8, 9, 14 (при рвоте), давление проводят резко, до боли.

Фитотерапия: сок валерианы (из свежих корней) — 2 ст. ложки, через 15 минут сок лапчатки гусиной (из свежих цветущих растений) — 1 ст. ложку. Через два часа прием соков повторить. При отсутствии соков — водный настой сбора: корневища и корни валерианы — 3 ч., цветы ромашки аптечной — 4 ч., листья мяты перечной — 3 ч. (1 ст. ложку смеси залить 1 стаканом кипятка, настоять 30 минут, процедить). Пить 1 стакан водного настоя перед поездкой в транспорте; при длительном нахождении в транспорте по 1/2 стакана 2 раза в день. Для профилактики укачивания рекомендуется принимать сок шпината огородного или овса посевного по 1/4 стакана 2 раза в день через 30 минут после еды. Сок можно заменить водным настоем тех же растений (1 ст. ложку измельченных зеленых растений залить 1 стаканом кипятка и кипятить в течение 10 минут, настоять 1 час, процедить). Пить по 1/4 стакана 3 раза в день через 30 минут после еды.

Записала С. ЯРОСЛАВЦЕВА.

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

ПИРОГ С СУШЕНЫМИ ЯГОДАМИ

Пока сахар у нас по талонам, да и цены кусаются, варенье выходит дороговато. Предлагаем ягоды сушить. Сейчас еще можно заготовить чернику, землянику, черемуху, шиповник... Зимой из них получаются вкусные и питательные кисели, морсы, начинки для пирогов и тортов. В Сибири пекут пирог с молотой черемухой.

Берем 7 стаканов муки, 3 стакана молока, стакан сливочного масла, стакан сахарного песка, 6 яиц, чайную ложку соли, 50 г дрожжей.

Дрожжи разводим в теплом молоке с четырьмя стаканами муки и ставим в теплое место. Пока опара подходит, сделаем начинку. 3 стакана черемухи размалываем, просеиваем, заливаем горячей водой (1 стакан), плотно закрываем и ставим минут на 40—60 в теплое место для набухания. После этого всыпаем сахар, тщательно перемешав всю массу.

В подготовленную опару добавляем сахар, яйца, соль, оставшуюся муку, по-

следним кладем масло, размягчив его. Тесто вымешиваем до тех пор, пока не будет легко отставать от рук, ставим в теплое место, как подойдет, обминаем и ставим на подъем еще раз.

Готовое тесто раскатываем в пласт толщиной в 1,5 см, кладем на лист, смазанный маслом. По краю пласта делаем рантик. Лист с пирогом ставим на расстойку в теплое место на 10—15 минут. Затем на пирог укладываем начинку из черемухи слоем примерно в 1,2 см. Пирог ставим в печь или духовку на 30—40 минут. Испеченный пирог кладем на стол, застеленный в несколько рядов бумагой, чтобы доньшко не отпотело.

А. МАШКОВА.

МИРОВАЯ ЗАКУСКА

Берем 3 кг зеленых помидоров, 1,5 кг репчатого лука, 1,5 кг моркови, тщательно их моем, чистим. Помидоры режем мелко — на 4—6 долек, лук — тонкими колечками, морковь трем на крупной терке. Все перемешиваем и ставим на 10—12 часов в прохладное место, посолив (100 г соли).

Горячим маринадом (состав: 300 г растительного масла, 300 г сахара, 300 г девятипроцентного уксуса — кипятить 3—5 мин.) заливаем всю подготовленную массу овощей, кипятим на медленном огне 25—30 минут. Затем раскладываем по банкам. Можно закрыть их полиэтиленовыми крышками или закатать — кому как нравится.

Закуска получается великолепная — пальчики оближешь!

Н. БАКШЕЕВА,
жена офицера.

ЗНАХАРКИНЫ ЗАГОТОВКИ

СОЛДАТСКАЯ ТРАВА

Август — не самая горячая пора для сбора лекарственных трав, июль многое уже подобрал. Но и сейчас можно засушить про запас луговой и лесной продукции. Каждый, наверное, знает неприхотливую травку — тысячелистник: на верхушке зонтик мелких белых или розоватых цветков, снизу — вырезанные, словно кружево, листья. Растет он на опушках лесов, по краям полей и лугов. Собираем траву часов с 11—12 и до вечерней росы, срезая ножом верхушку до 15 см стебля. Сушим, как и все лекарственные травы, в

проветриваемом помещении, лучше всего на чердаке.

С глубокой древности известны людям целебные свойства тысячелистника при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, как противовоспалительного средства и самое главное — кровоостанавливающего. В средние века его называли солдатской травой. Свежую толченую траву (или сок) прикладывали к ранам, порезам, фурункулам — заживало быстро.

И сейчас настои и отвары тысячелистника применяют при различных наружных и внутренних кровотечениях, геморрое, анемии, колитах, язвенной болезни, воспалениях мочевыводящих путей.

Настой: 15 г травы зава-

риваем стаканом кипятка, выдерживаем 45 минут. Принимать по ст. ложке 3—4 раза в день после еды.

Отвар: 15 г травы кипятить в стакане воды 15 минут, остудить, процедить, принимать как настой.

Хорошо попить по 3 чайных ложки свежего сока с медом каждый день — желудок будет работать отлично.

И еще одно полезное свойство тысячелистника: он поможет вам на огороде в борьбе с паутинным клещом, клопами, тлями. Настой: 800 г. сухого порошка травы залить 5 л кипятка, выдержать полтора суток, процедить, разбавить 10 л воды и сразу опрыскивать растения, деревья. Можно добавить 40 г мыла.

ЗАПАСЫ ВПРОК

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Продолжаем заготавливать огородную зелень: петрушку, укроп, сельдерей, эстрагон, кинзу. Всем известен наиболее легкий способ их заготовки — сушка. Один совет — чтобы зелень не пожелтела и не потемнела, ее нельзя сушить на солнце и в процессе сушки всю массу надо постоянно ворошить, переворачивать. Второй способ — засолка. Обычно зелень мелко режут, но лучше выбрать более мелкую и укладывать целиком, пересыпая солью. Тогда зимой перед употреблением ее можно будет промыть и лишняя соль не попадет в готовое блюдо. Затем перемешиваем все с солью (200 г соли на кг зелени), плотно укладываем в небольшие стеклянные банки, сверху посыпаем солью и — в холодильник.

Хочу рассказать здесь еще об одном приятном рас-

тении: любисток, или, как его называют в народе, любим-трава, дудочник, зоря лекарственная. Он не накапливает из почвы нитраты, так что, употребляя его в пищу, вы всегда будете уверены: едите чистую зелень. Любисток по вкусу напоминает сельдерей. Листья его в свежем и сушеном виде добавляют в салаты, в мясные и рыбные блюда, маринады и соления. При варке картофеля бросьте маленькую веточку любистока в кастрюлю — аромат получится специфический!

А еще говорят, что из настоя корней любистока хорошее приворотное зелье получается: пусть отведает его ваш любимый — никуда от вас не уйдет, заодно и сердце его работать лучше будет и половина хворей долой.

А. ЯНКО, служащая.

ПОДУМАЕМ О СЕБЕ...

За лето, как ни бережешь волосы от жгучего солнца, все равно они часто выцветают, выгорают, а иногда становятся тусклыми, некрасивыми, словом. Чтобы вернуть волосам шелковистость и блеск, приготовим такой настой: 2—4 ст. ложки сухих цветков ромашки (в зависимости от длины и густоты волос) заливаем 1—2 л крутого кипятка, выдерживаем на слабом огне 5—10 минут и даем настояться. Затем настоем процедить, сполоснуть им чистые волосы или добавить его в воду для полоскания.

Специально для блондинок: для придания волосам золотистого оттенка возьмем побольше цветков ромашки. Для очень светлых волос — 100 г, для темной блондинки—150—200 г. Завариваем в 0,5 л кипящей воды, кипятим 5—10 минут, процеживаем. Сразу после

мытья головы, просушив волосы, споласкиваем их настоем и, не вытирая, просушиваем. Для более интенсивной окраски нужно несколько дней протирать волосы ватным тампоном, смоченным настоем, пока не получится желаемый цвет. И корни волос заодно укрепляются при такой процедуре.

...И О МУЖЕ! Пришел человек с учений, из караула, из поиска — ноги натруженные гудят-ноют. Приготовьте какую-либо из этих ванн:

1. 100 г сухой мяты залить крутым кипятком, прикрыть и дать настояться около 30 минут. Когда настой остынет — ванна для уставших ног готова.

2. 20 г цветков ромашки завариваем 1 л кипятка и кипятим минут 15. Такая ванна целительно действует не только на уставшие ноги, но и при ревматических, подагрических и других болях в ногах.

000040 — Е. А. Мне 18 лет, работаю на обувной фабрике. Рост 158, глаза голубые, волосы черные. Увлекаюсь музыкой, люблю природу, собак. Занимаюсь в секции дзю-до. Думаю, что и для меня в вашем клубе возможна встреча с хорошим парнем, который умеет держать слово.

Лена.

000061 — И. Г. Мне писать пока никому. Может, потому, что еще 16 лет, учусь в десятом классе. Ну и что, ведь я уже взрослая! Люблю гулять, вязать, читать стихи (особенно Есенина). Пишите, ребята, отвечу всем.

Ирина.

000064 — Ю. А. Курсант старейшего высшего военного командного училища хотел бы познакомиться с девушкой не старше 20 лет (рост значения не имеет) с надеждой, что наше письменное знакомство перейдет в дружбу. В человеке уважаю доброту, честность, искренность, умение пожать собеседника, чувство юмора. Мне 21 год, рост 185, увлекаюсь спортом, особенно спортивными играми. Люблю и классику, и поп-музыку. Надеюсь с помощью клуба «ВВ» найти себе подругу. Надежную и верную.

Юрий.

ВОЛЯ ХОЗЯИНА — ЗАКОН

Продолжим разговор о подготовке собаки к преодолению препятствий, ибо барьер, о котором шла речь в прошлый раз, не единственное, что может встретиться на пути вашего питомца. Есть еще лестница, бум, канава. Ничто не должно остановить обученную собаку, выполняющую волю хозяина.

К занятиям лучше приступать, когда ученик изрядно проголодается. Это придаст припасенному вами лакомству большее стимулирующее значение, а действиям собаки — наивысшую заинтересованность: голод — не сетка.

Прежде предоставьте собаке возможность свободно побегать по площадке, познакомиться с тренировочными снарядами, что называется, в непринужденной обстановке. Затем возьмите ее на короткий поводок и подойдите к лестнице. Покажите кусочек лакомства и положите на первую ступеньку. Разрешите его взять. Положите лакомство несколько выше прежнего, затем еще выше и так далее. Продвижение собаки сопровождайте командами «вперед» и «хорошо, вперед». Ни в коем случае не тяните ее за поводок и не стесняйте движений. Сами поднимайтесь либо справа от собаки, либо впереди. Лестницу она должна преодолеть сама, движимая желанием получить угощение. Кстати сказать, в целях экономии продуктов можете попробовать увлечь ученика на лестницу личным примером, примером рабочей собаки или любимой игруш-

кой — нередко это срабатывает.

Сдерживайте свое нетерпение — не стремитесь сразу достичь вершины лестницы, это не станет свидетельством того, что прием освоен. Важна постепенность. На первых порах вполне достаточно и первой нижней площадки. Сначала освоите с собакой пологую сторону лестницы и только потом переходите к более крутой. Развороты для движения в обратном направлении осуществляйте на горизонтальных площадках. Во избежание травм не разрешайте собаке разворачиваться непосредственно на ступеньках.

Если бум на площадке имеет по краям своей длины откидные на петлях доски, предназначенные для придания ему в нужный момент большей ширины, осваивайте его точно так же, как и лестницу, предварительно максимально расширив. Постепенно в ходе занятий уменьшайте ширину снаряда. Если же бум не имеет откидных досок, не торопитесь приступать к уроку. Дооборудуйте его сами. Уверяю вас, что труд окупится сторицей.

Коротко о канаве. Досками с двухметрового барьера накройте канаву таким образом, чтобы ширина ее стала не более 50 см. В беге увлеките собаку за собой и вместе с ней преодолите препятствие. Хорошо бы продемонстрировать вашему питомцу, как этот прием выполняет рабочая собака. Попробуйте также бросить за канаву любимую собакой игрушку. Не забы-

вайте перед прыжком подавать команду «вперед», а после — «хорошо, вперед». Постепенно доски убирайте, следя за тем, чтобы собака не спрыгивала в яму. Это может войти в привычку, от которой не так-то просто избавиться.

Каждое препятствие преодолевайте с собакой не более двух раз и переходите к следующему. Не надоедайте собаке одним снарядам, чередуйте их почаще. И не показывайте характер — не принуждайте собаку и ни в коем случае не наказывайте.

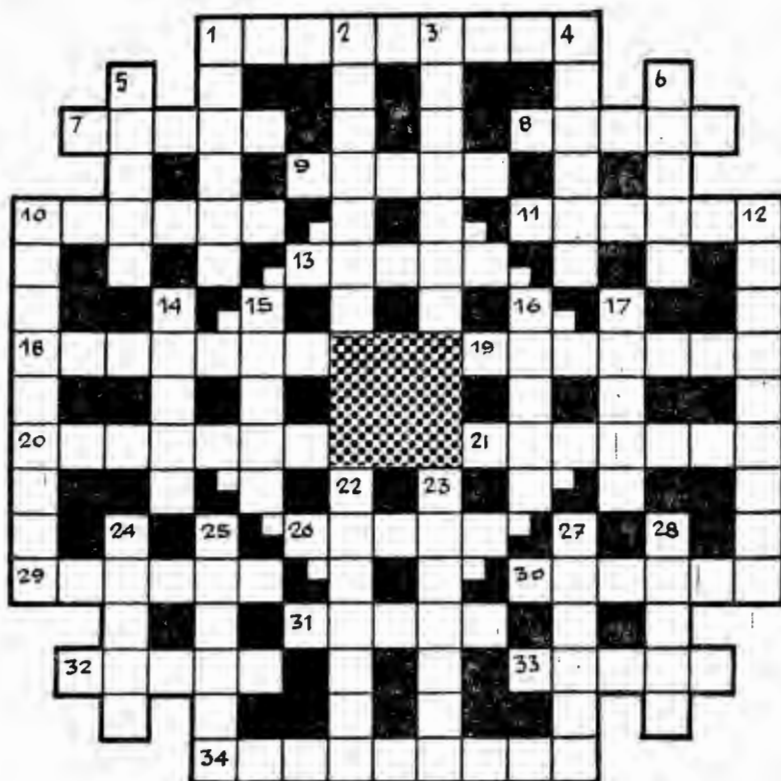
Теперь рассмотрим такой важный прием дрессировки, как «развитие злости». Здесь одними уроками не обойтись — сами условия жизни щенка должны стать основой, на которой в последующем будет выращена и подготовлена смелая, злобная и недоверчивая к посторонним собака. Ее отношения с чужими людьми изначально должны строиться так, чтобы она всегда ожидала от них какой-либо провокации, неприязни и потому была настроена. Занятия же проходят следующим образом. Вы привязываете собаку на цепь, сами стоите рядом. Из-за укрытия появляется помощник с тряпкой и хлыстом. Подойдя, он начинает наносить собаке удары хлыстом и тряпкой. Причем хлыстом — только по бокам животного, тряпкой же — куда угодно. Тряпка, схваченная собакой, должна от натяжения с треском рваться — это способствует выработке крепкой хватки. Добившись этого, замените тряпку на дрессировочный рукав. Ударив собаку хлыстом, помощник подставляет ей рукав, давая возможность схватиться за него точно. Затем он пытается вырвать рукав из пасти и, «сдавшись», вытаскивает из него руку, оставляя добычу победителю. Для нападения на помощника собаке подается команда «фас».

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего
внутренними войсками.

Составил А. ГЛАДКОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Противоправное поведение, влекущее дисциплинарную либо административную ответственность. 7. Выходное отверстие ствола арторудия. 8. Обвиняющее обстоятельство. 9. Умение, созданное упражнениями, привычкой. 10. Одна из военных заповедей А. Суворова. 11. Японская система самозащиты без оружия. 13. Наиболее деятельная часть коллектива. 18. Работник юридической консультации. 19. Разглашение, известность. 20. Должность в военно-судебных учреждениях Российской империи. 21. Место службы Карацупы и его собаки. 26. Метод сбора первичной информации. 29. Имя Ковтюха, героя гражданской войны. 30. Преследование, поимка. 31. Столица европейского государства. 32. Герой детективного романа Ж. Сименона. 33. Место для наблюдения на охраняемом объекте. 34. Член добровольной организации по охране общественного порядка.

По вертикали: 1. Отдельный участок обороны. 2. Столкновение в бою, борьбе.

3. Фортификационное сооружение, элементы рельефа, используемые для защиты, маскировки. 4. Часть ручной гранаты РГД-5. 5. Моральное качество, достоинство воина. 6. Сильный, резкий порыв ветра. 10. Мера принуждения за совершенное преступление. 12. Расширение, усиление конфликта, военной напряженности. 14. Полковой комиссар, герой книги С. Смирнова «Брестская крепость». 15. Основной источник права в современном обществе. 16. Солдат особых стрелковых полков в некоторых армиях. 17. Три минуты поединка в боксе. 22. Преступление, выражающееся в секретном собирании, похищении и передаче другому государству сведений, составляющих государственную тайну. 23. Место испытаний военной техники, оружия. 24. Каждые сто метров железной дороги. 25. Степень, уровень квалификации в спорте. 27. Деятельность компетентных органов по установлению местонахождения обвиняемых, осужденных. 28. Соревнование лыжников, велосипедистов.

БЫВАЛЫЕ — МОЛОДЫМ

С ПОПЛАВКОМ ИЗ КОРЫ

Ни один из магазинных поплавок не устраивал меня: то мал, то велик, то слишком ярко окрашен. Любой из них выглядел на воде инородным телом, которое никак не вписывалось в естественный вид реки с ее кувшинками и другими

растениями, водомерками, плывущими листьями и соринками. Хотелось иметь такой поплавок, который был бы похож на намокший обломок дерева. Ведь именно к таким предметам привыкает рыба и не боится их.

Поэтому-то и вырезал из сосновой коры поплавок в виде плашки с закругленными концами, просверлил с краю дырку для лески и заткнул ее сучочком. Пескарь, насаженный на крючок, будет лишь пошевеливать этот поплавок-плашку,

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки "ПВ—МЕСТО" производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

не в силах утянуть его в глубь воды. А вот если пескаря заглотнет окунь, тогда поплавок встанет торчком и начнет медленно погружаться. Когда же пескарем соблазнится щука, поплавок резко утонет.

Первый же выход на рыбалку оправдал мои надежды. Правда, пришлось походить по берегу речки, прежде чем обнаружилась стоянка окуней — между двумя полузатопленными

кустами черемухи. Слабое течение здесь соответствовало сравнительно большой для маленькой речушки глубине — около двух метров. Окунь жадно набрасывался на пескарей, насаженных на крупный крючок с длинным цевьем. Вот только надо было бдительно следить, чтобы поплавок не приближался к затопленным кустам — тогда не миновать зацепа.

Несколько раз я рыбачил

с местным жителем, сторожем пионерского лагеря. Он не признавал маскировки, всегда ловил на грубую удочку с большим пенопластовым поплавком и толстой леской. Клевало и у него, но значительно реже. Однажды подсчитали поклевки за полдня, и вышло три к одному в мою пользу. Думаю, главным образом за счет полавка.

А. ОЖИГАНОВ.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
"Союзпечать"

АБОНЕМЕНТ на газету **70610**
журнал (индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту** Количество комплектов

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ИВ _____ место _____ ли-тер _____ на газету **70610**
журнал (индекс издания)

(наименование издания) **На боевом посту**

Стоимость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб.	_____ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия инициалы)

**ГЯНДЖИНСКИЙ
ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНЫЙ
ЗАВОД**

предлагает

ВОДОСЧЕТЧИКИ

374705, АЗЕРБАЙДЖАН,
Б.ГЯНДЖА, ул. 28 МАЯ, 121.
ТЕЛЕФОН: 3 - 19 - 86, 2 - 40 - 52.
ТЕЛЕТАЙП: 188115 МАГНИТ.

ТЕПЛОМЕРЫ

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Завод предлагает всем заинтересованным предприятиям и организациям водосчетчики крыльчатые типа ВСКМ (Г) и турбинные типа СТВ (Г) для измерения объема протекающей холодной и горячей воды в системах коммунального водоснабжения, а также тепломеры типа ТЭМ-1 для раздельного измерения суммарного объема тепловой энергии и теплоносителя в закрытых сетях теплоснабжения.

	Счетчики крыльчатые ВСКМ (Г)	Счетчики турбинные СТВ (Г)	Тепломеры ТЭМ-1
Диаметр условного прохода (мм)	25 - 32	65 - 150	65 - 150
Температура воды °С	5 - 40 (40 - 90)	5 - 40 (40 - 90)	40 - 120
Давление МПа	1	1	1
Номинальный расход м ³ в час	3,5 - 5,0	35 - 250 (30 - 160)	35 - 175
Присоединение к трубопроводу	нипельное	фланцевое	фланцевое

на боевом посту
ЖУРНАЛ **ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**
индекс 70610

БОЛЕЕ 30 ЛЕТ ИЗДАНИЕ БЫЛО НЕДОСТУПНО МАССОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ. ВПЕРВЫЕ С 1992 ГОДА ОТКРЫТА ШИРОКАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "НА БОЕВОМ ПОСТУ" И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЕ ГАЗЕТУ "СИТУАЦИЯ".

- ЕСЛИ ВАМ НЕБЕЗРАЗЛИЧНЫ НЕЛЕГКИЕ СУДЬБЫ ИСТИННЫХ ПАТРИОТОВ ОТЕЧЕСТВА, ДЛЯ КОТОРЫХ ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ — МЕСТО СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНОЙ СЛУЖБЫ...
- ЕСЛИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ, КАКОЙ ЦЕНОЙ ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ...
- ЕСЛИ ВЫ УВЛЕКАЕТЕСЬ ДЕТЕКТИВАМИ, ОСТРОСЮЖЕТНЫМИ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИМИ И ФАНТАСТИЧЕСКИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ...
- ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ПРИОБЩИТЬСЯ К ИСКУССТВУ БОЕВЫХ ЕДИНОБОРСТВ...

Вы непременно должны подписаться на общественно-политический и литературно-художественный журнал внутренних войск МВД СССР "На боевом посту" и приложение к нему — газету "Ситуация".

Открыта подписка

Цена годовой подписки
журнала 18 руб.,
газеты — 10 руб. 40 коп.

Ситуация

индекс 50157